

С ДУМОЙ О СОЛДАТЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ВETERАНОВ

БЫВШИХ РАБОТНИКОВ ШТАБА,
УПРАВЛЕНИЙ,
УЧРЕЖДЕНИЙ
И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТЫЛА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, армий и соединений. К сожалению, у нас очень мало пишут о тылах, о работниках тыловой службы, которые своим трудом, своей творческой инициативой помогали войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-историческими победами.

Маршал Советского Союза
Г. К. Жуков

С думой о солдате

*Воспоминания ветеранов,
бывших работников штаба,
управлений, учреждений
и подразделений тыла
Ленинградского фронта*

63.3(2)722.78

С11

Составитель *И. П. Коннов*

Литературная запись *Г. В. Ильяшенко*

Редактор *И. Н. Ионина*

С $\frac{1305010000-150}{M171(03)-89}$ 87-89

ISBN 5-289-00331-2

© Лениздат, 1989

Уже много написано и сказано о войне. Из этих материалов известно, что в ее начальный период не было более обидного, более убийственного в моральном и психологическом планах упрека, чем упрек в том, что ты был (говорилось: «отсиживался») в тылу, то есть не был на передовой, не нюхал пороха, не воевал.

Со временем, когда, стремительно разрастаясь, война втянула в свою орбиту всю нашу страну, коснулась каждой республики, области, города, деревни, ворвалась в каждую семью, где бы она ни жила — на Украине или на Дальнем Востоке, на Северном Урале или в Средней Азии, когда каждый человек — от партийного и государственного руководителя, ученого, инженера до рабочего и колхозника — так или иначе трудился для фронта, для Победы, упрек этот потерял свое основание. Тыл по своему значению, размаху и сложности решаемых задач почти сравнялся с фронтом. На передовой войны гибли от пуль и снарядов, а на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах падали с ног от голода и переутомления.

Слово «тыл» включает в себя несколько понятий. Оно может подразумевать всю страну, ее экономический потенциал, людские ресурсы, а может относиться только к управлениям, учреждениям, подразделениям, ведающим вопросами снабжения войск всех Вооруженных Сил или частей округа, фронта, армии, корпуса, дивизии, подразделений полка. В более узком смысле тыл — это часть строя, противоположная фронту.

В прошлые века боевые и тыловые эшелоны имели четкие функциональные и территориальные различия. Но времена меняются, меняется и военное дело. Как теперь предполагается, одной из важнейших особенностей будущей ядерной войны, если империализму удастся ее развязать, будет полное или почти полное слияние фронта и тыла. При рассмотрении этого вопроса особый интерес представляет собой опыт ведения боевых действий и их тылового обеспечения на Ленинградском фронте, особенно в блокадный период.

Деление войск и территории на фронт и тыл здесь зачастую было чисто формальным. Даже сейчас трудно сказать, где, какие боевые акции были более важными и решающими для победы: бой на Синявинских высотах или, скажем, прокладка ледовой дороги на Ладоге, яростные схватки на Невском «пяточке» или круглосуточная работа на Кировском заводе...

Ни на каком другом фронте не было такой слитности воинов-окопников с рабочими ленинградских заводов и фабрик, такого

единства военного и гражданского руководства, такого монолита, какой составляли войска и мирное население города и области.

Опыт ведения боев на Ленинградском фронте ценен для нас не только искусством проведения крупномасштабных оборонительных и наступательных операций, но и в еще большей степени — особенностью материального обеспечения этих операций, когда возможности для решения этих задач были крайне ограничены.

Поучительны оперативность и решительность, с какой в штабе тыла, его управлениях и службах, несмотря на все трудности на фронте, проводились организационные изменения, принимались меры для совершенствования стиля и методов работы, укрепления дисциплины, железного порядка.

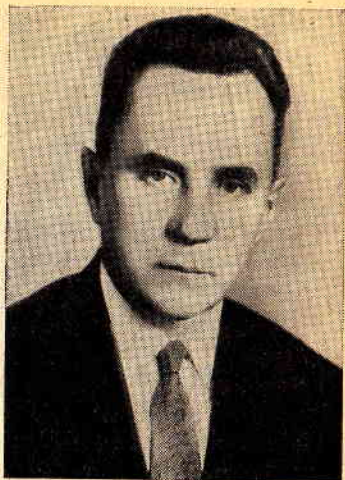
Особую значимость опыт работы тыла Ленинградского фронта обретает сейчас, в свете решений XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции и последующих Пленумов ЦК КПСС, нацеливающих страну, весь советский народ на коренную перестройку всех сфер нашего народного хозяйства, механизма управления им. Многое из того, к чему мы стремимся сейчас, в блокадном Ленинграде или уже имелось, или зарождалось. Скажем, тот же принцип единоначалия тесно сочетался с элементами социалистической демократии. Подбор и расстановка кадров велись прежде всего с учетом деловых качеств выдвигаемых на руководящую работу. О бюрократизме, волоките, равнодушном отношении к делу тогда и речи не могло быть. Любая инициатива, если она работала на победу, рассматривалась немедленно и быстро претворялась в жизнь.

Очень высокими были дисциплина, требовательность людей к себе и окружающим. Отдать все, на что способен, для фронта, для победы было первейшей доблестью каждого военного хозяйственника, тылового специалиста.

Ленинградский тыл был одним из самых боевых, самых разворотливых в решении стоящих перед ним задач среди других фронтовых тылов. Эту мысль легко доказать большим количеством цифр, отражающих объем перевезенных по различным дорогам боевых грузов. Но нам, работникам тыла, сейчас важнее другое. И прежде всего интересно знать, как все это перевозилось, какие трудности возникали и каким образом они преодолевались. То есть как действовали люди, в чем они черпали мужество, стойкость в повседневной борьбе за четкое обеспечение войск всем необходимым для победы — войсковым имуществом, техникой, боеприпасами, питанием. Отсюда, думается, важнейшая ценность воспоминаний ветеранов войны.

*Заместитель командующего войсками
Ленинградского военного округа
по тылу — начальник тыла
генерал-лейтенант А. КЛИМОВ*

А. Н. КОСЫГИН,
заместитель председателя
Совнаркома,
уполномоченный ГКО
по эвакуации населения
и промышленности Ленинграда

А. А. КУЗНЕЦОВ,
секретарь Ленинградского
горкома КПСС

П. С. ПОПКОВ,
председатель Ленгорисполкома

Н. В. СОЛОВЬЕВ,
председатель Леноблисполкома,
член Военного совета фронта

Т. Ф. ШТЫКОВ,
секретарь Ленинградского
обкома КПСС,
член Военного совета фронта

Г. П. ГУТОРОВ,
секретарь Ленинградского
горкома КПСС
по промышленности

Ф. Н. ЛАГУНОВ,
заместитель командующего
фронтом по тылу
(1941 — 1943 гг.)

Г. М. САВОНЕНКОВ,
заместитель командующего
фронтом по тылу
(1943—1944 гг.)

В. Ф. ЕВТЕЕВ,
интендант фронта

Д. Н. ВЕРХОВСКИЙ,
начальник военно-санитарного
управления фронта

П. И. АРЕФЬЕВ,
заместитель начальника
военно-санитарного
управления фронта

П. А. КУПРИЯНОВ,
главный хирург фронта

Д. С. СКРЫННИКОВ,
заместитель начальника
военно-санитарного
управления фронта,
начальник санэпидотдела

В. Г. МОНАХОВ,
начальник
автодорожного управления

Е. В. ТУЛУПОВ,
начальник отдела
военных сообщений фронта

В. А. ТИМЧЕНКО,
начальник тыла
2-й ударной армии

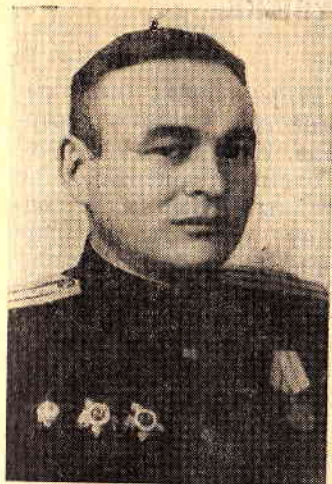

А. Л. МАТВИЕВСКИЙ,
начальник автомобильного
отдела армии

В. А. ВАСИЛЬЕВ,
начальник
продовольственно-фуражного
отдела фронта

А. В. АТАПИН,
начальник обозно-вещевого
отдела фронта

Н. Х. ДЬЯЧЕНКО,
начальник автотранспортного
управления фронта

Т. В. ВАСИЛЬЕВ,
районный инженер
главного интендантского
управления

**Генерал-майор
интендантской службы в отставке
П. И. НОВОСЕЛОВ,
бывший начальник штаба тыла
Ленинградского фронта**

НА ГЛАВНОМ РУБЕЖЕ

8 сентября 1941 года, после напряженных боев, ценой больших потерь немецким войскам удалось завершить окружение города Ленинграда. Еще около двух недель после этого они пытались сломить сопротивление его защитников, но, получив достойный отпор, вдруг однажды утром, закинув за спину автоматы, усердно заработали лопатами. Это означало, что фронт стабилизировался, что началась долгая и трудная блокадная пора.

Когда эта весть дошла до Смольного, командующий войсками фронта генерал армии Г. К. Жуков немедленно вызвал к себе начальника тыла генерал-майора Ф. Н. Лагунова. В самом вызове не было ничего необычного, а вот разговор, какой после этого состоялся, был в значительной мере знаменательным. И не столько по содержанию, сколько по постановке вопроса. Она сводилась к утверждению, что, если четкая работа тыла и его звеньев всегда была важнейшей предпосылкой достижения победы, то теперь, в обстановке вражеского окружения, она становится решающим условием наших успехов. Тыл как бы слился с фронтом, вышел на главный рубеж нашей борьбы с врагом.

Отсюда сам собой напрашивался вывод о тех требованиях, какие сложившаяся ситуация налагает на каж-

дого военного хозяйственника, начиная с самого начальника тыла и кончая старшинами.

Наши работники и раньше не сидели сложа руки, а с началом блокады их усилия утроились. Голода еще ни в войсках, ни в городе не было, но уже первые признаки его приближения многими ощущались.

Любопытно, что, встречая вдруг неожиданно «постройневших» друзей, знакомых и просто замечая, как систематическое недоедание кладет свой отпечаток на лица, мысли, темы разговоров ленинградцев, наши тыловики и тем более те из нас, кто был связан с продовольственным снабжением воинов и населения, воспринимали это как живой укор в свой адрес. Хотя в общем-то прямой вины нашей в этом не было. Так сложились обстоятельства. И все же...

До сих пор отчетливо помню один случай, память о котором тяжелым камнем давит душу.

Было это на Ладоге. Тогда, осенью и зимой 1941/42 года, мы вообще пропадали там, делая все, чтобы единственная ниточка, связывавшая Ленинград с Большой землей, не оборвалась, стала как можно более надежной артерией, питающей блокированные врагом войска и городское население. На берегах озера в спешном порядке строились причалы, перевалочные базы, склады, рубились из прибрежных деревьев новые баржи. Небольшие, почти заштатные раньше поселки, железнодорожные станции в короткий срок превратились в густо забитые народом, боевой техникой, вагонами, машинами, подводами важнейшие оперативные, если не стратегические, узлы и пункты, над которыми, как воронье, день и ночь кружили вражеские самолеты.

В один из октябрьских дней наша небольшая группа ждала на станции Борисова Грива железнодорожный эшелон с оборудованием для порта Осиновец. Но вместо него в условленный час прибыл пригородный поезд, до упора забитый учениками ФЗО. Выгружались они медленно, так как многие ребята от голодного истощения едва держались на ногах. Некоторых даже выносили. Вынесут, почти невесомого, и поставят в шаткий строй, который потом длинной цепочкой через лес потянется на берег Ладоги, где ребят погрузят и отправят в глубь страны.

На соседнем пути солдаты грузили в вагоны мешки с зерном и ящики с консервами для Ленинграда. Работали в основном пожилые мужчины и инвалиды, вернувшиеся в строй после ранений. Видно, многие были ленин-

градцы, так как на ходу ищущими взглядами рассматривали «фэзэошников». Мы тоже глядели на них. И тут вдруг в другом конце станции частыми ударами в подвешенный кусок рельса объявили воздушную тревогу. Грузчики заметно заторопились. Станция стала похожа на растревоженный муравейник. Только дети оставались почти равнодушными ко всему происходящему.

Я посмотрел на небо. С юга над кромкой леса показалась армада тяжелых бомбардировщиков, идущих прямо на Борисову Гриву. Откуда-то из леса ударили зенитки. Еще несколько минут — и здесь все утонет в огне и дыме.

Поезд с зерном, нервно лязгнув буферными тарелками, рванул назад, затем вперед и с большим набором скорости зашпешил на перегон, где ему легче будет уйти от бомб. Солдаты-грузчики бросились к ближайшему лесу, но многие тут же вернулись и стали хватать на руки «фэзэошников». Мы тоже рванулись к детям, чтобы помочь им укрыться в траншеях или хотя бы в воронках от бомб.

В какой-то из этих суматошных моментов я неожиданно заметил группу ребят, ровным рядком лежавших в траве под деревьями. Подбегаю ближе и замираю в немом оцепенении. Это были трупы. Бестелесные трупы детей, умерших в дороге!

Бывалый уже человек, насмотревшийся на смерть в самых разных ее формах, сам не раз смотревший ей в лицо, я вдруг растерялся. Ноги застыли на месте, и никак нельзя было оторвать взгляда от изможденных лиц умерших от голода детей. И как-то разом ощутил весь ужас надвигающейся на Ленинград, на воинов Ленинградского фронта беды.

Был октябрь, вернее, самое начало октября, погода стояла солнечная, теплая, трава, в которой лежали мертвые дети, еще не была тронута осенним увяданием. Правда, ночи уже становились день ото дня прохладнее. Зима, по предсказаниям синоптиков, ожидалась холодной. И она действительно выдалась на редкость суровой. Страшная блокадная зима! Сколько жизней унесет она! Об этом мы тогда, в октябре, еще не знали, но многое уже предугадывалось. Хлебные нормы дважды урезались и, видимо, еще не раз будут урезаны...

Теперь мы хорошо знаем картину наступления голода на Ленинград. Оно было стремительным. В сентябре впервые в повседневный обиход вошло понятие «алиментарная дистрофия». В октябре появились первые трупы

умерших от голода. В ноябре, как гласит статистика, годовая смерть унесла 11 085 человек. В декабре эта цифра достигла астрономической величины — 52 881. В январе и феврале 1942 года, несмотря на прибавки к пайку, она была еще более высокой.

Люди вымирали семьями, подъездами и даже целыми домами. Трупы лежали в квартирах, под арками, прямо на улицах. Убивал не только голод, но и холод. Идет человек с работы или на работу, присел передохнуть, а встать уже не может. По утрам отряды МПВО подбирали трупы и на машинах свозили их к местам захоронений. Рыть землю для могил не хватало сил, ее саперы рвали зарядами взрывчатки.

Всего, как свидетельствует та же статистика, в эти братские могилы за блокадную пору только умерших от голода легло 641 803 ленинградца. То есть целый город.

Такого массового уничтожения и в такой короткий срок до появления ядерного оружия человеческая история еще не знала. И не случайно этот факт и теперь, по прошествии почти пятидесяти лет, остается в центре внимания многих ученых всего мира.

Некоторые буржуазные историки всю вину за смерть от голода сотен тысяч ленинградцев пытаются свалить на советское руководство. Оно, мол, знало, что город будет взят, и потому сознательно не создавало в нем больших запасов продовольствия.

Не учитывается тот факт, что мы не только не хотели, но и попросту не могли пойти на сдачу Ленинграда. Оттягивая на себя десятки немецких дивизий, он тем самым облегчал оборону Москвы, положение наших войск на других фронтах.

Несостоятелен и большой акцент на наших ошибках. Упущения командования фронта и городских властей, конечно же, были. Какая война обходится без них? В частности, никак нельзя оправдать медлительность в расщеплении имевшихся ресурсов. Однако сожженные немецкой авиацией запасы продовольствия были не настолько велики, чтобы спасти ленинградцев от голода.

Если уж говорить о главных причинах создавшегося положения в Ленинграде, то начинать надо с другого. С того, что гибель мирного населения и защитников города входила в оперативные планы немецкого командования. В своем новогоднем приказе 1 января 1942 года по войскам, воевавшим на Ленинградском фронте, Гитлер благодарил своих солдат за создание «невиданной в истории человечества блокады» и откровенно заявлял,

что не позднее чем через три-четыре недели «Ленинград, как спелое яблоко, упадет к нашим ногам...». «Ленинград мы не штурмуем сознательно,— говорилось в приказе,— Ленинград выжрет самого себя».

Вот почему у немецких летчиков было особенно большое пристрастие к таким объектам, как продовольственные склады, железнодорожные транспорты, озерные баржи, колонны автомашин, конные обозы, груженные продовольствием. Гитлеровские минометчики, снайперы буквально гонялись за нашими походными кухнями, подносчиками пищи.

Расчет был простой. Доведенные до отчаяния голодом, отсутствием воды, электричества, дров ленинградцы, воины фронта выйдут из повиновения командованию, руководству города, начнется паника, неразбериха, и в конце концов твердыня на Неве сама собой падет.

Что касается создания в городе больших запасов, то об этом не могло быть и речи. Раньше их не делали, так как в этом не было необходимости, да и при наличии 2,5 миллиона жителей их просто невозможно было сделать. Ленинград, образно говоря, всегда кормился с колес. А уже в ходе войны основное внимание, естественно, обращалось на подвоз оружия, боеприпасов, горючего, и летний план снабжения Ленинграда продовольствием не был выполнен. Приходилось довольствоваться тем, что было на складах и базах, а было очень мало. То есть в среднем каждого основного продукта — на срок в пределах 30 — 40 дней.

Трудности возникли еще из-за того, что население города почти на миллион человек пополнилось беженцами из западных областей, что большинство продовольственных складов и баз военного округа оказалось на захваченной врагом территории...

Партия и Советское правительство оперативно приняли ряд мер для оказания помощи защитникам города на Неве. Непосредственное руководство всем делом продовольственного снабжения Ленинграда и Ленинградского фронта было возложено на заместителя Председателя Совнаркома СССР А. И. Микояна. В качестве уполномоченного ГКО по продовольствию в Смольный прибыл народный комиссар торговли РСФСР Д. В. Павлов. Была отработана четкая схема подачи заявок, их рассмотрения и утверждения, доведения заданий до конкретных исполнителей.

В снабжении блокадного Ленинграда продовольствием участвовали многие области, края, республики. На

мешках с мукой, крупами, на ящиках с консервами мы могли прочесть маркировку, сделанную в Ярославской, Пензенской, Куйбышевской, Горьковской и других областях. Получали грузы и из Карелии, Сибири, с Дальнего Востока, из Казахстана, Киргизии.

Помню, кто-то из наших тыловых работников, побывав на восточном берегу Ладоги, вернулся ошеломленный громадным скоплением продовольствия, предназначенного для переправы в Ленинград. Окажись все это в городе, ни о каком бы голоде и речи не было. Да, как говорится, «за морем телушка — полушка, да рубль — перевоз». Весь вопрос упирался в доставку продовольствия в осажденный Ленинград. Это была проблема номер один. Разрешением ее занимались все, начиная с ГКО, Военного совета фронта и кончая каждым рядовым солдатом, каждым ленинградцем.

Однако, как бывший начальник управления продовольственного снабжения фронта, а затем и начальник штаба тыла фронта, смею утверждать, что решающую роль в решении этой задачи сыграл тыл фронта, работники его управлений и отделов.

Говорю это не с целью умалить чьи-то заслуги, а ради восстановления справедливости. Не скажу, что о работе тыловых подразделений в годы войны совсем ничего не пишется. Пишется, но до обидного мало. А наш фронтовой опыт ценен не только примерами мужества, героизма, но и постановкой дела, способами и методами решения многих хозяйственных вопросов. Не отвлекаясь особенно на пояснение этой мысли, скажу только, что в годы войны, в особенности в процессе работы в заблокированном Ленинграде, мы и понятия не имели о каком-то лишнем бумаготворчестве, бюрократических проволочках, затирании инициативы и тому подобном. Все делалось быстро, на совесть, а главное — творчески. И это в условиях, когда любая малейшая ошибка могла обернуться человеку серьезными осложнениями.

Пришло это, однако, не сразу. В самом начале войны тыловое хозяйство было самым слабым звеном нашей армии. Не было четкой организационной структуры. Слаб был подбор кадров. Как часто хозяйственниками становились люди, не проявившие себя в других видах деятельности. Встречались и такие, кто искал легкую, беззаботную жизнь.

Твердо убежден, что, будь тыл Ленинградского фронта побоевитей, мы бы не потеряли столько имущества в на-

А. М. КОЗНЕВ,
начальник оргпланового отдела
интендантского управления

С. П. ПУСТОВАЛОВ,
комиссар
интендантского управления

Ленинград в блокаду

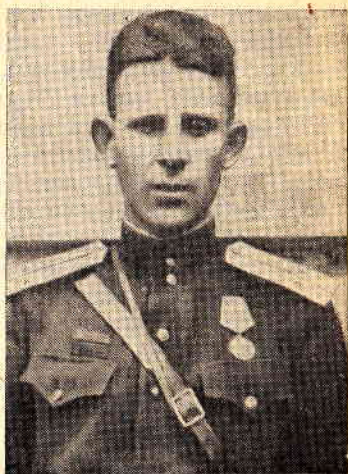
Н. П. СИВОКЛОКОВ,
старший помощник начальника
отдела управления
тыла фронта

В. В. МОРКОВИН,
помощник начальника отдела
штаба тыла фронта

И. П. ГОЛОВАНОВ,
старший помощник начальника
отдела штаба тыла фронта

Н. П. ПАВЛОВ,
начальник секретного
отделения

чале войны, сколько осталось на складах в Пскове, Новгороде, Острове, Луге и в других местах.

Правда, перестраиваясь на ходу, мы уже вскоре нашли верный стиль работы. Началось с того, что к руководству тылом фронта пришел генерал-майор Ф. Н. Лагунов — очень смелый, решительный человек. И все звенья тыла были укреплены надежными кадрами. Повышены были контроль и ответственность каждого за качество работы. Смело изживалось все, что тормозило, мешало делу. Люди на местах чувствовали себя не просто исполнителями чужой воли, но хозяевами положения. То есть могли и оперативно принять решение, и добиться немедленного его претворения в жизнь.

Как сейчас помню сидящего передо мной капитана Е. П. Стельмаха. Он докладывает о плохой системе в выдаче хлеба на хлебозаводах. Вчерашний выпускник хозяйственной академии, он до педантизма пунктуален. Это хорошо, но еще лучше, что капитан сам на месте многое поправил. И еще предлагает ввести на городских хлебозаводах по три военных представителя. Черновик инструкции, определяющей их деятельность, он уже написал...

Пришедший вслед за ним другой хозяйственник доложил о проделанной им большой работе по учету запасов продовольствия в частях и подразделениях.

Об учете надо сказать особо. В самом начале блокады городские власти Ленинграда выделили более 3 тысяч коммунистов для полного учета имевшихся ресурсов. Мы тоже включились в эту работу. И очень своевременно. Некоторые подразделения, прихватив при отступлении продовольствие со складов, продолжали питаться по старым нормам. И зачем было стеснять себя, например, артиллеристам гаубичного дивизиона, которым командовал Герой Советского Союза майор Н. Н. Яковлев, если они из города Острова едва ли не целый склад продуктов вывезли, а по дороге еще и гурт коров прихватили?

Все излишки теперь шли в общий котел.

В городе в буквальном смысле слова перетряхивали все мешки из-под муки, круп, обметали в мельницах стены, водолазы доставали из воды просыпанное раньше у причалов зерно, брали на учет пивной солод, жмых, пригодную для пищи целлюлозу, сыромятные кожи, не говоря уже об отрубях. Мы сразу же сдали на мельницы весь овес, предназначенный для лошадей. Из сапожных мастерских изъяли мучные смеси, из хлебопечения — растительное масло, которое применялось для смазки форм.

Вместо него наши продовольственники и медики изготовили из нефтепродуктов специальную эмульсию.

В подразделениях, державших оборону, создавались небольшие команды для сбора в брошенных огородах овощей. Нередко они в ночной темноте выходили на нейтральную полосу и делали там нужные заготовки, которые шли в солдатский котел в счет госпоставок.

Во всех городских хлебопекарнях шла борьба за повышение припека. Хлеб выпекался с большим процентом различных добавок. Это настолько изменяло вид и вкус хлеба, что он уже и не походил на самого себя. Но и такого было далеко не вдоволь. С 20 ноября по 25 декабря 1941 года выдавалась самая малая норма хлеба — 250 граммов получали рабочие и 125 — служащие, иждивенцы и дети. Маленький кусочек, умещавшийся в ладони ребенка!

Но как бы ни был строг режим экономии, как бы ни сокращались нормы, запасы продовольствия в городе таяли с невероятной быстротой. В конце ноября их оставалось всего на пять — семь суток. Город и фронт стояли на грани продовольственной катастрофы.

Были приняты срочные меры по доставке продовольствия с Большой земли самолетами и водным транспортом через Ладогу. От Аэрофлота действовали три авиаэскадрильи. В качестве транспортных самолетов использовались и бомбардировщики. Летчики летали в любую погоду, иногда в сутки делали по два-три рейса. Оперативные группы из работников тыла, дежуря на аэродромах, принимали все меры, чтобы груз, доставленный самолетами, в целости и сохранности доходил до складов.

Случалось так, что не все самолеты достигали аэродрома: кого-то подбили, кто-то заблудился и сделал где-то вынужденную посадку. Вот когда приходилось крутиться, чтобы продукты не пропали, были спасены.

Работала авиация напряженно, однако за 40 — 45 дней она доставила чуть больше 5 тысяч тонн. Даже при самом экономном расходовании этого хватало только на 10 дней.

Значительно больше продовольствия доставили ладожские моряки, но начавшийся в середине ноября ледостав не дал им развернуться в полную силу.

Вся надежда была теперь на ледовую дорогу через тридцатикилометровую Ладогу.

Получался своеобразный парадокс: с одной стороны, мы кляли морозы, замурававшие баржи с зерном у озерных и речных причалов, а с другой — молили природу,

чтобы эти морозы как можно быстрее сковали льдом Ладогу.

Не знаю теперь, на что мы надеялись тогда. Ладожское озеро — одно из бурных и капризных, и далеко не каждой зиме удается его сковать ледяным панцирем. Даже самые древние из местных старцев не помнили, чтобы в этих местах когда-то были санные дороги. Разве что рыбаки — отчаянный народ! — исхитрялись иногда только им известными маршрутами пересекать озеро. А мы рассчитывали создать автомобильную трассу. И создали!

Конечно же, в первую очередь помогли необычные для наших мест суровые морозы. Но и энтузиазму советских людей надо отдать должное.

О Дороге жизни написано довольно много. Во всех публикациях неизменно отмечается стойкость и мужество ее создателей и тех, кто эксплуатировал ее. И это очень справедливо. Но ледовая трасса является еще и примером образцового решения производственных задач. Здесь все поучительно: и решительность, и оперативность, и тесное сочетание науки с практикой, и организационная четкость.

Скажут, что все дело в обстоятельствах. Они были таковы, что иначе было нельзя действовать. Правильно. Но разве в мирных условиях есть такие обстоятельства, которые подталкивали бы к расхлябанности, неисполнительности?

Руководили строительством дороги умелые организаторы, отличные специалисты. Это генералы В. Г. Монахов, А. И. Шилов, капитан 1-го ранга М. А. Нефедов, старший батальонный комиссар П. С. Глухов, полковник И. А. Лапшин, подполковник И. В. Шикин и многие другие. Их сила была не только в высоком чувстве личной ответственности, знаниях, опыте, но прежде всего в личном примере. Кто первым пересек Ладогу на машине? Сам начальник тыла генерал Ф. Н. Лагунов. Кто был во главе первых автоколонн? Тот же командир 17-й автобригады полковник И. А. Лапшин. Когда водители, рядовые солдаты вконец выбивались из сил, сделав два или три рейса за сутки, их машины не стояли без дела — за баранки садились командиры взводов, рот, партийные и комсомольские вожаки.

На восточном берегу часто можно было наблюдать такую картину. Идет погрузка мешков в машины. И вдруг какая-то заминка. Чаще всего оказывалось, что или не хватает рабочих-грузчиков, или они до предела вы-

дохлись. Тогда в работу включались все: и водители, и их командиры.

Личный пример старших подкреплялся хорошо поставленной партийно-политической работой, хорошо организованным социалистическим соревнованием.

Спрос со строителей и водителей, работавших на Дороге жизни, был высок. Но и забота о них была на должном уровне. Тон в этом задавали политработники. Это благодаря их стараниям подразделения, обслуживавшие трассу, имели добротные землянки, бани, сушилки. Для регулировщиков были сложены из кирпичей льда небольшие чумы или загородки от ветра. Следили они и за тем, чтобы люди были вовремя накормлены, обсушены, имели возможность отдохнуть в тепле.

В блокадные дни мне часто приходилось бывать на Ладоге. Поражали выносливость, стойкость и мужество работавших здесь. Водителей, например, надо было порой силой заставлять оставлять кабины машин для отдыха. Ради спасения груза и тем более людей, оказавшихся в воде, они, не задумываясь, бросались в полыньи. Но больше всего меня удивляло другое — беспредельная честность наших людей. Как-то я наблюдал за одним водителем. При погрузке из ящика сквозь отошедшую планку выпало несколько сушеных слив. Вряд ли кто осудил бы голодного человека, если бы он взял их себе в карман. Но нет. Солдат все до одной сливы засунул назад в щель и пристукнул планку.

Конечно же, как говорится, в семье не без урода. По первости попадались и такие, кто думал только о себе, но от них быстро освободились, а многие и перевоспитались, так как этому все способствовало. И прежде всего тот же пример командиров. Не секрет, что большинство работников нашего тыла, повседневно имеющих дело с продуктами, сами выглядели дистрофиками. Совесть не позволяла отнимать кусок у голодающего Ленинграда.

Кроме того, был еще всеобщий энтузиазм. Работать для фронта, для победы было смыслом существования каждого работавшего на Дороге жизни. Отсюда и риск, и самоотверженность, и полная отдача себя делу. Ценой громадных усилий ледовая трасса была превращена в полнокровную артерию, питающую блокированный город на Неве.

22 декабря впервые за многие дни работы ледовой дороги «приход» продуктов превысил их суточный «расход» — было доставлено 700 тонн грузов. И тут же в

Смольном на повестку дня встал вопрос о повышении хлебной нормы.

Говоря о Дороге жизни, многие забывают о железнодорожниках, работавших на участке Осиновец — Ленинград, о летчиках и зенитчиках, защищавших трассу.

Обеспечение железнодорожниками доставки грузов после прорыва блокады в январе 1943 года в Ленинград через Шлиссельбург — одна из замечательных страниц в борьбе блокадного города на Неве.

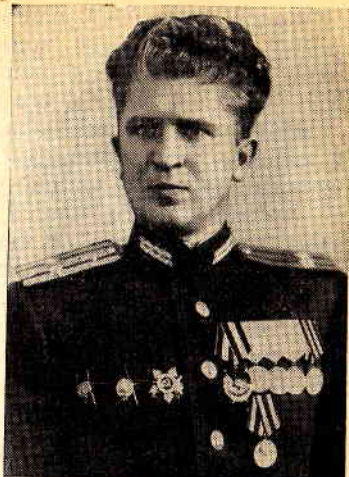
Работники нашего тыла много внимания уделяли спасению лошадей. Многие хозяйственники исхитрялись добывать сено из-под снега. Доставляли сено и с восточного берега Ладоги. А с наступлением лета 1943 года каждая часть получила свой надел для сенокоса. Косьба шла по всем правилам хлебоборбского дела.

В эту пору мы, тыловики, в большинстве своем превратились в сельскохозяйственных работников. У меня в архиве до сих пор хранятся снимки, где офицеры, солдаты стоят с громадными кочанами капусты в руках или с корзинами огурцов, лука, редиски. И несмотря на то, что до окончательной победы под Ленинградом и тем более победы вообще над гитлеровскими захватчиками еще далеко, вид у всех бодрый. Победный вид. И это естественно. Сытый солдат и воюет веселей...

У меня много фотоснимков военных лет. Не своих собственных, нет. Этих-то меньше всего. В основном запечатлены на них друзья, сослуживцы. Однажды я разложил фотокарточки хронологически. И вот что бросилось в глаза. В большинстве своем один и тот же человек, снятый после блокады, разительно отличается от доблокадного. И изменения эти не возрастного характера, два года — не срок. Возмужалость принесена скорее пережитым, жизненными испытаниями. На всех лицах просматриваются воля, многоопытность.

И это понятно. Война на каждого человека, участвовавшего в ней, наложила свой отпечаток. И на коллективы, на все общество — тоже. Тыловые подразделения нашего фронта значительно выросли. Особенно большой скачок в своем совершенствовании они сделали в блокадный период. Их опыт работы в экстремальных условиях — бесценное богатство для новых поколений военных хозяйственников. И для нас, ветеранов войны, участников боев в блокадном Ленинграде, нет большей радости, чем радость от сознания, что наши преемники ни в чем не уступают нам, идут дальше нас.

Полковник в отставке
А. И. ВЕРЕВИТИН,
бывший начальник отдела
штаба тыла
Ленинградского фронта

ЛЮДИ ВЫСОКОГО ДОЛГА

В блокадном Ленинграде я оказался совершенно случайно. До сих пор не знаю, кому обязан своим неожиданным переводом из преподавателей училища военных сообщений (ВОСО) в органы тыла. Впрочем, как всякий военный, я нисколько не сетую на свою судьбу, тем более, что без неожиданностей и случайностей войн не бывает.

Был август сорок первого. Дни стояли на редкость погожие, но ни ясное солнце, ни чистое небо радости не приносили. Обстановка на Ленинградском фронте складывалась самая неблагоприятная. Потыркавшись носом в Лужский рубеж и не добившись здесь успеха, немцы решили ударить по нашим флангам. В короткий срок им удалось захватить Новгород и Чудово и выйти к Октябрьской железной дороге.

Дальнейший план гитлеровского командования был прост. Фашисты намеревались выйти к Неве, форсировать ее и на реке Свири соединиться с финскими войсками.

В Ленинграде под руководством партийной организации шла большая и спешная работа по превращению города в неприступную крепость. Строились оборонительные сооружения, создавались новые воинские формирования, на всех уровнях отрабатывались детали плана ве-

дения уличных боев. Принимались также меры по укреплению боеготовности воинских частей и в особенности наиболее слабого в то время звена наших Вооруженных Сил — тыла фронта и его подразделений.

Параллельно шла эвакуация заводского оборудования и мирного населения. Вместе с другими учебными заведениями уезжало и наше училище.

Привокзальная площадь Московского вокзала круглые сутки бурлила от беспрерывно прибывающих потоков народа. Здесь легко было затеряться, и многие терялись, но тут же находились, так как при кажущейся хаотичности в движении толпы угадывался определенный порядок. Лица многих были встревожены, но не испуганны, и мы радовались, что не было паники.

— Не дай бог паники, — говорил мой старший товарищ и сослуживец по училищу подполковник Борис Федорович Черторижский. Участник трех войн, он в свое время на себе испытал губительную силу панического ужаса.

Уезжали мы с семьями, но погрузка шла быстро, потому что вещей у всех было мало, брали с собой только самое необходимое. А кроме необходимого, кажется, у нас и вообще-то ничего в квартирах не водилось. Все наше с женой и сыном богатство легко уместилось в один большой фанерный чемодан и в другой поменьше — мой «тревожный». И еще было что-то по мелочи в руках: пара авосек и наши пальто и шинель.

Поезд уже загрузился и мы мыслями, как говорится, были в пути, как вдруг сказали, что меня разыскивает дежурный по эшелону.

Это очень неприятно, когда тебя, именно тебя из тысяч людей ищет начальство, да еще едва ли не в последнюю минуту перед отправлением поезда. Впрочем, по всем статьям мы уже должны были быть в пути. Эшелон задерживался из-за небольшого казуса. Мамаша одного нашего преподавателя вдруг отказалась сесть в вагон, так как не хотела уезжать из Ленинграда без сына. Вот вернется ее Петя из Луги, тогда она хоть на край света...

Мы знали, что под Лугой шли ожесточенные бои и оставшаяся там, в наших летних лагерях, небольшая группа командиров и курсантов, несомненно, влилась в состав стрелковых частей, сдерживающих натиск противника. Мать и сама догадывалась, что сын воюет, но ни на минуту не сомневалась в его скором возвращении домой, и кто же ему, усталому, заросшему щетиной, приготовит поест, согреет воду для бритья?

Пожилая женщина горячо говорила о материнском долге. Нервный, вконец издерганный сотнями неувязок начальник эшелона, сдерживая раздражение, объяснял ей, что у него тоже есть долг перед Петром — долг командира и товарища.

— Что мы скажем Петру, когда он, вернувшись в училище, спросит, почему мы оставили вас во фронтовом городе?

Наши жены тоже принялись уговаривать пожилую женщину, и она в конце концов сдалась, села в вагон. Облегченно вздохнув, мы поспешили к своим местам. И вот тут-то как раз меня и окликнули.

— Вы Веревитин? — спросил дежурный по вокзалу, снимая свою фуражку и вытирая платком вспотевший лоб. — Слава богу, кажется, я вовремя поспел.

— Вам действительно повезло. Минуты через три-четыре вы только и видали нас, — пошутил Черторижский. — А что, собственно, случилось?

— Вас вызывают к начальнику тыла фронта, — ответил дежурный и подал мне записку.

— В штаб тыла фронта?! — Мы с Черторижским недоуменно переглянулись.

Я, преподаватель училища ВОСО, никогда и никакого отношения к управлению тыла не имел, и кто меня там может знать?

Почувствовав неладное, из вагона высунулась Зоя.

— Что такое, Саша? Какие за минуту до отправления поезда могут быть вызовы?

Бедные наши жены! Некоторые из них до конца жизни не смиряются с жесткостью армейских законов.

— Не можешь же ты меня в таком моем положении отправить одну! — В голосе Зои были нотки отчаяния.

— Только без паники, ради бога никакой паники, — сказал Черторижский. — Тут что-то не то.

Дежурный посмотрел на мою жену, ходившую на последнем месяце беременности, на Гешку, торчавшего в окне, решительным жестом надел фуражку и взял у меня из рук бумажку с телефонограммой.

— Извините, тут в самом деле что-то не то, — сказал он, почему-то обращаясь к Зое, и, церемонно раскланявшись, направился к вокзалу.

Я посмотрел на Черторижского. Он стоял с отрешенным лицом, из чего легко угадывался ответ: решай, дорогой, сам...

В две минуты я успел доложить обо всем начальству, еще две минуты ушли на спешные сборы, еще одна —

Здание штаба тыла Ленинградского фронта
по улице Толмачева, 1

на прощание с семьей и с друзьями. Потом с минутой с «тревожным» чемоданчиком и шинелью в руках молча провожал взглядом огоньки хвостового вагона нашего поезда.

Честно сказать, спеша на улицу Толмачева, я еще надеялся, что все это недоразумение, которое сейчас выявится, и тогда надо будет думать, каким образом можно догнать своих. Но все обернулось иначе. Не больше чем через час элегантная «эмка», мягко шурша пинами, увозила меня из города на юг, в сторону приближающегося фронта.

Дороги... Фронтные дороги! Они и сейчас мне снятся. Снятся бесконечные заторы и пробки, расхристанные водители, со зверским выражением лиц на всю катушку выжимающие скорость и верткость из ломовых «зисов» и безотказных «газиков». Снятся глубокие колдобины, залитые водой, глубокие колеи в вязкой глине или в болотной топи. Еще снится небо и черные точки бомб, несущихся с воем и свистом на эти дороги, на машины, подводы, на головы идущих в колоннах солдат и беженцев, в глаза которых лучше не глядеть...

Я минут пять искал дежурного. Нашел его в одной из комнат. Молодой капитан с озабоченным видом рылся в кипах бумаг, которыми был завален стол. Заметив меня с чемоданчиком и шинелью в руках, он поправил красную повязку на рукаве и спросил, довольно, по-юношески улыбаясь:

— Вы, наверное, Веревитин? Очень приятно. Началь-

ник отдела вас ждет. Вещи можете оставить здесь и, пожалуйста, пройдите в соседний кабинет.

Генерал сидел в одиночестве, склонившись над большой, спадающей со стола картой.

— Вот,— сказал он, не поднимая головы, едва дослушав мой доклад о прибытии по его приказанию,— вот в этом районе и должны располагаться тылы армии,— генерал назвал ее номер.— Ваша задача — найти их и взять сведения о наличии в ней продовольственных ресурсов и состоянии тыловых учреждений.

Лицо генерала мне было знакомо. Где-то я его уже видел раньше, может, на каком-то совещании или на конференции. Правда, теперь он мало был похож на себя прежнего. Похудевший, глаза запавшие, и вот эта сухость разговора, явно рассчитанная на эффект или на скрытие смятенности души.

От генерала я вышел с чувством обиды и грусти. Спасибо дежурному — он, или поняв мое состояние, или просто по своей еще юношеской наивности, снова встретил меня улыбкой.

— Вы, судя по всему, будете у нас служить, поэтому разрешите представиться: Василий... Василий Овсеенко, недавний выпускник Харьковской военно-хозяйственной академии... Сейчас я распорядюсь насчет ваших документов. Вещи можете оставить здесь. Машину я уже вызвал... Не забудьте, что обстановка в районе Тосна и Любани сложная, немцы прут, надо будет поосторожней...

По тому, что немцы действительно прут с юга, мы с водителем Гришей поняли еще на выезде из города. А за городом чем дальше мы удалялись к югу, тем труднее было пробиваться сквозь пробки машин, подвод, лавины людей. Вначале нам еще как-то отвечали на наши вопросы, но потом стали требовать документы, а вскоре и мандаты перестали помогать. Тем более, что лак командирской «эмки» потускнел от пыли и грязи, а злости у отступающих поприбавилось.

За день и за вечер мы исколесили все железнодорожные станции, полустанки, поселки, хутора — и все бесполезно. И только к утру, когда мы уже отчаялись напасть на след тылов армии, нам неожиданно повезло. У нас закончился бензин, и водитель, чертыхаясь, пошел на поиски какой-нибудь машины и случайно набрел на расположившееся в двух хатах управление тыла армии. Не было ни гроша, да вдруг — алтын!

Вначале управленцы отнесли ко мне настороженно — никто раньше не видел меня в управлении тыла

фронта. И, уже разобравшись, что к чему, не успокоились. Навалились на меня как на «начальство» за плохое руководство интендантской службой и вообще страной — и прежде, до войны, и теперь, когда она уже идет. Впрочем, наваливались не на меня, на тех, кто стоял выше и кого я будто бы в какой-то степени олицетворял. Главный пункт обвинения — иллюзорное отношение к действительности, незнание ее, а отсюда и множество ошибок в практической работе.

— Почему нам вдалбливали долго и упорно, что мы всех сильнее? — допытывался у меня один пожилой майор с нервно дергавшимся веком правого глаза. — Скажете: для воспитания уверенности? Нет, дорогой. Для обоснования своего незнания современной войны и преступной бездеятельности.

— Но ведь наша армия все время совершенствовалась, — оборонялся я, хотя во многом был солидарен с майором.

— Тем, что кавалерию развивали? — мрачно шутил из угла хаты начальник вещевого снабжения армии.

Подполковник, сидевший за столом с блокнотом, сказал, что вот его, как начпрод, возможно, будут судить за то, что он не обеспечил стопроцентную эвакуацию продовольствия из гарнизонных складов, а как, простите, он мог обеспечить ее, если ни морально, ни тем более материально во всей армии нет готовности к оборонительным боям, а такое в общем-то естественное слово в военном деле, как отступление, было как бы под запретом.

— Я и мои подчиненные точно знали, что надо делать, когда армия наша наступает, и не имели и не имеем даже малейшего представления о порядке перебазирования при спешном отступлении, — говорил он. — Впрочем, научиться драпать можно быстро, куда труднее отходить организованно, планомерно. Тут кроме знаний, желаний, между прочим, надо и нужное количество рабочей силы и транспортных сил иметь...

О чем, собственно, шла речь, то есть практическую суть нашего спора в одни ворота, я понял через несколько дней, в Шлиссельбурге, куда ездил с целью помочь эвакуировать имевшиеся там тыловые ресурсы. А сейчас я, усталый, вконец разбитый за минувшие сутки, все больше отмалчивался. А мои новые коллеги, выговорившись, постепенно сменили гнев на милость. Вначале они накормили нас, а затем и снабдили всеми нужными данными, высказали в адрес тыла фронта ряд практических советов, предложений. Оказалось, что драпают-то они до-

вольно организованно. Ломая по ходу дела прежние, отжившие уже правила и установки, они сумели и силы и средства изыскать для эвакуации имевшихся в их ведении продовольственных и других запасов. Больше того, уже по ходу отступления помогали местным властям эвакуировать запасы зерна, угонять в тыл страны гурты скота. Я их собственными глазами видел, когда петлял по здешним дорогам.

Уезжал я из теплой хаты с большим сожалением, тем более что сама мысль о возвращении в управление тыла, с его сутолокой, с потерянностью на лицах людей, рождала в душе ощущение неуютности. Я понимал, что в конечном счете под давлением реальных обстоятельств произойдет нужная ломка и перестройка и все, как говорится, образуется, но когда все это еще будет? Старое всегда с боем уступает место новому.

Но я недооценил возможности нашей системы. А может, все дело было в силе того грома, какой грянул над русским мужиком и заставил его креститься? Перемены у нас произошли быстро, и самые радикальные. В несколько дней была пересмотрена организационная структура всех звеньев фронтового тыла. Что-то было упразднено, что-то вновь создано. Произошло укрепление многих управлений и отделов. Тылу было отдано много служб, которые раньше замыкались на штаб округа и фронта. Мы обрели право распоряжаться транспортными средствами, что было очень важно. Состоялась своеобразная чистка личного состава. Особенно ценно, что на руководящие посты были назначены люди, способные выдерживать большие физические и моральные нагрузки, отличные организаторы.

Помню, как дня через два после моего возвращения из первой своей командировки меня разыскал капитан Василий Овсеенко.

— Слышал? — спросил он, еще больше сияя своей улыбкой, чем обычно. — У нас новый начальник тыла. Генерал-майор Лагунов. Говорят, очень толковый и требовательный мужик.

Феофана Николаевича я еще до войны знал. И в общем имел некоторое представление о его деловых качествах и характере. И уже только от одной этой вести у меня, да и не только у меня одного, поднялось настроение.

Я искренне завидую нынешней молодежи: она теоретически куда более подготовлена, чем мы в ее возрасте. В частности, она не будет ломать копыя в жарких спорах по такой проблеме, как роль личности в истории, — ей

здесь все ясно и понятно. Тем более, что и вся наша современная действительность неутомимо утверждает истину. Мне же и многим другим, убежденным, что не только вожди, но и руководители более низших рангов далеко не просто единицы в общей народной массе, не так легко было отстаивать свои позиции. К счастью, сама жизнь была за нас.

Казалось бы, что такое приход нового начальника? Один человек, что он может?

Оказалось, что очень многое. Уже внешне наш штаб было не узнать. Куда девались сутолока, спешка, лихорадочные поиски пропавших в суматохе отступлений тылов. С каждым днем в нашу работу внедрялись осмысленность, порядок, строгая система. Разумеется, заслуга в этом не только одного Лагунова, но и многих руководителей управлений, отделов, каждого работника, однако общий тон всему задал Феофан Николаевич Лагунов. Во многом не уступал ему, а кое в чем и превосходил сменивший его в январе 1944 года генерал Г. М. Савоненков. В том, что блокадный Ленинград устоял, мы обязаны твердой руке начальника управления перевозок генерала А. И. Шилова. Очень колоритной среди наших руководителей была фигура члена Военного совета по вопросам тыла Н. В. Соловьева.

Нельзя не упомянуть и начальника штаба тыла фронта генерала П. И. Новоселова, и начальника автодорожного управления генерала В. Г. Монахова и других. Эти несколько отличались от вышеназванных. И прежде всего сдержанностью характера, большей демократичностью в отношениях с подчиненными. Впрочем, каждый из наших руководителей имел свои личностные особенности, неравноценные качества, но в главном — в отношении к своему долгу — они были похожи друг на друга. О каждом из них можно было рассказать много интересного, поучительного.

Так, например, при встрече с генералом Н. В. Соловьевым мы все как-то особенно обостренно чувствовали свою принадлежность к партии или комсомолу, потому что он был само выражение партийности. В том, что многотысячная масса людей, строившая и работавшая на Дороге жизни, в короткий срок стала хорошо отлаженной организацией, большая заслуга именно члена Военного совета. С помощью коммунистов и комсомольцев он сумел наспех сколоченные подразделения превратить в крепкие коллективы, живущие одной идеей, одной целью.

Генерал Г. М. Савоненков, с которым мне довелось много работать и в системе тыла, и в составе союзной контрольной комиссии в Финляндии, мне нравился умением учиться у других, в том числе и у подчиненных, рядовых работников.

Генерал П. И. Новоселов — сама выдержка. У него мы чаще всего искали защиту от любой несправедливости. Еще дальше в этом отношении шел в своей работе с людьми генерал В. Г. Монахов. Вот яркий пример того, что и доступность начальника, и его демократичность и интеллигентность в отношениях с людьми возможны и на войне, в любой, даже в самой экстремальной обстановке. Иными словами, можно сказать так: и в годы войны можно было легко обходиться без голого администрирования.

Любопытен в этом смысле опыт работы генерала Лагунова. В первое время, когда надо было многое ломать, перестраивать, он в основном пользовался «силовыми приемами». И судить за это его и теперь, и тем более тогда, в критический момент для Ленинграда, было трудно. Медлительность, растерянность преодолеваются силой. Но потом, когда многое было отлажено и тем более когда фронт стабилизировался, начальник тыла несколько изменил стиль своей работы. Вообще это был очень гибкий человек. В нем большая масштабность как-то легко уживалась с умением доходить до малейших деталей. Отдавая четкие, продуманные приказания, он, однако, не сковывал инициативу. Сумел ты сделать дело лучше, чем от тебя требовалось, — честь и хвала тебе, даже если ты позволил себе отступить от буквы приказа.

Самая сильная сторона в работе Лагунова, на мой взгляд, была его личная целеустремленность. Всегда подтянутый, собранный, он не позволял себе расслабляться. Каждый шаг у него был рассчитан, каждая минута на учете. Спал генерал, как правило, при переездах, в машине. А ездил он много. И нам не давал засиживаться в кабинетах. Его меньше всего интересовали бумаги. Иногда дело доходило до серьезных осложнений из-за этого. Москва звонит, шлет телеграммы с требованием немедленно представить какую-то бумагу, а она, уже отработанная нами (зачастую в поте лица и в ночных бдениях), лежит у начальника тыла в ящике.

— Товарищ генерал, нас же перевешают: все сроки представления этой докладной горят, — напоминаем мы.

— Помню об этой бумаге, помню. Но... пусть еще полежит. Подпишу и сам принесу.

Проходит день, другой, идем к Новоселову. Тот улыбается понимающе. Велит принести ему черновик. Почитает, подправит и приказывает отослать документ за его подписью.

Требовательность к себе у Феофана Николаевича доходила до самоотверженности.

Теперь уже стал историческим факт, когда он, генерал, начальник тыла фронта, сам лично, первым в машине переправился по тонкому льду Ладоги! Его пугали, его отговаривали, десятки людей вызвались занять его место в машине — не отступил. Теперь это можно по-разному истолковать. Но любое объяснение будет неточным, если не учесть того времени, особенности ситуации, когда к этой переправе были прикованы глаза тысяч строителей и водителей.

Счастливейшей находкой Лагунова в организации работы тыла было создание оперативных групп. Управления управлениями, отделы отделами, а как только возникала какая-то новая, непредвиденная ситуация, тут же из числа более или менее свободных на этот момент работников создавались группы. Вначале они были большими, а потом путем проб и ошибок нашли оптимальный вариант — 3—5 человек.

В одной из первых таких групп мне довелось в начале сентября 1941 года побывать в Шлиссельбурге. Это была одна из труднейших моих поездок. Бои уже шли едва ли не на окраинах города. Все горело, гремело, рушилось, а мы, переправившись через Неву на рыбацких лодках, должны были выяснить обстановку. Она была крайне тяжелой.

Пережить пришлось тогда много. Не знаю, как вообще мы остались живы, и тем приятнее было услышать от начальника тыла похвалу. И дело даже не в ней, а в том скрупулезном внимании, с каким генерал расспрашивал о всех деталях нашей работы. То есть он потребовал с точностью до килограмма перечислить все отправленные из города продукты, вникал во все детали организации эвакуации. Его интересовало, где и сколько машин мы взяли, кто грузил. Несколько удивился тому, что все это я держал в памяти и, кроме того, записал. Видно, ему понравилась моя природная пунктуальность, и он запомнил ее. А когда вдруг возникла путаница в учете грузов, перевезенных и дожидавшихся своего часа перевозки через Ладогу, генерал именно мне поручил разобраться во всем.

Работа была трудоемкая, потребовалось просмотреть все предыдущие сводки, сопоставить их, объездить склады, хранилища на восточном и западном берегах озера, на железнодорожных станциях, перевалочных пунктах. Много раз попадал под бомбежки, смертельно уставал, однако постоянно чувствовал бодрость духа, так как видел, что работа моя нужна тысячам ленинградцев и солдатам, защищавшим город, что ее ценят.

Да не подумает читатель, что Лагунов и другие наши руководители во всем и всегда были правы, не делали ошибок. Все было, так как все-таки шла война, а война сама по себе грубейшая из грубейших человеческих ошибок. И оценку труда нашего нельзя сводить к поглаживанию по головке. Если и случалась похвала, то довольно редко. В то время куда важнее было самому сознавать, что ты сделал все, что мог, и даже больше того. Да и сейчас никому не повредит такая самоотдача в труде, когда приходит чувство хорошо выполненного долга. Это рождает самоуважение, без которого нет настоящего характера.

Помню, был у нас такой случай. На кого-то из работников нашего отдела начальник тыла на совещании несправедливо накричал. Даже велел ему немедленно отправляться в отдел кадров для определения хозяйственным в действующую часть. А через полчаса Лагунов, видно, сам поняв свою неправоту, зашел в отдел и извинился перед обиженным им человеком. Да он и не мог не извиниться, так как офицер уже собирал свои вещи и твердо намеревался уехать в стрелковую часть. Он был честным человеком, и, как у каждого такого человека, у него было развито чувство чести и достоинства.

Я не случайно столько места в своем рассказе уделил генералу Лагунову. Вся наша страна сейчас переживает исторический момент, когда во всех сферах народного хозяйства, в жизни советского общества идет коренная перестройка, равная по своему значению революции. А о какой перестройке может идти речь без активизации человеческого фактора, то есть без повышения активности масс, без правильного подбора и воспитания руководителей коллективов?

В том, что тыл нашего Ленинградского фронта в короткие сроки преодолел свои несовершенства, большая заслуга хорошо подобранных кадров, и прежде всего начальника тыла. Именно он задал нужный тон в работе всего коллектива и каждого из нас в отдельности. Я не раз благословлял судьбу за то, что мне довелось рабо-

тать под началом и рядом с очень талантливыми и интересными во многих отношениях людьми. Жаль, что ни одного из названных мною генералов уже нет в живых. Нет и Василия Овсенко, героически погибшего в одной из своих командировок в Невскую Дубровку...

Не хотелось кончать рассказ печальной нотой, но так уж получилось, и я не знаю, чем ее снять. Может, вот такая деталь поможет. В начале 1942 года, то есть в самую суровую пору ленинградской блокады, я получил весточку от жены: у нас родилась дочь, благодаря большой помощи Черторижских и других моих коллег по училищу моя семья не испытывала каких-либо трудностей. Тогда я впервые по достоинству оценил товарищеский, да и просто человеческий долг друг перед другом. И это обостренное чувство братства, взаимной обязанности друг перед другом прошло со мной и моими сослуживцами через всю войну. Каждый искренне радовался успехам товарищей, сочувствовал в неудачах, остро переживал гибель друзей. На первый взгляд может показаться парадоксальным, что война выявляет в людях самое что ни на есть лучшее. Обычно принято считать, что она ожесточает человеческую душу. Но ведь война войне рознь. Мы воевали за правое дело. К тому же хорошо понимали, что в нашем единстве, не признающем никаких национальных, социальных, служебных различий — главная сила. Вот почему чувство ответственности друг перед другом, искренние товарищеские взаимоотношения становились для нас не просто нормой, а высоким нравственным долгом.

Полковник в отставке
И. П. МИРОНОВ,
бывший заместитель
командира полка по тылу

СКВОЗЬ ТРУДНЫЙ ГОД

20 сентября 1941 года в отделе кадров округа я получил назначение на должность помощника командира по хозяйственной части артиллерийского полка 6-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения. Впоследствии эта дивизия стала именоваться 189-й, а полк — 431-м. И входили мы в 42-ю армию, защищавшую Ленинград на рубеже Финский залив — Дачное — Пулково — Колпино.

В штабе армии, куда я прибыл в тот же день, мне сказали, что полк находится в районе 4-го Кирпичного завода. Переночевал дома (я жил на Невском проспекте) и утром на трамвае направился к месту назначения. Однако доехал только до Московского вокзала. Дальше, по Старо-Невскому и по проспекту Обуховской Обороны, трамвай уже не ходили. Накануне здесь были разбомблены трамвайные пути. Так что оставшиеся 12 километров пришлось пройти пешком.

День был погожий, шагалось легко, даже весело и как-то не верилось, вернее, не хотелось верить в то, что идет война, что Ленинград вот уже более десяти дней находится в блокадном кольце.

Командира полка майора И. Н. Козубенко в штабе не оказалось. Он вместе с другими командирами выбирал позиции для батарей в районе между Пулковскими высо-

тами и Витебской железной дорогой. В ожидании их успел обойти все расположение полка. Хозяйство было большое, но подзапущенное. Это не было похоже на Козубенко, с которым мы в августе во 2-м Сертолово формировали противотанковый артиллерийский полк для 1-й танковой дивизии. Я у него был помощником по хозяйству и успел уловить его хозяйскую струнку. Ко мне Козубенко относился хорошо, даже с уважением. Он ценил во мне мой опыт. А его действительно мне было не занимать. Еще до революции я закончил сельскохозяйственное училище, всю гражданскую войну был завхозом 11-го Петроградского тяжелого артдивизиона. Участвовал в Польском походе и в ликвидации кронштадтского мятежа. С 1921-го по 1923-й был хозяйственником в гаубичном дивизионе, а последующие семь лет — помощником командира артполка 11-й Ленинградской дивизии.

Противотанковый полк мы с Козубенко так и не сформировали — не было орудий. Командира отозвали в штаб округа. При расставании он сказал, что, где бы он ни был, обязательно перетянет меня к себе.

Так все и получилось. Недели через две мне доставили от него записку, в которой он сообщал, что добивается моего перевода к себе. И вот я на новом месте.

— Вот и отлично, — сказал Козубенко, увидев меня.

За ужином он отдал первое распоряжение. Я должен был за двое суток перебазировать тылы полка с проспекта Огородникова сюда, к 4-му Кирпичному заводу. И еще он велел передать моему предшественнику капитану И. Янченко, что он, командир, недоволен им и назначает в мое подчинение начальником вещевого снабжения полка.

Утром я приказал командиру хоззвода направить восемь одноконных повозок на проспект Огородникова, а сам на трехтонке выехал вперед.

На месте я застал такую картину.

По всему школьному двору, где располагался тыл, вразброс стояло около десяти повозок. На земле в полном беспорядке валялись седелки, хомуты, дуги, ведра, какие-то ящики, мешки и брезенты. На повозках видны были капуста, сено, дрова. Охраны никакой не было. Ворота школы — настежь.

Самого Янченко я нашел в одной из комнат. Он завтракал. Вместе с ним завтракала и какая-то женщина, которую капитан представил как повара.

Многие авторы, пишущие о войне, или приглаживают, или совсем обходят острые углы. А они были. И лю-

ди на войне были разные, то есть по-разному относящиеся к своим обязанностям. Особенно много на первых порах было всяких проходимцев, нечестных людей среди военных хозяйственников. Происходило это от недооценки работы тыла, что пагубно отразилось на подборе кадров. Один нечестен, другой недобросовестен в службе, третий бесталанен или откровенный лодырь... Куда их? Конечно, куда-то на хозяйственную работу. Дорого стоила нам в начальном периоде войны такая политика.

Я кипел от негодования, особенно после того, как побывал в комнатах, где беспорядочным навалом валялось вещевое имущество полка.

Подводы грузились в спешном порядке, и уже в четыре часа того же дня я со своей машиной был на месте, а еще через некоторое время прибыли и повозки. Ровно в 19 часов у нового полкового склада стоял часовой.

Так началась для меня боевая жизнь военного хозяйственника на Ленинградском фронте.

Еще до полного окружения немцами Ленинграда в городе началось регулирование выдачи продуктов. Была введена карточная система. А после установления блокады, когда противник вышел к южным берегам Ладожского озера, начался голод.

Трудно было содержать лошадей. Весь фураж был передан на мельницы, а сена части за лето не успели заготовить. Хорошо, если где оставались стога прошлогодних запасов. Я как хозяйственник с ужасом думал о надвигающейся зиме. Что делать? Перевести лошадей было никак нельзя. Все наши орудия полностью на конной тяге. Тут выходило так: сам умри, а коней спаси. Я иногда по полдня тратил на поиски сена. И мне повезло. Как-то на одной дороге заметил стоящие чуть в стороне и в низине два хороших стога. В них было по меньшей мере тонн 30. То есть на целый месяц корма лошадям.

Стал присматриваться к этим стожкам. Хозяева не обнаруживались. Только по ночам кто-то стал активно подергивать сено. Доложил Козубенко, тот разрешил выставить у стогов часовых.

Где-то через месяц приехал рабочий с запиской от директора ближайшего совхоза с просьбой отпустить хотя бы воз сена. Отпустил. Больше из совхоза не приезжали, но зато повадился интендант дивизии майор Басов присылать своих фуражиров с записками. Стога стали

таять. Доложил Козубенко, и он запретил отпускать по запискам. Я ждал скандала, но все обошлось.

Сберегая это сено, мы не прекращали поисков кормов про запас. Одно время наладились с командиром хозяйства ездить на подводах в сумерках вдоль переднего края, осматривая хлебные поля и огороды. И снова удача! В районе Петрославянки напали на скирды с овсяными снопами. Вывозили их по ночам.

В одну из ездов замешкались и на рассвете попали под сильный артиллерийский обстрел. Возницы были молодые, под огнем засуетились, однако повозок не бросили. В конце концов весь овес до колоска мы свезли в расположение части.

Особенно удачливым добытчиком был сержант хозяйства Титов. Он специализировался на овощах. Это был исключительно смелый человек. Думаю, что смелость свою он приобрел уже здесь, на войне. Ведь когда знаешь, что от тебя зависит, будут ли сыты бойцы и командиры и накормлены лошади, без помощи которых в бою просто не обойтись, то как-то не до страха становится.

Каждый день Титов брал две-три повозки с возницами и отправлялся в поля. Почти не было случаев, чтобы он не привозил капусту, свеклу, а иногда и картошку. Меньше тонны, как он сам говорил, стеснялся добывать.

У Титова выработался свой маршрут объездов. Бывал он и в Купчине, и в районе Мясокомбината, Средней Рогатки, заглядывал в уголья колхоза имени Тельмана. А однажды по Южному шоссе пробрался в Кировский район. У Митрофаньевского кладбища попал под сильный артобстрел противника. Титов был ранен в живот, тем не менее вернулся с добычей. Она состояла из полтонны капусты и сорока килограммов брюквы.

Здесь нелишне отметить такую важную деталь. Все эти продукты оприходовались и выдавались личному составу в счет существующих норм довольствия. То есть в результате этого мы ровно столько потом недополучали из общего котла и тем самым кому-то из ленинградцев спасали жизнь.

1 ноября 1941 года наша дивизия вышла на передний край обороны. Батареи полка разместились в ложине между Пулковскими высотами и линией Витебской железной дороги. А один из дивизионов окопался прямо на Пулковских высотах.

У меня и у всех наших хозяйственников в связи с

этим возникла масса новых забот. На передовых позициях, оставленных нам дислоцировавшейся здесь дивизией НКВД, кроме дотов и землянок ничего не было. Горячую пищу мы вынуждены были варить на 4-м Кирпичном заводе и подвозить ее за 9 километров на лошадях. Все 150 оставшихся в живых лошадей, ранее находившихся в дивизионах, теперь перешли к нам, в тыл полка. А их надо было кормить, поить, лечить. Почти все ночи уходили на обход конюшен. А старший ветврач Бутягин, как помню, целыми сутками занимался своими подопечными. По его инициативе для ослабевающих животных мы организовали свой профилакторий.

Большая проблема была уберечь лошадей от голодных людей.

Как-то Бутягин вел одного коня в профилакторий, и по дороге ослабевшее животное легло на землю. Врач оставил его под присмотром милиционера, а сам побежал за подмогой. Вернулся, а лошади уже не было. Набравшие местные жители в какие-то полчаса разнесли ее по кусочкам. Милиционер не смог справиться с людьми.

В конце ноября часть конского состава вместе с повозками мы передали на Дорогу жизни. Но и тех, что остались — а их было около сотни, — кормить было нечем. Последние запасы овсяной соломы подходили к концу. Что делать?

Кто-то подал идею добывать корм из-под снега. И мы за нее ухватились.

Правда, нашлись скептики, которые не верили в успех. Были и такие, кто настаивал просто постепенно перевести лошадей на мясо для солдатского котла. И тут мы устояли. И не только потому, что так диктовал здравый смысл — машин-то у нас по-прежнему не было, — но и извечная жалость и любовь русского мужика к лошади.

Это по предложению бойцов мы перестали использовать конский состав на хозяйственных работах. И воду для питья, для бани и прачечной, и даже пищу на передовые позиции бойцы стали возить на себе. Составляли по очереди команду и возили.

А когда и солдаты вконец ослабели, мы приблизили второй эшелон к передовым позициям. Дело было очень рискованным, так как немцы, намереваясь задушить город и его защитников голодом, особенно старательно гонялись за нашими тылами. Можно себе представить, что такое вдруг потерять в бомбежке запасы продовольствия. Их нам, разумеется, восполняли. Но мы-то знали, что

любое такое восполнение идет из общего ленинградского котла. Поэтому наш второй эшелон все время маневрировал. Пять-шесть дней на одном месте, потом в одну ночь снимаемся и переезжаем в другое. Каждая такая перемена места выматывала наши силы. Зато мы не несли потерь продовольствия. А в блокадную пору это по своему значению равнялось большой победе.

Но вернемся к нашим подснежным заготовкам сена. Однажды, изучив карту, я взял четырех бойцов и на своем «персональном» Орлике, с первого дня в полку служившем мне верою и правдою, вывез их в одну из лощин между Токсовом и Всеволожском.

Процесс добывания сена строился так. Вначале бойцы деревянными лопатами расчищали длинную двухметровую по ширине полосу, а затем отточенными железными лопатами подрубали под корень прошлогоднюю траву. Потом ее сгребали в равные копешки. Каждую субботу я сам приезжал к ним, привозил на неделю еду и забирал сено. Обычно его было 500—600 килограммов.

Так бригада проработала весь декабрь, но тут бойцы и сами стали сдавать от истощения. В помощь им прислали еще троих. И еще два месяца вели зимний сенокос.

Лошади были спасены. А значит, и боеготовность полка сохранена.

На переднем крае личный состав полка был размещен скученно. Было по три и даже по две землянки на батарее. Топили их жарко, а постельное белье отсутствовало, и, естественно, возникали серьезные опасения, что могут завестись насекомые. Баня у нас была, но размещалась она на 4-м овощном комбинате, то есть в 10 километрах от боевых позиций. Для ослабевших от голода людей это было расстояние. Я решил подыскать подходящее помещение поближе. И нашел такой сарайчик у станции Шушары. Это было наполовину ближе к батареям. Быстро оборудовали баню, а заодно поблизости и прачечную. Стирать охотно согласились местные женщины. Работали они быстро, старательно, даже сверх уговора гладили белье, что было особенно ценно.

Вообще надо отдать должное ленинградцам, их постоянной готовности чем-то помочь, поддержать бойцов. Окружая Ленинград, гитлеровцы рассчитывали на голодный бунт населения, на возникновение распрей и розни между разными слоями населения, в том числе между

военными и гражданскими. По всем мировым аналогам так вроде и должно было произойти. Однако не произошло. Наоборот, осажденные даже еще больше сплотились.

Приступая к строительству бани и прачечной, мы практически не имели никакого оборудования. В самом деле, где взять на передовой нужные котлы? Да и тазы, и ковши на поле не валялись. И тем не менее все это у нас появилось. Местные жители помогли. Одни сказали, где взять котлы, другие принесли листовое железо, из которого наши умельцы быстро наклепали тазы и ковши.

В сильные морозы отказал водопровод. Бойцы из взвода стали добывать воду из снега. Она оказалась лучше водопроводной.

Кажется, фашисты по-черному завидовали нам, имевшим баню и прачечную, так как они очень уж старательно целили по ним из орудий. Даже батарейцы наши говорили, что у них на позициях куда безопаснее, чем у нас во втором эшелоне. Честно говоря, мы в открытую гордились этим. Значит, мы, хозяйственники, далеко не последняя спица в колесе войны.

Наступила весна 1942 года, а вместе с нею добавилось и забот. Но для меня, с детства близкого к земле, они были бальзамом на душу. Решено было посадить свой, полковой огород. Когда говорил на эту тему с командиром полка, он поинтересовался, где я рассчитываю достать нужный инвентарь, а самое главное — семена.

— Картофельные уже есть.

— Откуда?

— А мы уже целый месяц не выбрасываем очистки, бережем их для посадки. Тут наши повара постарались. И инвентарь еще с зимы собираем. Все брошенные подворья обошли, и вон уже целая гора лопат, граблей, мотыг, леек, корзин, ящичков. Даже плуги, бороны и культиваторы есть...

— Сдаюсь, — улыбнулся Козубенко. — Боюсь, что вы, хозяйственники, однажды ночью перекуете наши пушки на плуги и лопаты.

— Об этом уже тысячи лет мечтает все человечество. Я тоже мечтаю...

Огород получился на славу. Было много лука, редиса, взошла и бурно пошла в рост и картошка. Мы все каждый день работали на нашем двухгектарном чуде. А мои

первые помощники в этом деле С. Чистяков и А. Корвин вообще, кажется, и спали на грядках. Пропалывали, поддушали, окучивали.

С появлением первой травки на полях ожили и наши лошадки. А мы еще с весны начали готовиться к сенокосу.

Участок нам местные власти выделили в районе Пери; то есть в 50 километрах от расположения полка. Каждый дивизион выделил по пять человек косарей. Всю команду возглавил командир хоззвода младший лейтенант Табаков. В путь ее собирали так, как обычно собирают косарей в русских селах — обстоятельно и чуть-чуть торжественно. Выделили две подводы, снабдили инструментом, бельем, палатками, семидневным запасом еды. И уже первого июня команда двинулась в путь. А через несколько дней мы с заместителем командира полка по технической части капитаном Набоковым навестили ее.

Ход работ нас порадовал. Еще до отъезда косарей мы поставили им задачу к 15 августа заготовить не менее 150 тонн сена. И теперь мы видели, что они идут с опережением графика работ. Табаков сказал, что все дело в соревновании, которое организовали в команде коммунисты и комсомольцы. Люди, по его словам, работали с азартом, вот только с транспортировкой сена к стогам не все ладится. На подводах по кочкам не наездишься. Может, мы в другой раз брезент команде подбросим?

С брезентом у нас было туго. Да и зачем он, если есть дедовский способ свозить сено с помощью волокуш?

Я сам срубил две березки метров по пяти длиной, прибил к ним гвоздями поперечную палку, привязал к этому агрегату веревку — и волокуша готова. Попробовали — работает отлично, а главное без потерь — листья березок не пропускают на землю сено.

Потом я показал, как надо делать основание под стогом, чтобы не заводились мыши и не заливало водой, подсказал, как расставить стога с учетом противопожарной безопасности.

— Это надо запомнить, — сказал один из бойцов. — Глядишь, после войны пригодится наука.

До конца войны было еще далеко, но солдаты уже думали о мирных днях.

Первого сентября 1942 года мы праздновали годовщину формирования полка. Отмечали ее торжественно. Было собрание, был праздничный ужин. Некоторые командиры пригласили своих жещ, живших в Ленинграде.

Они привезли с собой столовые приборы, скатерти. Вся зелень и овощи были с нашего огорода.

Вечер проходил под открытым небом недалеко от КП полка. Короткий доклад сделал наш комиссар майор Удовенко, потом выступил командующий артиллерией 42-й армии полковник Михалкин. Настроение у всех было приподнятое. Особенно веселило, что празднуем мы под самым носом у врага.

Впрочем, мне лично на этом вечере было немного и грустно. Жаль, что уехал Козубенко. Его вызвали в Москву. По дороге он написал мне письмо, в котором рассказал о совершенно случайной встрече на вокзале в Вологде с моим сыном, ехавшим к бабушке в Арзамас.

Позже мне несколько раз попадались на глаза газетные сообщения, в которых упоминалась фамилия Козубенко. Судя по всему, он воевал на Киевском направлении...

14 октября 1942 года в дивизионной газете был опубликован указ о награждении меня медалью «За боевые заслуги». И в тот же день я был назначен интендантом дивизии.

Сдав дела, я неспешно обошел все хозяйство полка, побродил по оголенным грядкам нашего огорода, заглянул в подвалы, где хранилась солка на зиму, лежали запасы картофеля и капусты.

Увозил меня в штаб дивизии все тот же Орлик. Его теперь было не узнать: шерсть лоснилась и весь он раздался, даже как будто выше стал. И другие лошади наши были «в теле». Это было кстати, так как шла активная подготовка к прорыву блокады...

Полковник в отставке
Е. П. СТЕЛЬМАХ,
бывший начальник отделения
питания и хлебопечения
отдела продовольственного
снабжения
Ленинградского фронта

ТЯЖЕЛЫЙ ХЛЕБ

— Вот овощехранилище, а вот ключи,— сказал начальник склада, пожилой старший лейтенант, явно призванный из запасников. — А я с вашего разрешения на минутку забегу в свою конторку.

Передавая мне ключи, старший лейтенант все время пугливо поглядывал на небо. Оттуда из-за редких облаков натужно, на прерывистой ноте тянул приближающийся гул моторов. На западе, словно предгрозовой гром, то далеко, то совсем близко перекатывались звуки артиллерийской перестрелки. Временами над Пушкином на низкой высоте проносились немецкие истребители, летчики в кожаных в обтяжку шлемах и в громадных очках хищно всматривались во все, что творилось на земле. На беспорядочный винтовочный треск они не обращали внимания, так как застигнутые врасплох красноармейцы стреляли уже вслед и, конечно же, в белый свет, как в копеечку.

Один «мессершмитт» пролетел прямо над нашей головой. Старший лейтенант резко толкнул меня к стене хранилища, и мы оба буквально влипли в нее.

— Вот черт! — ругнулся начальник склада. — Обнаглели — дальше некуда!

Сбивая ладонью пыль с рукава гимнастерки, он, ворча себе что-то под нос, побежал к штабу. Я же, открыв замок, стал обмеривать емкости овощехранилища.

И теперь, через много лет, вспоминая свою эту работу, я не могу отделаться от чувства стыда за себя и за тех, кто послал меня тогда в эту абсурднейшую командировку.

Говорят, война все списывает. Фронтовики хорошо помнят эту неизвестно кем впервые брошенную фразу, которая стала едва ли не самой расхожей. Кто только и что не прикрывал ею, забывая о другой заповеди, гласящей, что в этой жизни ничего не проходит бесследно: за все рано или поздно приходится платить. Пусть хотя бы вот таким, как у меня теперь, чувством стыда, душевным дискомфортом.

Понять глупость своего задания сам я тогда не мог — был слишком молод и наивен.

С началом войны обстоятельства в моей судьбе сменялись с такой быстротой, что я просто не успевал в них разобраться. Каких-то два месяца назад я еще сидел в классах Харьковской военно-хозяйственной академии. Завершался третий курс, после сдачи экзаменов должны были ехать в войска на стажировку, затем, как и в прошлые годы, планировал свой отпуск посвятить альпинистским делам. У меня за плечами уже было несколько сложных восхождений, учеба в альпинистской школе Николая Гусакова, был на примете у известных на весь мир братьев Абалаковых. И вдруг — война, все рушится. Нас досрочно выпускают. Меня и моего друга Василия Овсеенко направляют на Ленинградский фронт. Перед отъездом я мечусь по загсам, но и невеста, и Овсеенко отговаривают: к чему теперь все это?

Сам Василий только что женился, и уезжать на фронт ему гораздо труднее, чем мне.

Ленинградский фронт мы сами выбрали. Стратеги из нас еще не ахти какие, но сообразить, что именно там, у города на Неве, будет всего труднее, догадки хватило.

Кстати, я и сейчас убежден, что немцы ленинградскому фронту и захвату Ленинграда придавали куда большее значение, чем пишется в наших исторических книгах.

К месту службы добирались через Москву. Была вторая половина августа, фашисты перерезали Октябрьскую железную дорогу, и из столицы мы едем Северной веткой. Не столько двигаемся, сколько стоим на всех станциях и полустаках. Нас обгоняют воинские эшелоны с людьми и боевой техникой, навстречу сплошным потоком идут составы с заводским оборудованием, рабочими,

детьми и ранеными. Без слов было ясно, что война закручивается круто.

Василий все больше молчит, глядит на проносящиеся мимо военные транспорты, зло играет желваками на скулах. В редких разговорах он сбивает меня на то, чтобы просились в действующие части.

— Что угодно,— говорит он,— только не сидение за столами и не переключивание бумажек.

С Овсеенко мы знакомы еще со студенческой скамьи в Черниговском пединституте. Вместе учительствовали в богом и людьми забытом селе Буркивка. Это он вычитал в одной из газет объявление о приеме слушателей в только что открывшуюся военно-хозяйственную академию. Он увлек идеей поступить туда. Молодежь тридцатых годов, живущая еще духом недавних революционных событий, лихих кавалерийских атак гражданской войны, боготворила армию, тянулась к военным. Учился Василий с полной отдачей сил. Был смел, активен, по-большевистски принципиален и честен. Идея проситься на Ленинградский фронт тоже принадлежит ему.

— Воевать — то там, где труднее всего. А фашисты не столько на Москву, сколько на Ленинград попрут,— говорил он. — Это им во всех отношениях — в военном, политическом и даже моральном — выгодно.

Работал Овсеенко, как и учился, с полной отдачей сил. Он постоянно рвался на передовую и сам напрашивался на самые рискованные командировки. В одной из таких поездок на Невской Дубровке он и погиб.

Несмотря на то, что во многих житейских вопросах я был опытнее Василия, однако мне трудно было устоять перед его романтическим настроением, и я часто поступал так, как он требовал. Я тоже не хотел сидеть за столом и переключивать бумажки, когда идет война, когда враг наступает, топчет нашу землю. Однако в отделе кадров штаба тыла, располагавшемся тогда в одном из корпусов Ленинградского артиллерийского училища, с нами на эту тему и разговаривать не стали. Нас обоих направили в штаб тыла на улицу Толмачева в качестве старших помощников начальников первого и второго отделов. Овсеенко предстояло заниматься административными, а мне — продовольственными делами.

В тыловых звеньях тогда шла большая реорганизационная работа. Лучшие начальники отделов, их заместители один за другим уезжали в армии, корпуса, дивизии начальниками тыла, управлений и служб. Шла перетасовка отделов, отделений. Одни из них укрупнялись,

другие, наоборот, сокращались до минимума или совсем ликвидировались. Шла чистка и среди специалистов. Очень уж много тут осело мало пригодных к хозяйственному делу людей. Это и штрафники, и те, кто оказался непригодным в других службах. В теплых местах понавили себе гнездышек блатники и нечистые на руку люди. Война требовала от тыла, его управлений четкой и слаженной работы, а кто ее будет выполнять при таком раскладе сил?

Хорошо помню тот день, когда я впервые пришел в свой отдел. Внешне тут все кипело.

Кто-то углубленно вчитывается в документы, географические карты, кто-то непрерывно звонит по телефонам. Заходят и выходят от нас люди целыми пачками. Я чувствовал себя неуютно, не зная, как влиться в этот поток бурной энергии. Но уже вскоре заметил, что вон тот майор изучает план водной Мариинской системы, твердо уверенный, что она станет главным препятствием на пути вражеских танков. А вот капитану, сидящему за соседним столом, пришла счастливая идея набивать солдатские матрацы не сеном, как прежде, а древесными стружками, и он не слезает с телефона, обзванивая все городские деревообрабатывающие фабрики, выбивая из них в громадных количествах стружку.

А вечером в общежитии Овсеенко рассказал, что в его и в некоторых других отделах есть люди, которые с самого 1918 года, то есть еще с гражданской войны, ни разу не бывали в войсках!

Вывод из всех этих фактов напрашивался один: тыловое обеспечение войск — слабейшее звено нашей армии.

Сейчас находятся люди, пытающиеся оспорить этот вывод. Наши поражения в начальный период войны объясняют прежде всего внезапностью фашистского нападения, превосходством гитлеровцев в сконцентрированной на нашей границе силе. Не хочу умалять эти факторы, но главный акцент я бы все же сделал на слабости нашего тыла. Да, были постановления, решения, приказы, направленные на совершенствование хозяйственного обеспечения Вооруженных Сил. Но появились они с очень большим запозданием, слишком долго вопросы укрепления военного тыла оставались на втором плане.

Та же Харьковская военно-хозяйственная академия была создана в конце тридцатых годов. Очень показательна ее кадровая укомплектованность. Самыми слабыми оказались наши профилирующие факультеты.

Чем только не занимаемся мы — корпим над оперативными картами, решаем тактические задачи, совершаем марши, ходим в рукопашные атаки, отрабатываем строевой шаг, — только не инженерным делом. Оно изучается, но как бы факультативно. И не случайно многие наши выпускники, такие как Михаил Попов, Василий Гусев и многие другие сразу же после выпуска ушли на командные должности. Мы с Овсеенко тоже, наверное, последовали бы их примеру, если бы не поняли вскоре, что на Ленинградском фронте служба в тыловом звене была не менее трудной и не менее опасной, чем на передовой.

Становление наше в той атмосфере, какая царила в отделах и управлениях тыла, было трудным. Были ошибки, упущения, как, например, та же моя поездка в Пушкин для обмера емкостей в овощехранилищах.

На первый взгляд, все было естественно: подходила пора закладки на зиму картофеля, капусты, помидоров и других овощей. Давала знать и исполнительность. Качество это замечательное, но без собственной сообразительности, инициативы оно значительно теряет свою ценность, особенно в решении хозяйственных вопросов.

Итак, я в городе Пушкине, старательно ползаю по хранилищу с рулеткой. Гул боя здесь слышен очень приглушенно. Да я и не прислушиваюсь к нему. Только вдруг слышу, кто-то окликает меня. Оглядываюсь — в дверном проеме средних лет женщина. Пытаюсь выяснить, кто она и почему здесь, но та не слушает меня и, в свою очередь, допытывается, что я тут делаю, когда немцы уже в городе, бои приближаются к центру.

Через минуту мы оба бежим на улицу, голосуем проносящимся мимо машинам. Сажая попутчицу в кузов раздолбанной полуторки.

— А вы куда? — впивается она в мое лицо своими испуганными слегка раскосыми серыми глазами.

— Я еще на минутку должен забежать в штаб.

Влетаю в здание и останавливаюсь, пораженный брошенностью помещений. По пустым комнатам, коридорам сквозняки перекатывают казенные бумажки с печатями и подписями. Почему-то многие окна распахнуты настежь. В комнате начсклада из стола выдернуты ящики и брошены на пол. Над крышей здания низко проносится самолет, пулеметные очереди выбивают из стен фонтанчики кирпичной пыли.

Попутные машины уже не останавливались. Вскочил в первую попавшуюся на ходу. Сидевший в ней раненый

боец сказал, что мне повезло — их подразделение отходит последним.

На одном перекрестке шофер вдруг ударил по тормозам. У обочины дороги, накренившись на одно разбитое колесо, стоял в дым растерзанный хлебный фургон. Много хлебных буханок валялось прямо на земле. Выскочив из кабины, шофер схватил несколько кирпичиков, один из которых бросил нам с раненым.

— Берите — в дороге пригодится!

Ах, сколько раз в трудную блокадную пору будет мне сниться этот фургон с разбросанными вокруг хлебными буханками!

Полковника Галкина, отправлявшего меня в Пушкин, вскоре сменил полковник Леонид Иванович Журин. Шли замены и в других отделах и управлениях. К руководству приходили, как правило, смелые, знающие свое дело, энергичные люди. Особенно удачным, на мой взгляд, на месте начальника тыла был генерал Ф. Н. Лагунов. Под стать ему были генералы Г. М. Савоненков, П. И. Новоселов, В. Г. Монахов, полковник В. А. Васильев и многие другие.

Тыл сразу превратился в боевой штаб по бесперебойному снабжению всем необходимым войск и во многих отношениях населения осажденного города. Появилась осмысленность в делах, четкая скоординированность их. Но главная заслуга генерала Ф. Н. Лагунова состояла в достижении исключительной оперативности в решении любых, больших и малых, вопросов. Достигалось это введением все время меняющихся оперативных групп, по первой команде выезжающих в войска. Компактные, мобильные, они, как правило, наделялись большими полномочиями. От каждого специалиста тыла во всех случаях требовались самостоятельность, инициатива, решительность. Я и теперь помню то чувство хозяина, с каким обычно выезжал в очередные командировки.

Первая из них оказалась пешая. Леонид Иванович Журин послал меня на один из городских хлебозаводов, располагавшихся на Смоленской улице. Надо было посмотреть, как производится отпуск хлеба на нем, да и на других заводах воинским частям. Неделю назад, то есть 2 сентября 1941 года, в Ленинграде был введен нормированный отпуск хлеба и других продуктов. Немцы, не жалея сил, пытаются в ближайшее время завершить окружение города. Запасов продовольствия на городских скла-

дах не так уж много, к тому же основные окружные склады, располагавшиеся в дальних воинских гарнизонах, остались на оккупированной врагом территории. Со всей остротой встал вопрос экономии, жесточайшей экономии всего съестного!

— Разберитесь с существующей системой отпуска хлеба с заводов,— сказал мне Журин.— Судя по всему, она далеко не совершенна.

День выдался солнечный, теплый, и я не стал втискиваться в переполненные трамваи, пошел пешком. На душе было и тревожно, и радостно одновременно. Тревогу рождала возможность блокады врагом Ленинграда. Радовало, что наступление немцев значительно сбавило темп. Теперь им не только километры, но и десятки метров даются с величайшим трудом. Приятно было сознавать и тот факт, что на службе я, как говорится, пришелья ко двору. С моим мнением считаются, да и не держат в роли мальчика на побегушках. От того, как я вот сейчас вникну в суть проблемы, какие свои соображения доложу начальству, может в корне измениться вся ранее существовавшая система отношений хлебозаводов города со своими потребителями.

Так, кстати, все и вышло. На заводе мне бросилось в глаза отсутствие какого-то учета отпуска хлеба. Воинские части получали хлеб по чековым книжкам. Это позволяло им (точнее, при желании давало возможность) в разных местах, а то и на одном хлебозаводе получить свою норму и два, и три раза. Привязки потребителей к производителям продукции не было. Сами чеки хранились бесконтрольно. Приходи любой желающий, переписывай номера воинских частей. За расходом муки, да и за качеством выпечки хлеба никакого особого контроля не было.

У меня родилась мысль ввести в штат заводов группу военпредов, в количестве примерно трех человек. Идея не совсем новая, на некоторых предприятиях, выполняющих в войну военные заказы, они уже были. Но там они следили только за качеством, здесь же предполагалось наделить их куда большими правами, включающими и жесточайший контроль за расходованием исходных продуктов и готового хлеба.

Полковник Журин одобрил мое предложение, а через день-два оно было принято на заседании Военного совета.

На должности военпредов мы через пересыльные пункты подобрали отличнейшие кандидатуры. Учитывая на-

личие специальных знаний и опыта, мы главным образом, однако, смотрели на моральные качества, и в первую очередь на честность. Нужны были такие люди, которые, сами умирая с голоду, не позволили бы себе лишнего куска хлеба. И, представьте себе, именно такие и пришли на военпредовские должности.

Как сейчас помню майора Николая Михайловича Будилова, возглавлявшего группу на 14-м хлебозаводе, располагавшемся на улице Чернышевского. Встреть его в то время в толпе, никогда бы не подумал, что он работает на хлебозаводе, — такой же, как тысячи голодающих ленинградцев. Он месяцами не появлялся дома, и его семья, жившая в Невском районе, до самой эвакуации несла все те же тяготы, как и все вокруг.

Моя пешая командировка на Смоленскую улицу сопряжена и с другими, более тягостными воспоминаниями. Это было 8 сентября 1941 года — в день, когда немцы завершили окружение Ленинграда. Кроме того, именно в этот день они совершили самый страшный авиационный налет на город, забросав его сотнями тысяч зажигалок. Под этот налет я тоже угодил. Вначале отсиживался в каком-то убежище, затаенный туда прохожим мужчиной, затем вместе со всеми тушил пожары. Хлебозавод мы сумели отстоять, а вот расположенный недалеко жироскомбинат сгорел дотла. Страшно было смотреть, как расплавленный жир ручьями растекался по асфальту, полыхая шумным, чадным пламенем. Еще страшнее было думать, что такие потери шаг за шагом приближают голодную катастрофу.

За суматохой дел мы не сразу заметили дымное облако над Бадаевскими складами. Вот это уже был настоящий знак беды. Впервые я видел, как толпа людей — и женщины, и мужчины плакали.

В последнее время в книжках о блокаде все чаще и настойчивее проводится мысль, умаляющая значение Бадаевских складов. Мол, стоит ли лить слезы о каких-то трех — пяти суткодачах? Любопытно, что эти же авторы тут же, в тех же книжках, с исключительной дотошностью перечисляют сотни, десятки килограммов отрубей, жмыха, мучной пыли, пивного солода, пищевой целлюлозы, добытых под половыми досками, в воде у причалов, на стенах мельниц и так далее. Где же логика? А она как раз в том, что многим авторам воспоминаний, как правило, бывшим руководителям обороны города, не хочется платить за свои просчеты. В моей личной библиотеке есть пять изданий одной такой книжки. Первое, что

бросается в глаза при последовательном их чтении, — это все возрастающий от издания к изданию оптимизм изложения событий и постепенное возвеличивание роли самого автора в снабжении города продовольствием...

Снабжение войск Ленинградского фронта хлебом производилось в блокадную пору из двух источников: с десяти городских хлебозаводов и с хлебозаводов, работавших в армейских и корпусных тылах.

Мне часто приходилось бывать в цехах городских заводов, располагавшихся в Кушелевке, на Васильевском острове, Смоленской улице, в Херсонском переулке и в других местах. Штаты рабочих здесь были в обрез, замесы из-за отсутствия тока делались вручную — более адской работы трудно представить. Тем более, что в цехах в основном были женщины. Надо учесть еще и жесткие рамки рабочего цикла. Хватает или не хватает дрожжей, «подходит» или не «подходит» тесто — это никого не касалось. В намеченное время во двор входят машины, вереницы машин, которые к шести часам утра обязаны доставить хлеб в магазины, перед которыми едва не с вечера, независимо от погоды, выстраиваются длинные очереди голодных людей.

А тесто обычно не хочет подниматься — нет нужного тепла, плохие дрожжи, а главное — всякого рода добавки портят все дело. Небывало большой был процент припека. Хлеб получался влажный, тяжелый. Двухсотпятидесятиграммовая пайка легко умещалась в детской ладошке, а что говорить о двадцатипятиграммовой? А был момент, когда существовали и такие нормы для детей и иждивенцев.

Как-то года два-три назад я прочитал в какой-то из ленинградских газет маленькую заметку об одной семье, пережившей те страшные годы в Ленинграде, которая сохранила пайку блокадного хлеба. Легко представить, как эта пайка выглядит теперь. Скорее всего она похожа на кусочек окаменелого чернозема. Удивило и мужество тех, кто, рискуя погибнуть от голода, припрятал свою дневную норму хлеба с мыслью сделать ее после войны музейным экспонатом.

С армейскими полевыми хлебозаводами хлопот было несколько меньше. Во-первых, очень хорошим было само оборудование — мы имели заводы, дающие до двадцати тонн готового хлеба в сутки. Правда, в оборонительный период мы их законсервировали и построили самодельные хлебопекарни. Во-вторых, в армиях, корпусах и дивизиях у нас были свои инженеры по хлебопечению. Не

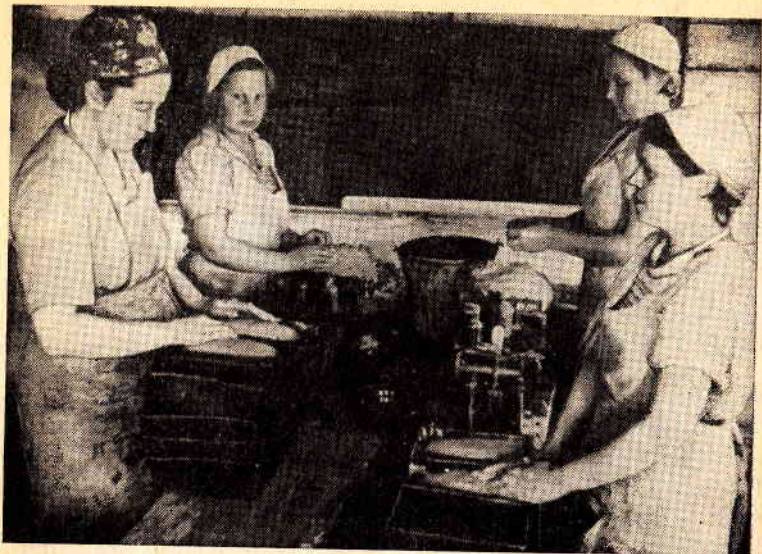
могу не назвать имена лучших из них. Это майоры-инженеры Д. М. Тыщенко, Н. А. Рыбичкий, П. К. Сидак, капитаны-инженеры П. П. Пахтусов, С. П. Семенов, Г. М. Эстулин, О. В. Голуб и многие другие.

Они-то как раз занимались конструированием самодельных стационарных печей, которые делали, как правило, из кирпича, но вот капитан-инженер О. В. Голуб — инженер по хлебопечению 55-й армии — изобрел очень компактную, изготовлявшуюся из металла сборно-разборную печь. Ею сразу же заинтересовались и в соседних армиях. А завод имени Егорова принял ее к серийному производству.

Занимаясь обеспечением войск хлебом, я, как и мои коллеги, был вынужден вникать и в массу дел, сопутствовавших главной проблеме. Как-то позвонили из дивизии, которой командовал полковник Борщев. То ли разбило машины, то ли они где-то застряли, но вот уже двое суток не поступает в подразделения хлеб. Загружаю с помощниками хлебный фургон и спешу в расположение дивизии. Весь путь проходим с малыми и большими приключениями. То нас жестоко обстреливают, то застреваем на болотистой дороге, то что-то ломается. Однако хлеб доставили.

В другой раз приходит жалоба — армия недополучила около двадцати тонн хлеба. Почему? По всем документам выходит, что отгрузка велась сполна. Где на поезде или на машине, а где и пешком порядком от точки до точки прохожу всю цепочку, по которой доставлялся хлеб. И все становится ясным. Контроль в этой цепочке оказался слабым, не способным пресечь возникшие в разных местах утечки продукции. В одном месте ночью сам видел, как часовые, пропуская машину с хлебом, сзади в открытые дверцы натывали на штыки буханки хлеба и отбрасывали их в условленное место, где их тут же подхватывали и перепрятывали в укромные тайники.

Очень много острых проблем с хлебопечением возникло в предвидении наступательных операций наших войск. Те, кто знал наши штатные пекарни, законсервированные до поры до времени, в период действия недоброй памяти принципа «активной обороны», частым бреднем прошедшегося по тыловым подразделениям, просто-напросто были перебиты в боях. Уничтожены были и полагавшиеся пекарням транспортные средства. Надо было срочно выправлять положение. Но если машины мы как-то наскребли, то с хлебопеками дело обстояло посложнее. Их надо было в спешном порядке готовить.

Полевая хлебопекарня

**Д. М. ТЫЩЕНКО,
майор-инженер**

Спасибо городским хлебозаводам, они подбросили немного мастеров из своих штатов. В остальном сами наши офицеры, засучив рукава, взялись за обучение выделенных нам бойцов. Мне лично целый месяц пришлось просидеть в овраге, недалеко от Кировского завода, в непосредственной близости от передовой, где я проводил практические занятия с новичками по сборке и разборке полевых хлебопекарен. Вначале готовили пекарей 42-й армии, которой предстояло наступать с Пулковских высот, затем и всех остальных.

Такие же курсы мы создали у себя и по обучению поваров. Располагались они во Всеволожке и в Мельничном Ручье, а руководил ими капитан-инженер Семенов. Преподавали в основном люди нашего отдела, сам Семенов и присланные из Москвы женщины, прошедшие там такие же курсы. И учились у нас на поваров, кстати, в основном женщины и девушки. Тут в одной из групп я случайно встретил ту молодайку, которая вытянула меня в свое время в Пушкине из овощехранилища. Теперь она выглядела старухой — кожа да кости. Только серые, немного косящие ее глаза, в провалившихся глазницах ставшие особенно большими, сохранили прежнюю остроту и задор. Несмотря ни на что, люди верили в нашу победу...

До этого я в основном говорил о хлебе, но на нашем отделе и управлении лежала забота и об организации нормального питания в войсках, то есть обеспечении солдат горячей пищей. Задача, замечу в скобках, во много раз потруднее первой.

Во-первых, мы в самом начале столкнулись с нехваткой походных кухонь. Те, что изготовлял завод Егорова перед войной, оказались тяжелыми, громоздкими и не годились для наших болотисто-лесистых мест. Решено было воспользоваться обычными кашеварными котлами. Но их еще надо было собрать по городу. А кроме того, к таким котлам полагалась еще масса других принадлежностей — начиная с топора, весов, фонаря и кончая свечами. Не хватало посуды, термосов для подноски горячей пищи.

Во-вторых, постоянно возникали самые различные организационные неурядицы.

Вот простой пример. Обычно горячая пища готовится в тылу батальона. Но как раздавать ее, если кухня отстоит от передовой минимум на три-четыре километра? Не снимать же людей с передовых позиций! Готовим своими силами в дивизиях, полках и даже в батальонах

Раздача горячей пищи

Доставка пищи на передовую

**Заместитель командира 22-го стрелкового полка по тылу
капитан ДЗЮБА осматривает урожай капусты. 1942 год**

нужное количество термосов и выделяем подносчиков. Все было нормально, пока немцы не организовали самую настоящую охоту за этими подносчиками пищи. Выигрывает она им дает громадный. Убить подносчика или хотя бы пробить пулей термос — и вот уже взвод или рота остаются голодными. Для истощенных людей это самая настоящая катастрофа.

Военный совет утверждает наше предложение перенести готовку горячей пищи в роту. Сразу встал вопрос нехватки поваров, возросла опасность потери пищеблоков от минометных обстрелов. Очень большая нагрузка легла на ротных старшин.

Вот уж кто, по-моему, до обидного незаслуженно обойден вниманием нашей прессы и литературы — ротные старшины. Какие только обязанности не лежали на них, начиная с обеспечения добротной одеждой, обувью и кончая банями, обогревом, сушкой валенок и, конечно же, кормлением горячей пищей.

Кстати, на продовольственниках и старшинах лежала и задача изыскания дополнительных средств и источников питания. Это и сбор щавеля, лебеды, крапивы, и отваривание сосновой хвои. Кроме того, этот отвар еще надо заставить людей пить. Я сам наблюдал такую картину. Перед походной кухней стоит бочонок с отваром и старшина каждому идущему к кухонному котлу дает

выпить порцию отвара. Не хочешь — значит и кухня для тебя закрыта.

Вместе с армейскими, корпусными, дивизионными и полковыми специалистами по питанию старшины были инициаторами высаживания огородов в первую и в последующие весны в окруженном Ленинграде.

У меня сохранились фотографии, на которых наши продовольственники стоят с громадными кочанами капусты в руках, демонстрируя свой урожай, снятый с огородов. Ах, какие у всех торжествующие лица — герои да и только! А ведь и в самом деле герои.

Но тут я, кажется, слишком забежал вперед. Ведь еще ничего не сказано о нашей заготовительной работе. Как бы хорошо ни было налажено хлебопечение и варка горячей пищи, радости от этого мало, если печь и варить не из чего.

В мемуарной литературе много написано о переправе продовольствия через Ладогу. Не буду повторять известных уже цифр, пересказывать героическую эпопею по созданию ледовой дороги и рассказывать о мужестве людей, строивших и эксплуатировавших ее. Память о них и их делах переживет века.

Мне тоже довелось несколько раз пересечь на машине Ладогу, и я знаю, что это такое. Первый такой вояж я совершил в самом начале декабря 1941 года, то есть через несколько дней после прокладки дороги. Ехал ночью на попутной «эмке» с распахнутыми настежь дверцами, так как лед беспрерывно трещал и даже слегка волновался — на севере, на открытой воде, бушевал сильный шторм. Впереди нас маячили две грузовые машины, везшие семьи командиров 70-й стрелковой дивизии, воевавшей в тот момент на Невском «пяточке». У противоположного берега одна из этих машин вместе с людьми ушла под лед...

Первое, что поразило в Кобоне, — громадные штабеля мешков с мукой и ящиков с консервами, присланные Большой землей для осажденного Ленинграда. Будь все это на западном берегу Ладоги, ни о каком бы голоде и речи не могло идти. Но весь вопрос состоял в том, как переправить такое богатство в осажденный город. В мои обязанности входило помочь начальнику склада, тогда еще очень молодому человеку старшему лейтенанту Минину, в как можно быстреей отгрузке грузов на подходивший транспорт. Людей у нас для этого по количеству хватало, но они были настолько истощены недоеданием, что и вчетвером не могли поднять один мешок.

Словом, трудностей было не занимать. Не раз жизнь наша висела на волоске, так как даже малейшая задержка с погрузкой рассматривалась не меньше, чем предательство в бою. Каждые новые сутки были очередным нашим испытанием на находчивость, решительность и физическую выносливость, не говоря уж о моральной.

Та поездка памятна мне и такой деталью. Мы с Мининым обратили внимание на неприкаянно бродящих по берегу эвакуированных из Ленинграда людей. Никто из них, даже дети не подходили к штабелям муки и консервов, считали, что все это для тех, кто остался в осажденном городе, а они, мол, уже спасены. А где спасены, если многие из них едва передвигали ноги, если впереди еще несколько суток пути!

Посоветовавшись с Мининым и начальником отделения складов майором Киселевым, а затем и с комендантом, мы решили выставить на площадь походные кухни и варить в них еду для эвакуированных. Риск за несанкционированный расход продуктов мы брали на себя громадный, но, на наше счастье, вскоре в Кобону приехал член Военного совета, ведавший вопросами тыла, генерал Н. В. Соловьев. Он одобрил инициативу, даже распорядился оборудовать столовую и выдавать продукты на дорогу. Через день-два по этому вопросу было принято специальное постановление Военного совета фронта. У нас, как говорится, от души отлегло.

Около трех месяцев пробыл я в Кобоне. После этого начались странствия по разным участкам фронта для решения больших и малых проблем. А осенью 1942 года судьба забросила на Невский «пяточок». Правда, туда я еще весной заскакивал на один день в 86-ю стрелковую дивизию, но по-настоящему ощутил всю сложность здесьней обстановки только во второй свой приезд.

Наши войска тогда готовились к наступательным операциям, нужно было проверить наличие походных кухонь, возможность приготовления горячей пищи непосредственно на плацдарме. Барахлил что-то и походный хлебозавод, надо было покопаться в нем. Но главная трудность была в заготовке нескольких тысяч сухих пайков.

Когда наконец все было готово, я решил побывать на самом плацдарме — мне нужно было выяснить возможности приготовления там горячей пищи, как приказал новый мой начальник отдела полковник В. А. Васильев. Но тут возникли трудности с переправой. Никто не хотел брать лишнего человека в лодку или на плот. На плац-

дарме нужны были стрелки, боеприпасы. Даже медиков и подносчиков пищи брали с великим трудом. А тут — продовольственник с сомнительной ценности заданием. Всем и без особого изучения обстановки ясно: ни о каких кухнях на «пяточке» и речи не может быть. Вот горячий чай — этого надо побольше и почаще доставлять. Но тут и подносчиками можно обойтись.

Даже командир дивизии полковник Краснов никак не хотел войти в мое положение. И все-таки я переправился на плацдарм, прополз по траншеям, снаряжным воронкам, приспособленным под блиндажи. Успокоился только тогда, когда все сто процентов опрошенных мною людей твердо заявили, что моя затея с готовкой горячей пищи бесполезна, что нужен только чай.

При переправе с «пяточка» в лодку попал снаряд. Сам я чудом уцелел. Бреду мокрый, контуженый к тылам дивизии, а навстречу начпрод этой дивизии капитан Андрей Иванович Шишкин, с которым мы все эти дни вместе хлопотали. Очень рад он был за меня, за то, что я переправился на плацдарм, — оказалось, в землянку, в которой мы с ним обычно работали, прямым попаданием угодил крупнокалиберный снаряд...

Довелось мне в блокадный период побывать и еще в одной горячей точке — в Кронштадте. Мне было поручено обеспечить питание и обогрев солдат 2-й ударной армии, переправлявшейся по тонкому льду Финского залива на Ораниенбаумский «пяточок». Тут трудности возникли вначале с собственной переправой в Кронштадт — лед не выдерживал, в некоторых местах пришлось ползти по-пластунски. В моих документах не оказалось какой-то важной визы, и моряки не хотели пускать в город. В конце концов разобрались, и комендант капитан первого ранга Яковлев даже во многом помогал мне. Главное, он собрал по всем городским музеям походные кухни, самых немислимых возрастов и конструкций. Многие из них, как кажется, времен самого Петра I.

Много мороки было с заготовкой дров, с переправкой продовольствия из Лисьего Носа и Тарховки в Кронштадт. Крутиться приходилось волчком. Не обошлось без происшествий. В одном из рейсов через Финский залив аэросани вдруг резко ушли под лед. Спасибо, что все случилось вблизи одного из фортов, на глазах моряков...

Рассказываю это не с целью показаться перед читателем в лучшем свете. Просто хотелось бы лишний раз подчеркнуть, каким нелегким был хлеб работника тыла.

в боевой обстановке и особенно на Ленинградском фронте.

Что касается моих собственных поступков, поведения в экстремальных условиях, то в этом я старался подражать моему другу Василию Овсеенко. Его честность, его принципиальность в делах до сих пор остаются для меня примером.

Где-то в начале шестидесятых годов на пороге моего дома появился незнакомый юноша. Это был сын Василия Овсеенко, родившийся вскоре после гибели отца. Мне приятно было рассказывать ему о моем друге и его отце, но еще радостнее было видеть, что и внешне, хотя бы той же игрой желваков в трудные моменты, и душевным складом сын был копией своего родителя.

И еще один штрих в заключение этих воспоминаний. С той женщиной, которая вызволила меня из темных углов овощехранилища в Пушкине и по сути дела спасла мне жизнь, больше встретиться не довелось. Однако женился на той, которая была чем-то очень похожа на нее. Жена моя тоже была офицером, единственной женщиной на все Вооруженные Силы, работавшей начпродом дивизии. Нас связывали не только взаимная любовь, общая форма одежды, общие задачи по службе, но и общая память о самой трудной поре в судьбе народа, в истории Ленинграда и в нашей собственной жизни.

Лейтенант
административной службы
в отставке
А. Ф. АСТАШКИН,
бывший помощник
начальника продфуражного
отдела

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

Вскоре после начала войны я завел себе небольшой блокнот, куда кратко записывал все, что происходило в течение дня, недели или минувшего месяца. Что-то вроде дневника. Ни о каком писательстве я и не помышлял, хотя и баловался в юности рассказами из жизни моего родного мордовского села. Просто я понял, что война будет жестокой, что события разворачиваются далеко не рядовые.

Впрочем, не рядовыми были и предвоенные годы. Революция. Гражданская война. Нэп. Коллективизация. Индустриализация. Первые пятилетки...

Это все в масштабе страны. Но и жизнь каждого отдельного человека была бурной, кипучей. Мне самому за каких-то сорок лет довелось пройти через десятки крутых поворотов в своей судьбе. Церковноприходская школа, курсы телеграфистов, служба в штабе Н. М. Тухачевского, работа в редакции друга и издателя произведений Л. Н. Толстого В. Г. Черткова, потом участие в оказании помощи голодающим в Поволжье, учеба в кооперативном техникуме...

По распределению попал в Казахстан, участвовал в коллективизации. Незадолго до войны перевелся в Ленинград, был на разных должностях в торговой системе. Разумеется, ничего головокружительного во всем этом

калейдоскопе нет, если тем более упустить из виду одну маленькую деталь — что родом я из беднейшей семьи, из беднейшей мордовской деревеньки, дальше своих маленьких хлебных наделов не знавшей дорог.

— Все вещи, события в нашей жизни от того, как посмотреть на них, имеют разную цену, — поучал меня в детстве мой первый учитель, сын деревенского священника Леон Николаев. — Вот ты сейчас учишь таблицу умножения. С одной стороны, если смотреть с житейской позиции, дело это простое и вроде даже пустяшное. А с другой — устранишь свою неграмотность. Больше того, вековую неграмотность рода своего. Понял?

Трудно входила в голову философская премудрость. То есть учился-то я хорошо. А в рисовании и в музыке так вообще удивлял старших. Но познать предмет еще не значит понять его. Узкий мир деревеньки, как клетка птице, не давал взлететь мысли.

Впрочем, случается, что мысль и сама не хочет взлета, прячется в клетку, в качестве которой может служить собственная квартирка, дача, престижная должность, вещи...

Но я отвлекся.

Итак, я завел небольшой дневник. Записывал нерегулярно, особенно когда служил в полку. Да и после перевода в штаб тыла фронта не всегда доходили руки до дневника. Однако и то, что записал, теперь, по прошествии стольких лет, обрело для меня, да и не только для меня одного, определенную ценность. С большого расстояния, говорят, больше видится.

Первые записи относятся к июню 1941 года.

«Первый раз дежурил на крыше. Был налет, но фашисты не прорвались. Зрелище было красивое: метались лучи прожекторов, гудели моторы, громко били зенитки. А сам город словно вымер. Ни одного огонька. Это очень страшно, когда город без огней...»

Вот так, дорогой читатель. И красиво, и страшно одновременно. Теперь-то все понятно. Это душа наша металась между романтическим настроением и жестокой реальностью.

«Сегодня патрулировали. В городе появились «ракетчики». Во время налета они ракетами показывают, куда надо бросать бомбы. Конечно же, это засланные диверсанты. Но, говорят, и наши, городские, попадаются.»

«Объявили в нашем бюро экспертиз о наборе людей для работы на оборонных объектах. Если попросту —

надо рыть окопы. По всем статьям такая честь выпала мне и еще двум нашим сотрудницам. Завтра утром сбор».

«Вот уже неделю роем окопы под Любанью. Сейчас все наладилось, но вначале организация была поставлена из рук вон плохо. Долго ждали поезда на вокзале, потом подали теплушки, набились в них, как селедки в банку. Саперы на станции не встретили, пять километров шли пешком. И тут разразилась гроза. Четыре часа поливал ливень, а все в основном были в легкой одежде. Многие простыли, женщины рыдали. Их отвели на станцию и отправили в город. Пять человек убило молнией. Она попала как раз в то дерево, где пятью минутами раньше стоял я со своими спутницами...

На окопах случайно встретил Павла Григорьевича Агафоновича. Когда-то вместе учились в торговом техникуме».

Потом шли короткие записи о том, как пошел в ополченцы, как попал в 296-й стрелковый полк. Еще при формировании за меня и несколько человек, в прошлом хозяйственников, начпрод лейтенант Бойцов обеими руками ухватился. Сам он из военкоматских, хозяйственных дел не знает и в нас видит свое спасение.

Полк бросили под Пушкин, но уже вскоре второму эшелону приказали перебазироваться и окопаться на Средней Рогатке. Интересна одна деталь. В записи она выглядит так.

«Под Пулковом нас (три одноконные повозки с полковым имуществом) окружили ополченцы, спешащие на передовые позиции. У многих нет винтовок. Стали вымалывать оружие у нас. Наш возница Макаров отдал свою. Мы тоже отдали. Представляю, как накинется на нас Бойцов за это».

Потом в записях был большой перерыв. Но я хорошо помню это время. Полк удерживал позиции перед Пулковскими высотами. Нац второй эшелон обосновался на Средней Рогатке, как раз в том месте, где сейчас воздвигнут монумент Победы. У немцев мы были как на ладони. Говорят, по всему кольцу вокруг Ленинграда фашисты засели на возвышенностях.

С наступлением первых холодов мы начали обустриваться. Рыли блиндажи. Помощник командира по хозяйству (теперь уже не помню его фамилию) потребовал от нас сделать ему крышу в шесть накатов. Не блиндаж

получился, а бункер. Но в ноябре его сразило осколком у самого входа в блиндаж.

Вначале полевые кухни были рассредоточены поротно, но немцы стали за ними охотиться. Как заметят дымок, так и вызывают артиллерию. По огневым точкам так не бьют, как по кухням. И еще по продовольственным складам метят. Мы их маскируем не хуже, чем секретное оружие. После того, как вышла из строя третья по счету кухня, перешли на стационарное приготовление пищи. Вырыли большую землянку, вмазали несколько котлов и варим кашу, если, конечно, есть крупа, а когда кончается, тушим капустные листья, свеклу. Это мы (то есть все писари, возницы, рабочие прачечного агрегата, который мы зовем «вошебойкой», и даже сам лейтенант Бойцов) по ночам добываем на ничейной полосе. Дело очень рискованное: немцы, как заметят добытчиков, так начинают нервничать. наших двоих уже ранило. Вознице Макарову снайпер в ногу угодил.

«Вчера фашисты засекали и обстреляли из минометов двоих подносчиков пищи. Обоих ранило, но самое худшее — осколками пробило термосы и почти вся каша вытекла. Об этом говорили как о великой потере. Я вспомнил своего первого учителя Леона Николаева и его слова о разных ценах одной и той же вещи в зависимости от обстоятельств. Каша... Что такое тарелка жиденькой кашицы? Для сытого человека — пустяк, а вот для таких дистрофиков, какими мы постепенно становимся, в этой тарелке, может, единственное спасение...»

Под Пулковом мне несколько раз самому приходилось заменять подносчиков пищи. То кого-то убьют, то заболит человек, вот и подставляешь плечи под лямки. Когда первый раз нес кашу, мысль была об остатках, какие достанутся мне. Но стоило посмотреть на бойцов, сутками не покидающих траншеи, голодных, промерзших, и всякая блажь выветривалась из головы. Лучше я свою порцию отдам им, сдерживающим атаки врага, чем позволю себе обделит кого-то. Это и все подносчики, видно, держали в уме, если строго следили за поварами, а повара за кладовщиками, выдающими продукты. Никакого государственного контроля не надо было...

«В мои обязанности кроме писарских дел входит и курьерская обязанность. Раз в неделю ношу сводку о наличии продуктов в штаб 13-й стрелковой дивизии. Она не очень уж далеко, но для отоцавшего человека и это

Г. И. ГОРБАЧЕВ,
заместитель начальника отдела
продовольственно-фуражного
снабжения фронта

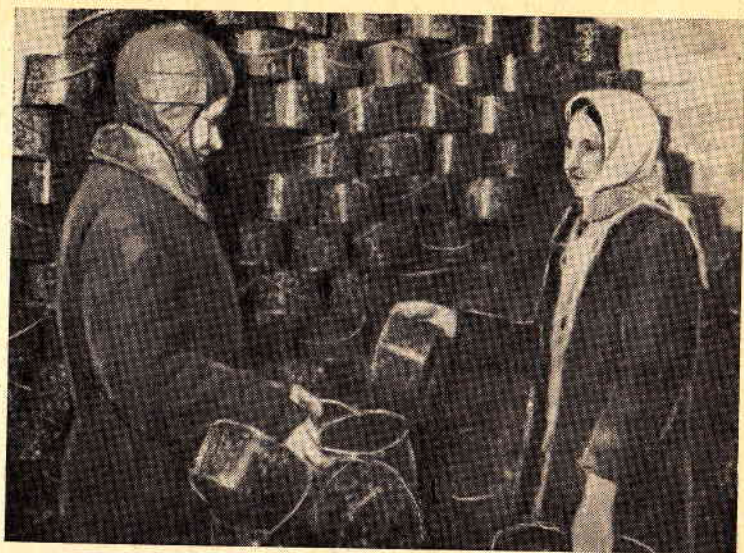
А. И. МОЗГОВОЙ,
начальник службы
продовольственного
снабжения полка

Отгрузка продовольствия Ленинграду. 1942 год

расстояние кажется большим. Но стонать не приходится. Сейчас всем трудно.

Бойцов разрешил мне изредка забегать на Загородный к сестре. У нее трое детей. Последний в самом начале войны родился. Поддерживаю их капустными листьями и кочерыгами. А однажды притащил громадный самовар. Сестра говорит, что им теперь по очереди весь дом пользуется. Все встречают меня едва не как Христа-спасителя. Я им рассказал, что самовар мне специально для них вручили наши солдаты».

**Одна из артелей, ежедневно выпускавшая 10 тысяч
никелированных котелков для бойцов Красной Армии.
Октябрь 1941 года**

Заготовка сена для войск фронта

Любопытная деталь. Как возвращаюсь бывало в часть, ребята допытываются, что и как там, в городе. Городские же жители расспрашивают все о солдатах. И в первую очередь о том, есть ли у наших винтовки и патроны, хватает ли еды. Забежал как-то к своему старому профессору домой. Жена его еще двигается, а он почти не встает с постели. Говорит, что простыл маленько, а вижу ведь, что все от голода. И вот эти люди не захотели взять сухарь от меня, мол, брать у защитников города еду — грех. И все те же вопросы: как держатся наши на передовой, чем и вдоволь ли их кормят.

До войны часто приходилось слышать выражение о том, что народ и армия у нас едины. Но эти слова как-то и оставались словами, не задевающими чувства и мысли. И только теперь раскрывалось все их значение.

Однажды лейтенант Бойцов чем-то отравился. Катается по полу землянки от боли и уже синий весь. Хватаю котелок и бегу в соседний поселок. Надежды на то, что достану молоко, никакой, однако бегу. Встречная старушка (а может, и не старушка, голод всех согнул, наделил морщинами — старых и молодых) сказала, что у ее соседки есть корова, но молока она дает мало, а детей куча. Мол, не обессудь, если не даст. Но соседка налила почти котелок молока. И еще причитала что-то всполношенно по поводу лейтенанта.

«Вчера, возвращаясь из штаба дивизии, наткнулся на дороге на лежавшего в колдобине человека. Думал, замерз уже, но потрогал грудь под рубашкой — теплая. Хотел поднять, не становится на ноги — без сознания. Видно, от голода. Пришлось тащить на спине. Раз десять падали. Дотащил. Вызвали докторшу, привела парня в себя. Оказался шофером из соседней части. Добирается голод и до окопников. Однако стоят наши, отбивают атаки фрицев, даже сами иногда пошумливают, ходят врукопашную».

«Носил термос с чаем на позиции. Попал в переплет. Может, и не по мне били немцы, но минами швырялись щедро. И страшно было, и гордость брала: однако не последний винтик я в этой войне, если столько вражеских солдат охотятся за мной».

«Под Новый год нам прибавили паек. Доходят слухи о делах на Ладого. Значит, окружения-то нет? Значит, врут фашисты в своих листовках?»

«Наши придерживаются тактики активной обороны. На днях всех солдат нашего второго эшелона снабдили

винтовками и бросили в атаку, а утром мы их вытаскивали с ничейной полосы. Ни одного живого. Легко- и тяжело раненные просто замерзли на снегу. 52 трупа. Я должен был бы быть 53-м. В этот день бегал по своим курьерским делам, это и спасло меня».

«Что-то мне поразительно везет. Вчера почти всю ночь просидел у Василия в его сарайчике-конуре, стоящем рядом с «вошебойкой». Он пустовал, но Василий подремонтировал его и теперь вдвоем со своим помощником живет в нем. Пока товарищ занимался дезинсекционными делами (вываривал насекомых), мы сидели с Василием в домике. Потом я ушел, а через пять минут снаряд прошел переднюю и заднюю стенки, пронесся над кроватью, где я только что сидел, и разорвался за домом. Василия контузило, его увезли в госпиталь».

«Случайно встретил в штабе дивизии Павла Григорьевича Агафоновичева. Он командует военторгом, мне обрадовался, зачем-то велел через неделю прийти в штаб тыла фронта на улицу Толмачева. Его туда назначили начальником продовольственного отдела».

Я уже говорил, что с Павлом мы в середине двадцатых годов вместе учились в торговом техникуме. Дружили. Потом, когда я поехал в Казахстан, он остался по распределению в Ленинграде. Вырос до большого начальника, с ним считался и часто советовался С. М. Киров. А после гибели Кирова Агафоновичева отторгли от всех дел. Павел сник. Опала продолжалась до начала войны. А вот сейчас, когда потребовались опытные, хорошо знающие свое дело, а главное, честные люди, о нем снова вспомнили.

Через неделю, как и договорились, я пришел к Агафоновичеву. Он предложил стать писарем у него в отделе. Бойцов сопротивлялся, но из штаба тыла пришла бумага, и он отпустил меня.

Кроме меня в отделе было еще трое. Но капитаны Стельмах и Будилов все время бывали в командировках, поэтому практически за столами мы были двое: я и лейтенант Михаил Петрович Мочалов. О нем у меня записано так:

«До войны работал в горфинотделе, от природы бухгалтер. Очень добросовестен, усидчив до невероятности. Может сутками не вставать из-за стола, тем более, что объем работ требует этого. У Мочалова недавно от голода умерла жена. Его на всю жизнь поразили ее похороны. Он видел, как его жену и десятки других трупов

свалили в одну громадную яму, вырытую саперами взрывом головных шашек. Мне Михаил Петрович сказал при знакомстве, что я зря пришел сюда. Здесь, мол, в десятки раз опасней, чем на передовой. Я ничего не понял из этого разговора».

Пришел я в отдел в начале марта 1942 года, работа мне показалась несложной. Надо было подготовить точную сводку о наличии продовольствия в войсках. Доклады шли из армий, корпусов, складов по тридцати двум показателям. Точность требовалась до одной десятой сутодачи. Данные передавались шифром. Я должен был расшифровать их и разнести по графам в абсолютных цифрах. Утром, к 8 часам, сводка должна была лежать на столе Агафоновичева. Он проверял ее и докладывал начальнику тыла.

На составление этого документа, известного под названием Ф-61, уходила вся ночь. Вначале шли телефонные звонки, затем расшифровка, разноска по соответствующим графам. Труднее всего был прием данных. И вот почему. Мои корреспонденты в войсках по разным причинам часто ошибались. В первом разговоре не могу определить ошибку, пока не расшифрую. Абсолютные цифры сравниваю со вчерашними и вижу нестыковку. Снова звоню, требую уточнений.

В конце недели такую же сводку я составлял и зашифровывал для Москвы, точнее, для начальника Генерального штаба. Говорили, что ею часто интересовался И. В. Сталин. Можно представить, с какой самоотдачей работали все мы над этим документом.

«Заболел Агафоновичев. Его увезли ночью в госпиталь во Всеволожск. А через неделю полковник Васильев велел мне навестить Павла Григорьевича, добавив, что так хочет сам Агафоновичев. Уже по одному взгляду на старого друга я понял, что дела у него плохи. Он был весь какой-то всклокоченный, все время спрашивал, как дела со сводками, ему казалось, что мы уже все запутали. Он должен немедленно ехать в отдел и разобраться во всем. Он требовал у медперсонала свою одежду, потом приказал поставить в палате еще одну кровать — для меня. И я переночевал с ним одну ночь. Но рано утром он разнервничался из-за того, что я не принял сводку, и велел уезжать».

Через неделю Павел Григорьевич умер. Врач объяснил мне, что он из-за большого переутомления впал в

тяжелое душевное расстройство, спасти его при всем желании было нельзя. На похоронах Мочалов сказал, что такая же участь ждет всех нас. И действительно, он сам погиб от переутомления. Я тоже был на последней грани.

А началось все с одной стрессовой, как теперь говорят, ситуации. Я чудом не оказался под обломками здания столовой, куда попала бомба. И видно, это было толчком к срыву.

Проявлялось все своеобразно. Я вдруг заметил, что могу держать в памяти весь шифр, что позволяло мне, слушая передаваемые мне данные из войск, тут же в уме переводить их в абсолютные цифры, которые в уме же молниеносно сопоставлялись с данными предыдущих дней. Короткий расчет — и я вижу, есть ли или нет ошибки. Это здорово облегчало работу, и я начал совершенствовать свою систему. И мои корреспонденты в войсках, и наши телефонистки были удивлены моими расчетами в уме. Хвалили, завидовали. А Мочалов просил поделиться опытом. Только мой сосед по общежитию майор Фролов обратил внимание на то, что я не отдыхаю днем, как обычно отдыхал после ночных бдений.

— Я заметил, что вы не спите, — говорил он. — Это ненормально.

А мне приятно было манипулировать в уме цифрами, складывать, делить их. Хватился я, когда начались галлюцинации. Попытался заставить себя заснуть, ничего из этого не вышло. Медикаменты не помогали. Выручил все тот же майор Фролов. Он едва не силой заставил меня выпить стакан водки, которую до этого я никогда раньше не пил (кстати, и после не увлекался). И вот тут меня свалило. Кажется, около двух суток проспал.

Потом мне дали еще отпуск на Урал к семье. Это меня и подняло. И вовремя, так как после снятия блокады началось слияние двух фронтов — Ленинградского и Волховского. Вот когда пришлось работать на полнейшем пределе. Я устоял, а Мочалов не выдержал.

После его смерти я сделал такую запись:

«Вот смерть, медленная, мучительная, в десятки раз более страшная, чем от пули, но после войны в первую голову будут чтить память погибших на поле брани, а о нас могут даже и не вспомнить. Умер и умер. Это же, мол, естественно для любого смертного. Обидно немного».

Правда, тогда же вскоре меня успокоило одно обстоятельство. В дневнике оно описано коротко:

«Вчера на одном из совещаний командующий войсками фронта генерал Л. А. Говоров спросил присутствующих, кто скажет ему точную цифру наличия личного состава на сегодняшний день. Никто не мог этого сделать. Тогда поднялся заместитель начальника Управления продовольственного снабжения фронта полковник В. А. Васильев и назвал цифры с точностью до одного солдата. «Откуда у вас такие сведения?» — удивился командующий. Васильев ответил, что в управлении есть два человека, два лейтенанта, которые в любой момент дня и ночи могут точно сказать, сколько людей воюет на Ленинградском фронте. Больше того, им известно о любом передвижении войск. Они задолго до начала операций знают, где они начнутся, откуда будет нанесен главный удар. Всех сидящих на совещании удивило это сообщение. Генерал Л. А. Говоров сказал, что эти лейтенанты должны охраняться сильнее, чем любой член Военного совета, чем сам командующий. Полковник Васильев ответил, что так и делается...»

Речь шла о лейтенанте Михаиле Петровиче Мочалове и обо мне. Это на всю жизнь сняло с моей души всякие сомнения о моем вкладе в борьбу с ненавистным врагом. Писарь... Просто писарь. Ну а если посмотреть на эту маленькую должность с высоты большого счета?

ЗаклЮчить свой бесхитростный рассказ я хочу вот такой записью из того же маленького блокнота:

«На днях был у жены Павла Григорьевича Агафончева. А несколько раньше побывал на могиле своего друга. Там лежали цветы, судя по всему, положенные группой людей. Вот уж поистине «Никто не забыт, ничто не забыто».

**Полковник в отставке
В. С. БРЕХОВ,
бывший начальник отдела
интендантского управления
Ленинградского фронта**

ПО ЗАДАНИЮ СМОЛЬНОГО

Еще до блокады Ленинграда в Интендантском управлении фронта возникла проблема: как поступить с теплым солдатским обмундированием? Оставлять его в том месте, где оно всегда хранилось, было нельзя. Немцы усиливают авиационные налеты на город и не сегодня, так завтра сожгут хранилища 161-го окружного склада, как, собственно, случилось с продовольственными Бадаевскими складами.

Было два мнения: рассредоточить обмундирование по подземным помещениям или вывезти его в глубь страны. Наш отдел вещевого снабжения придерживался первого варианта, а представитель Главного интендантского управления из Москвы настаивал на втором. Его довод был прост. Война вот-вот закончится, и конечно же нашей победой, зачем, мол, в таком случае рисковать народным добром, которое легко можно спасти...

Но начался уже октябрь, война не заканчивалась, а наоборот, все больше разгоралась. Было ясно, что воевать и зимой придется, а бойцов одевать не во что. Начальник отдела вещевого снабжения своей тревогой поделился с начальником тыла фронта генералом Ф. Н. Лагуновым, затем поставил вопрос и перед членом Военного совета по тылу Н. В. Соловьевым. А дня через три-четыре начальника отдела интенданта 1-го ранга С. Н. Перетерского и меня вызвал к себе Лагунов.

Без лишних слов генерал сообщил, что мне поручается сразу же после подготовки заявки — на что уйдет (должно уйти) не более трех суток — немедленно выехать в Москву к заместителю наркома обороны, начальнику тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву.

Точно через три дня я снова стоял перед Лагуновым. Все такой же быстрый, деятельный (хотя, как мы хорошо знали, он в сутки спал не более трех-четырёх часов и то, как правило, в машине, когда куда-нибудь едет), он с обычным для него напором объяснял мне всю важность моей поездки.

— Это не я вас посылаю, это Смольный поручает вам ответственное задание, — говорил он, делая ударение на слове «Смольный», как на важнейшем доказательстве важности доверенного мне дела.

Интересно, что этот небольшой психологический прием срабатывал. В моем сознании, сознании человека, прошедшего гражданскую войну, сам собой перекидывался мостик между нынешним и тем, теперь уже далеким, временем, когда Смольный был и мозгом, и сердцем революции и гражданской войны. И сейчас история как бы повторялась. Для ленинградцев, для всех защитников Ленинграда Смольный вновь обрел свое высокое значение мозгового центра, главного штаба жесточайшей борьбы за город на Неве.

Под крышей Смольного практически сосредоточилась вся партийная, советская и военная власть: областной и городской комитеты партии, областной и городской исполнительные комитеты Советов рабочих и крестьянских депутатов, Военный совет, штаб Ленфронта. Отсюда выходили все постановления, приказы, распоряжения, призывы, обращения. Не было любого более или менее значимого вопроса, касающегося жизни, быта населения, боевых действий, обеспечения всем необходимым блокадного Ленинграда и его защитников, который не обсуждался бы в Смольном и не находил своего разрешения. И замысел очередных крупных боевых операций, и, скажем, решение об уборке улиц и дворов, и указания о создании ледовой трассы через Ладогу, и распоряжение об эвакуации самолетами малолетних сирот — все это и многое другое исходило из Смольного.

Голос Смольного был очень авторитетным среди ленинградцев и в войсках. Его ловили, к нему прислушивались. Тем более, что мы все хорошо знали связь этого голоса с Москвой, партией, правительством, Ставкой Верховного Главнокомандующего, Комитетом государствен-

ной обороны. И если говорилось, что то или иное указание исходит из Смольного, авторитет этого указания был непререкаемым.

После всего сказанного легко понять мое состояние, когда генерал Лагунов подчеркнул, что порученное мне задание определено в Смольном. Тут, как говорится, — выполнить или умереть. Третьего просто не могло быть.

— Я надеюсь на вас, товарищ Брехов, — сказал начальник тыла, вручая мне проездные документы. — Дозволиться ко мне вам вряд ли удастся, поэтому действуйте во всех случаях на свой страх и риск... Кстати, вам надо торопиться. Сегодня в двадцать ноль-ноль от Осиновца отходит канонерка «Орел». Итак, всего доброго...

Остаток дня пролетел в отдельских хлопотах. Сослуживцы и завидовали мне — побываю в Москве, и переживали за меня — задание далеко не из простых. Тут, как говорится, — или грудь в крестах, или голова в кустах. Несли кипы писем, записок с номерами телефонов, просто просили от имени ленинградцев поклониться Москве, все посмотреть, во все вникнуть, чтобы потом поделиться впечатлениями.

До Осиновца ехал на отдельской «эмке». Шофер И. П. Петров был опытным водителем, до Всеволожска он докатил меня без всяких происшествий, но в самом поселке спустили сразу два колеса. Пока Петров возился с ними, я прошелся по улицам, заглянул к строителям, готовящим многие дачи для зимнего пользования ими. Сюда, как мне сказал генерал Лагунов, в ближайшее время должен был передислоцироваться второй эшелон фронта, то есть все наши тыловые отделы и учреждения.

На одной из улиц обратил внимание на скопление множества конных повозок. Что это за обоз? Оказалось, что повозки принадлежат беженцам из Псковской и Новгородской областей. Одни из них намереваются остаться во Всеволожске, другие готовятся переправиться через Ладугу. Шум, гвалт над повозками стоял невероятный. Мычали непоенные коровы, визжали в ящиках поросята, квохтали недовольные неволей куры, шумели дети, переругивались женщины, раздавались голоса стихийно выдвинутых руководителей этого табора.

Я представил, что тут будет, налети на Всеволожск немецкие самолеты, и, разыскав больше всех шумевшего мужчину, велел принять меры для рассредоточения повозок и маскировки их.

От Всеволожска дорога шла в основном по лесу. Она тоже была забита беженцами, спешащими к Ладуге.

В порту Осиновец я отпустил Петрова в Ленинград и направился к коменданту. Он сообщил, что «Орел» отходит с третьего пирса в 21 час. Канонерка будет буксировать баржу с заводским оборудованием.

— Как вам нравится наш порт? — поинтересовался комендант.

— Картина ошеломляющая, — сказал я, действительно пораженный размахом работ, какие тут велись. Буквально на голом месте в кратчайшие сроки выросли и уже всю действовали причалы, к которым прокладывалась железнодорожная нитка.

— Если бы еще не частые налеты самолетов, — жаловался комендант. — Два дня назад разрушили одно хранилище для продовольствия. Правда — пойдите посмотрите — оно уже снова стоит целенькое. Строители прямо под бомбежкой работают...

Меня на канонерке устроили в кают-компании, угостили горячим чаем. Перед отходом я вышел на палубу. От воды веяло осенней сыростью, тихо плескались о борт судна серые волны.

Ничто не предвещало плохой погоды, однако вскоре разыгрался сильный шторм. Моряки знали коварный характер Ладоги в это время года и были готовы ко всему. Больше всего их беспокоили люди на барже. Это были мирные граждане, эвакуировавшиеся из Ленинграда. На моих глазах громадная волна, окатившая баржу, смыла несколько человек за борт. С канонерки им бросили спасательные круги, а затем спустили и лодку с матросами.

Не успели оправиться от одной беды, как подоспела другая — оборвался буксировочный трос. Неуправляемая баржа заплесала, как щепка, на громадных волнах, рыская носом то в одну, то в другую сторону. Группа матросов, вышедшая к барже на моторной лодке, больше часа билась с разъяренной стихией, однако победила.

Несмотря на низкую облачность, над нами несколько раз появлялись вражеские бомбардировщики. Прицельно бросить бомбы им не давали зенитчики, бывшие по врагу с корабля и баржи.

В одном месте повстречали караван из трех барж, видно, груженных хлебом.

Утром мы застопорили ход на рейде в двух-трех километрах от пристани Новая Ладога. Шторм быстро стихал, и вот уже к нам спешит моторный паром. Первым рейсом были отправлены люди, спешащие по служебным делам. И вот я сижу в просторном штабе перевалочной базы у генерала А. И. Шилова. Самого начальника пере-

возок нет на месте, он уехал на перевалочную базу. Его адъютант техник-интендант 2-го ранга Чихачев, угощая чаем, рассказывает о делах на базе.

С Шиловым я был знаком с 1938 года, когда он возглавлял отдел военно-хозяйственного снабжения стрелкового корпуса, в который входила 24-я Самаро-Ульяновская Бердичевская Железная стрелковая дивизия. Я тогда был заместителем командира 7-го полка по снабжению. Наш полк входил в эту дивизию. Шилов был опытным хозяйственником, великолепным организатором, требовательным к себе и подчиненным.

В штаб он вошел, как всегда, быстрый, стремительный. Мне искренне обрадовался, стал расспрашивать о делах в Ленинграде, потом повел по некоторым объектам перевалочной базы. Работы тут были еще в начальной стадии. Сама пристань была непригодной для производства больших погрузо-разгрузочных работ, не было закрытых помещений для хранения продовольственных запасов. Мука, сухари, сахар и другие товары лежали в штабелях под открытым небом.

Побывали мы и на аэродроме, откуда самолеты возили продукты в Ленинград. Обратными рейсами они вывозили малолетних детей и женщин.

На другой день, получив сухой паек на трое суток, я отправился на станцию Волховстрой. Здесь все бурлило. Не успела 32-я Дальневосточная стрелковая дивизия, прибывшая для пополнения сил 54-й армии, выгрузиться, как поступил приказ снова загрузиться в вагоны и спешно следовать под Москву, где складывалась трудная обстановка.

Приятно удивляло приподнятое, боевое настроение сибиряков. С ними я благополучно добрался до Вологды. Здесь разыскал наш эвакуированный из Ленинграда 161-й вещевой склад, познакомился с его работой на новом месте, распорядился подготовить и отправить в Ленинград 3 тысячи пар валенок, 50 утепленных госпитальных палаток, партию походных кухонь, большое количество конской упряжи и некоторого другого имущества. Сам же проследил отправку и в ночь на 13 октября поездом выехал в Москву.

Столица была неузнаваемой. Она тоже жила войной, готовилась к боям. Во взглядах встречных прохожих угадывалась глубокая тревога. Вокзалы были заполнены красноармейцами и ходили на пересыльные пункты.

С вокзала я сразу направился в Центральное управление вещевого снабжения Красной Армии. Его началь-

ник дивизионный интендант Кутузов с пониманием отнесся к нашей заявке. Вызвав начальника 1-го отдела, он велел проверить правильность нашей сводной ведомости. Ошибок не оказалось, и Кутузов подписал заявку и приказал адъютанту проводить меня к главному интенданту Красной Армии генерал-майору Давыдову. Он тоже принял меня радушно. Завизировав заявку, генерал сказал, что он сейчас едет к начальнику тыла Красной Армии генерал-лейтенанту Хрулеву и может взять меня с собой.

Управление тыла располагалось на улице Горького. Генерал Давыдов сам доложил о моем прибытии, а затем, выйдя из кабинета генерала Хрулева, велел мне подождать. Сколько это ожидание продлится, он, генерал Давыдов, не знает, вполне вероятно, что мне придется просидеть и всю ночь.

Как мне объяснили в приемной, по решению Государственного комитета обороны из Москвы срочно эвакуируется часть правительственных и других учреждений, в том числе и некоторые подразделения Наркомата обороны. Хрулев как раз этим и занимался.

Вызвали меня в начале восьмого часа утра. Генерал Хрулев с улыбкой вышел навстречу.

Мне еще раньше бросилось в глаза приветливое отношение москвичей ко мне как к ленинградцу. И с кем бы я ни встретился, обязательно начинались расспросы о нашей жизни, о боевых делах на Ленинградском фронте. Всех удивляла и восхищала стойкость ленинградцев, защитников города. И все искренне проявляли готовность как-то помочь нам, чем-то поддержать. И я, честно говоря, нисколько не сомневался, что наша заявка будет удовлетворена. И вдруг — срыв.

Как и другие товарищи, с кем довелось встретиться, Хрулев прежде всего расспросил все о Ленинграде и уже потом спросил о цели моего визита.

— 350 тысяч комплектов зимнего обмундирования? — переспросил он названную мною цифру, медленно прохаживаясь по кабинету. Вид у него был утомленный. Чувствовалось, что он уже давно недосыпает.

— 350 тысяч,— повторил в раздумье генерал и, поглядев с минуту на нашу ведомость, которая раскрытая сейчас лежала у него на столе, неожиданно сказал:

— Теплое обмундирование для вашего фронта отпустить не могу.

Меня словно ударили чем-то тяжелым, не знаю, как удержался на ногах.

Хрулев, видно, заметил мое состояние и поспешил обосновать свое решение. Доводы его были просты и очень убедительны. При том положении, в каком находится в данный момент Ленинград, главной заботой должна стать доставка в город продовольствия. А зимнее обмундирование... Что ж, оно тоже нужно: зима не за горами, но не легче ли будет изыскать возможности для пошива обмундирования на месте? Ведь в Ленинграде, как известно, богатая местная промышленность...

Я слушал и не верил своим ушам. Живо представил себя стоящим перед генералом Лагуновым. Вот тебе и «Есть, все будет выполнено!»

Мысль о Лагунове придала мне силы и дерзости. Я напомнил начальнику тыла армии случай, какой произошел в нашем 56-м стрелковом корпусе во время войны с Финляндией. Тогда из-за своей нерасторопности в обеспечении личного состава зимней одеждой мы едва не вывели корпус из строя.

Находившийся в кабинете комиссар Управления тыла Красной Армии дивизионный комиссар Баюков неожиданно поддержал меня. Он тоже знал о том случае, о каком я рассказывал.

Генерал Хрулев внимательно выслушал нас обоих, однако решения своего не изменил. Он не мог и не хотел себе представить, что вместо продовольствия для умирающих от голода ленинградцев по Ладоге пойдут транспорты с одеждой.

Я несколько раз принимался доказывать свою правоту, а под конец даже сказал, что не могу вернуться домой без ничего, меня, мол, по законам военного времени за невыполнение задания привлекут к строжайшей ответственности.

Теперь-то я хорошо понимаю генерала Хрулева, его масштабный подход к проблеме. Он лучше многих знал возможности промышленности Ленинграда, трудности, какие существуют в переброске грузов в осажденный город, и во множестве вариантов решения он уловил наиболее правильный и настаивал на нем. Но и мои доводы он учитывал и в конце концов пошел на компромисс. Он велел немедленно отправиться к начальнику Управления вещевого снабжения Кутузову и связаться телеграммой со Смольным. Если командование Ленинградского фронта по-прежнему считает, что зимнее обмундирование необходимо, как и хлеб, оно будет отпущено.

Не помню, как я добрался до 2-го дома НКЮ, где располагалось управление. Помню только людей, в па-

нике спешащих по улицам. Оказывается, провокаторы пустили слух, будто противник прорвал линию обороны под Москвой и через несколько часов его танки будут на улицах города. Никогда не доводилось видеть подобное столпотворение. Машины, подводы, трамваи были обвешаны гроздьями людей. Все попытки властей и милиционеров образумить толпу ни к чему не приводили.

Я с трудом добрался до управления и под звуки сигнала воздушной тревоги вбежал в здание. Но что это? В коридорах и на лестницах валяются обрывки бумаги, комнаты пусты, повсюду гуляют сквозняки. Без всякой надежды, растерянный, я все же двигался к приемной Кутузова. Вошел и вдруг увидел его адъютанта.

— Начальник управления здесь?

— Здесь.

— Доложите, пожалуйста, обо мне.

Через минуту я разговаривал с Кутузовым. Вместе мы составили телеграмму, и я ушел в гостиницу ждать ответа.

Ночью разбудил гул орудий. Это неподалеку били крупнокалиберные зенитки, здание гостиницы подрагивало как при землетрясении. «Неужели Москва не устоит?» С этой минуты уже было не до сна. Думалось о Ленинграде, о том, что он должен держаться изо всех сил. Без победы на нашем фронте Гитлер не сможет взять Москву. Да, а как нам держаться? Ни продуктов, ни боеприпасов, ни горючего в нужных размерах нет, а тут еще и с теплым обмундированием осечка выходит...

Утром чуть свет направился на Комсомольскую площадь выяснить насчет поезда в Вологду. На улицах и площадях царил, как и вчера, неразбериха. Народ валом валил к вокзалам. Привокзальное пространство было сплошь завалено домашним скарбом, только узкие тропинки кое-где были оставлены.

На Северном вокзале выяснил, что мой поезд будет только завтра в 17 часов. Забронировав место у коменданта, пошел в управление. Ответа на мою телеграмму не было. Что делать? Кутузов предложил подождать до 14 часов завтрашнего дня, а затем, независимо от исхода дела, выехать в Ленинград. «Если будет телеграмма, мы сразу же начнем отгрузку в ваш адрес теплого обмундирования», — сказал он.

Ночью снова били зенитки, слышен был гул моторов, где-то на окраине Москвы рвались бомбы. Днем дважды бегал к Кутузову. Телеграмма так и не пришла. Уезжал из Москвы с тяжелым настроением.

В Вологде узнал, что сформировано Управление тыла Северо-Западного направления, которое включало в себя и обслуживание Ленинградского фронта. Среди офицеров, пришедших в отделы этого управления, оказалось много знакомых или по старой службе, или по учебе в академии. От них я узнал, что наша заявка на 350 тысяч комплектов теплого обмундирования, то есть на все, что мы просили, Москвой утверждена. Больше того, шесть эшелонов уже отгружены и находятся в пути к нам.

Вначале я даже не поверил в такую удачу. Но меня убедили документами. А кроме того, уже вскоре стали поступать транспорты с одеждой. Я принимал их и руководил разгрузкой и последующей отправкой обмундирования на машинах по тем адресам, какие мне передали из штаба нашего тыла. Потом некоторое время по просьбе генерала А. И. Шилова занимался переброской грузов самолетами. Это было очень трудное и ответственное дело, требовавшее исключительной четкости, оперативности. Мне порой сутками не удавалось отдохнуть, но настроение все время было приподнятое — задание Смольного было выполнено!

Полковник в отставке
В. И. БЕЛОЗЕРОВ,
бывший начальник
ремонтного отделения
интендантского управления

В ТЕСНОМ КОНТАКТЕ

В первый же день начала войны наш 452-й мотострелковый полк, стоявший в Ораниенбауме, был брошен к советско-финской границе в район Элисенваары. С ходу вступив в бой, отжали противника к границе и даже начали было наступать дальше, как неожиданно поступил приказ срочно выйти на восточный берег Ладожского озера. Там финский батальон прорвал нашу оборону, захватил два города и продолжает наступать в направлении Лодейного Поля.

— Ну, зампохоз, теперь успевай только поворачиваться, — сказал мне командир полка.

Я заверил майора, что все будет в порядке. Места еще по финской кампании мне хорошо знакомы, да и тактику финскую я хорошо знал.

Часть имущества мы отправили эшелоном и оставили его в Лодейном Поле, а высвободившиеся машины загрузили продовольствием и боеприпасами и направили их к большому селу Салми, на окраине которого уже кипел бой. Тут у нас с командиром полка произошла небольшая размолвка. Он все время требовал, чтобы второй эшелон держался от первого не ближе 15—18 километров, однако я считал такую дистанцию, узаконенную уставами, совершенно ошибочной и следовал впритык к стрелковым подразделениям.

— Будут бить по нам, а перебьют вас,— кричал на меня командир.

— В отрыве нас быстрее перещелкают,— настаивал я на своем. — Финны любят тактику мелких групп...

Бой, не прекращаясь, длился день, ночь и с еще большей силой разгорелся утром. Выяснилось, что перед нами не батальон, а полнокровная и хорошо обученная дивизия. Противник пытался отсечь нас к Ладожскому озеру.

Наши люди вторые сутки ничего не ели и не пили. Некогда было. Да и не хотелось. Вот чай на КП не помешал бы. Я пытался дозвониться до второго эшелона, но телефон не работал. Решил сходить сам. И в метрах двухстах перед тылом нарвался на финских самокатчиков. При поддержке двух броневиков они мелкими группами просачивались в тыл нашей обороны и, видно, неожиданно для себя наткнулись на хоззвод с его кухнями, палатками, повозками, который (благо, что заранее были открыты ячейки) занял круговую оборону. А тут и я подоспел с тремя красноармейцами. Да у нас еще и ручной пулемет был. Мы ударили по самокатчикам с фланга.

Перевес был на нашей стороне, тем более что посланный мною связной на КП полка минут через двадцать привел ползвода разведки. Отходя, финские броневики обстреляли нас из пушек. Один снаряд разорвался рядом со мною. Два красноармейца были убиты, а меня контузило и ранило в ногу. В полусознательном состоянии меня доставили на КП, а оттуда на санитарной машине отправили в Лодейное Поле и в Ленинград.

На прощание командир полка признал правильной мою тактику «тесного контакта» первого и второго эшелонов. И просил быстрее возвращаться в полк. Начальник штаба предложил сделать меня комбатом, но командир сказал, что для него хороший зампоход в бою лучше, чем два хороших комбата. Шутка, конечно, но доля истины (и большая) в ней есть...

Снова попасть в свой полк после излечения не удалось, хотя, видит бог, я очень старался. На пересыльных пунктах такую часть и не знают, и знать не хотят. Командант города, к которому я пришел, при всем его уважении к моему костылику как к свидетельству моего участия в боях и, конечно же, героизму, ничем помочь мне не мог. По его данным, наш полк еще стоит в районе Элисенваары, откуда мы две недели назад передислоцировались.

— А не лучше ли вам, как тыловому работнику, обратиться в штаб тыла фронта? — вдруг предложил комендант.

В тот же день я был на улице Толмачева. Первый, кого случайно встретил в коридоре, был хорошо знакомый мне работник вещевого отдела полковник В. С. Брехов. Это был один из авторитетнейших людей в нашем интендантском управлении. Прошедший три войны, досконально знавший хозяйственное дело, он и как человек, товарищ и начальник пользовался большим уважением и в управлении, и в войсках.

Заведя меня к себе в кабинет, он стал подробнейшим образом расспрашивать о боях, о плюсах и минусах в работе тыловых подразделений. Я, разумеется, рассказал ему, как за полгода до начала войны не мог полностью экипировать личный состав полка, как нам на складах либо совсем не выдавали нужного имущества, либо выдавали одежду не тех ростов, какие мы просили. Переодевать и переобувать людей мы вынуждены были прямо на марше в районе боевых действий. Неважно в полковых тылах обстоит дело с транспортом. То есть мало машин. Новые двух- и трехкотельные кухни, какие изготавливает завод Егорова, мы вынуждены бросить на дорогах и заменить их старыми походными кухнями, раздобытыми в гарнизонах на задворках.

Выслушав меня, полковник Брехов предложил остаться работать у него в отделе.

— Нам сейчас как раз такие, как вы, нужны люди, то есть знающие дело наше не по бумажкам всяким, — убеждал он меня. — Ведь у нас есть интенданты, которые с 1918 года ни разу не бывали в войсках.

Я согласился, так как рана еще только заживала и, судя по всему, прихрамывать придется очень долго. Рассчитывал подлечиться, окрепнуть и тогда снова уйти в полк, на более живую и интересную работу. Но не тут-то было. Работа в отделе так затянула, что уже ни о чем другом и помышлять не приходилось.

В начале осени мы вплотную были заняты приемкой и распределением по частям теплого обмундирования, какое в большом количестве прислала нам Москва. Надежды на такую щедрость у нас большой не было — главное было обеспечить Ленинград продовольствием, боеприпасами, горючим, а тепкое обмундирование, рассуждали в Управлении тыла Красной Армии, Ленинград может своими силами пошить. И мы шили. Вещевики, как проклятые, носились по всему городу, распределяя

Н. П. ДОМБРОВСКИЙ проверяет качество ремонта теплых вещей.
Осень 1941 года

М. Г. СИДОРОВ,
помощник
начальника отделения
отдела обочно-вещевого
снабжения фронта

Я. М. МИЛЯВСКИЙ,
старший писарь
вещевой службы
хозяйственного отдела
штаба фронта

А. В. ПИМЕНОВ,
начальник вещевой службы
дивизии

заказы по различным пошивочным фабрикам, мастерским.

Много времени отнимал и сбор теплых вещей у населения.

Я уже было втянулся в эту работу, как неожиданно меня вызвал начальник тыла фронта генерал Ф. Н. Лагунов и предложил принять под начало ремонтное отделение. Дело это было новое, так как на других фронтах обычно обмундирование не ремонтируют, а отправляют в тыл. Но наш Ленинградский фронт действовал в необычных условиях. Нам надеяться не на кого было. Не будешь же посылать колонны машин не с эвакуируемыми людьми, а с грязными шинелями и рваными гимнастерками. Да и транспортировка отремонтированного обмундирования вместо хлеба и боеприпасов выглядела глупо. Вот и было создано ремонтное отделение.

Я было попытался отказаться, ссылаясь на плохое знание промышленности города. Но не таков был Лагунов, чтобы отступить от намеченного. Он сказал, что приказ уже подписан и никто отменять его не будет. На прощание посоветовал ближе присмотреться к деловым качествам подчиненных. С хорошими установить деловой контакт, а плохих «гнать поганой метлой».

Я не случайно останавливаю внимание на этой вроде пустяковой детали. Нет ничего хуже, поверьте человеку, прошедшему три войны, имеющему за плечами более сорока лет службы в армии, нет ничего хуже, повторяю, чем некомпетентность или недобросовестность хоть одного человека в коллективе.

У меня оказалось всего четверо подчиненных. И все крайне разные. Капитан А. Пулов — очень знающий тыловик — сразу стал моим помощником. Капитан Аншелевич мало в чем уступал Пулову, но дело свое откровенно не любил, просил перевести куда-нибудь. Я отговаривать не стал. Еще был один капитан, недавний выпускник академии. Этот кроме умения стоять навытяжку и щелкать лихо каблуками ничего за душой не имел. Как-то звонит заведующая ремонтной мастерской Кировского театра и жалуется на нашего капитана. В качестве ремонтного материала он ей привез совершенно новые гимнастерки. С любителем щегольской выправки пришлось расстаться.

Еще хуже был четвертый сотрудник. В прошлом директор обувной фабрики, он целыми часами мог рассказывать о своих обширнейших связях с влиятельными людьми. Однажды он предложил мне выдать ему из ма-

Подшивка валенок. 1942 год

Обувная фабрика, директором которой был Бычков, досрочно выполнила сентябрьскую программу.
К. Н. КУРИЦИНА, вырабатывавшая по две нормы на сложной операции. 1941 год

стерской тридцать пар обуви, в обмен за которую мне, мол, будет выделена квартира в любой части Ленинграда. Этот тоже был немедленно отправлен в стрелковую часть, однако через полгода он явился к нам в командировку уже в качестве зампохода одного из московских военных училищ.

Вскоре после принятия мною отделения произошел случай, на всю жизнь запавший мне в память.

Зимой 1942 года Военный совет фронта решил пошить для госпиталей 400 тысяч комплектов постельного белья. Задачу эту возложили на ремонтное отделение. Нам выдали документ на получение 120 тысяч метров материала и установили жесткий срок исполнения задания.

Сразу встал вопрос: кто получит и развезет полотно по фабрикам? У нас в отделении нет ни рабочих рук, ни машин. Лагунов по этому вопросу не захотел и разговаривать со мной. Даже пригрозил за задержку санкциями военного времени.

И тут кто-то предложил все транспортные дела возложить на директоров фабрик.

Так и сделали. Мы пригласили директоров фабрик к себе, поставили задачу на пошив, а когда возник вопрос по поводу доставки материала на предприятия, я применил прием Лагунова. А утром меня вызвали к начальнику тыла, тот же велел срочно явиться в горком партии к Г. П. Гуторову. При этом ни слова, ни полслова о том, зачем моя персона потребовалась секретарю горкома партии.

В приемной было много народу, но меня провели в кабинет к Гуторову без очереди. Это была дань уважения ленинградцев к своим защитникам. Жаль, что эта хорошая традиция сейчас основательно потускнела, стала забываться, уходить в прошлое...

Хозяин кабинета с улыбкой поднялся мне навстречу.

— Заходите, заходите, пожалуйста,— говорил он при этом.— Любопытно посмотреть, кто теперь у нас командует ленинградской промышленностью.

Вот, оказывается, в чем дело! Кто-то из директоров фабрик пожаловался. Краснею до ушей и прошу прощения за оплошность. Но, с другой стороны, говорю Гавриилу Петровичу, что у меня другого выхода не было.

Выслушав мой рассказ, Гуторов посмеялся и даже похвалил за энергию и распорядительность. В общем-то, мол, так и надо. Без инициативы сейчас нельзя, но не-

плохо бы вначале все-таки в затруднительных случаях звонить или заходить к нему.

— И с нами, и с руководителями предприятий держите теснее контакт, тогда вам же легче будет,— посоветовал Гуторов на прощание.

И я широко пользовался этим советом. Звонил, ездил на приемы, часто, поручив кому-то заказ, сам ехал на фабрику или в мастерскую.

Помню свое первое посещение «Большевички». Тогда мы готовились к переходу на летнюю форму одежды. Требовались большие ремонтные работы. У себя мы составили план для пошивочных предприятий, но надо было посмотреть, что каждое из них представляет собой.

Директор фабрики, когда я сказал ему о своем намерении, несколько удивился, но затем одобрил его и повел в цех. То, что открылось взору, трудно передать словами. В цехе мороз стоял не меньший, чем на улице. Все было в инее. Он лежал на полу, подоконниках, машинках и, кажется, на одежде работниц. Все были закутаны так, что трудно было узнать кого-то в лицо. Электричества нет, и швеи, привязав к маховичкам палочки, крутят их вручную. Одна крутит, другая шьет. Многие рабочие места были пустыми. И без слов было ясно, почему они пусты.

К директору подошла одна из женщин. Пока она разговаривала со своим начальством, я с удивлением рассматривал ее полное лицо. Все — кожа и кости, а тут... И вдруг догадался: это же отечность, вызванная голодом!

Мы осмотрели все уголки цеха. Для нормальной его работы нужен был хотя бы небольшой ремонт. Слесарей у фабрики не было. Я пообещал как-то помочь в этом, что нашло самый живейший отклик у женщин. Сам собой возник митинг, на котором работницы взяли обязательство выполнить наш заказ.

— Хорошо, что вы сами к нам пришли,— сказал потом директор.— Вот такой контакт заказчика и исполнителя помогает лучше понять друг друга и вносит в работу живую струю.

Мне, действительно, удалось выбить у своего начальства бригаду слесарей. Как-то начальник тыла, расщедрившись, выделил для нужд химчисток и прачечных нужное количество бензина.

Очень тесный контакт у нас налачился и со многими другими предприятиями Ленинграда. В частности, с такими, как швейные фабрики имени Володарского, «Крас-

ный швейник», «Красная работница», «Первомайская», имени Комсомола, имени Самойловой, «Красный парус», «Рот-фронт», 1-я меховая и обувные «Скороход» и «Победа». Кроме того, хорошо контактировали мы и с двумя городскими химчистками, несколькими прачечными.

Была у нас в тылу своя ремонтная мастерская и было 7 прачечных. Люди там работали самоотверженно, однако основную тяжесть ремонтных работ несли городские предприятия.

Работа в основном была сезонная. Например, сразу по окончании морозов, когда войска переходят на летнюю форму одежды, начинается чистка, стирка, ремонт полушубков, валенок, шапок, ватных курток и брюк. Вот тут 1-я меховая фабрика и «Рот-фронт» переходят на двух- и даже трехсменный график. Такое же положение временами возникает и на «Володарке», ремонтировавшей шинели, и на «Красном швейнике» и на фабрике имени Комсомола, которые специализировались на гимнастерках и шароварах.

В первую зиму возникла трудность с изготовлением солдатских рукавиц. Централизованно их не присылали, а сами изготавливать их наши мастера не умели. Пробовали шить, но они не держались на руках в бою. Из частей стали приходиться рекламации.

Начальник тыла генерал Лагунов приехал в ремонтно-вещевую мастерскую.

— Почему так шьете? — спрашивает он.

Ему объясняют, что нет выкроек и технология не отработана. Генерал с минуту смотрел на технолога, потом встал, взял большой лист бумаги и, положив на нее свою кисть руки, обвел ее карандашом.

— Вот вам выкройка, — сказал он, смеясь. — Два пальца оставьте, а остальные обшейте, как в рукавике.

И смех и грех. А нам этот случай хорошо запомнился. Сколько мы иногда в своей работе ломаем голову, изобретая велосипед. Как часто усложняем проблемы, когда просто надо взять карандаш и сделать нужный эскиз. Творчество — это в значительной мере смелость мышления и действий.

В своей последующей практике я частенько пользовался «методом Лагунова».

Помню такой случай. Как-то из Москвы приходит телеграмма. Нам поручается собрать все образцы погон старой русской армии. Собрали. Получился целый мешок. С ним я и поехал в Главное интендантское управление Красной Армии. Когда показал там содержимое

мешка, начальник управления генерал-лейтенант П. А. Драчев удивился и сказал:

— Таковую идею высказал недавно Сталин. Он посоветовал не мудрить, а взять все наиболее подходящее, что было в погонах царской армии...

Это была моя вторая поездка в Москву в блокадный период. Первая была вызвана куда более худшими причинами.

Мы только-только закончили тогда ремонт одежды по плану 1941/42 года и сдали отчет. Работу выполнили громадную, а главное, в срок и качественно. И вдруг чувствую, что вокруг нашего отделения идут какие-то перешептывания. Кадровики поговаривают о вызове из Вологды майора Коптева, должность которого я временно занимаю. Выходит, я чем-то не угодил начальству. А чем?

Не раздумывая, иду прямо к генералу Лагунову. Он показывает мне бумагу, в которой наш фронт по ремонту обмундирования занимает 12-е место, то есть едва не последнее. Я опротестовываю такой вывод. Тогда генерал велит взять эту бумагу и лететь в Москву.

В тот же день я был в дороге.

Тогда я впервые познакомился с работой ледовой переправы через Ладогу. Обычно мы все, работники тыла, часто бывали в войсках, доходили и до передовых позиций, интересуясь тем, как люди одеты, в чем еще испытывают нужду, проверяли работу местных сапожных и пошивочных мастерских, заглядывали в сушилки, бани. Случалось бывать и у водителей, работавших на Дороге жизни, а проехаться по ней не доводилось. И вот теперь я увидел, в каких условиях работают шоферы, регулировщицы, ремонтные рабочие. Для себя сделал вывод — все лучшее обмундирование в первую очередь сюда...

В Москве выяснилась такая картина. Многие округа и фронты в графу «ремонт обмундирования» внесли все, что когда-то ремонтировалось раньше, и даже вписали новое обмундирование. То есть налицо были самые настоящие приписки. Бюрократия и на войне бюрократия.

После пересчетов выяснилось, что мы с 12-го места стремительно передвинулись на 1-е. В тот же день меня утвердили в моей должности и представили к ордену Красной Звезды.

Постоянный творческий поиск стал стилем работы отделения. Одно время большие трудности возникли с транспортом. Части везли обмундирование на склады, от туда его отправляли на ремонтные предприятия, а затем

снова на склады, откуда вывозили в части. Как сократить эти перевозки? Решили с больших фабрик имущество везти не на склад, а прямо в части. Находка не ахти какая, однако экономия и машин, и горючего, и рабочей силы была большая.

Ввели мы у себя и военную приемку, подобную той, что вводится теперь как государственная приемка. Натолкнуло на такую меру одно небольшое обстоятельство.

Как-то мне директор одной из фабрик доложил, что 1000 шинелей, какие мы завезли на днях на фабрику, почищены, отремонтированы и отправлены в часть. Я доложил об этом начальнику тыла, так как он почему-то был очень заинтересован в этих шинелях. И вдруг через день-два выясняется, что доклад этот — чистая липа. Заказ только-только доделывают.

По закону военного времени за такие вещи по головке не гладили, но мы понимали и руководство предприятий, те сложности, в каких приходится людям работать. Поэтому все обошлось обычным внушением, но для себя мы сделали вывод: доверяй, но и проверяй. Только как проверить десятки, сотни рабочих участков?

Вот тут и родилась мысль о военной приемке. Иду к начальнику управления легкой промышленности города С. Г. Веселову и прошу выделить в помощь нам 7—8 опытных в швейном деле женщин на приемку заказов, независимых от дирекции предприятия.

Надо заметить, мера оказалась и своевременной, и очень эффективной. Ничего плохого не могу сказать в адрес рабочих, инженеров, руководителей предприятий, все трудились добросовестно, однако не все зависело от них. Были еще и блокадные обстоятельства, был страшный голод, был холод, отсутствовали нормальные условия для работы. И естественно, у некоторых людей возникали желанья увеличить количество продукции за счет ее качества, пойти на компромисс с совестью, долгом. И наша военная приемка встала заслоном на пути всех этих и других нежелательных явлений.

Каждый вечер в отделение стекались акты о принятых партиях обмундирования, и мы теперь точно знали, где и как шли дела.

Уже после войны мне довелось встретиться с ветеранами из 452-го полка. Их удивляло, что я награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями. Мол, сидеть в тылу, заниматься ремонтом одежды и получить такие на-

грады — тут что-то не то. А как раз все «то». Как человек, прошедший три войны и в основном служивший на передовых позициях, я могу с полным правом судить, где легче, а где труднее. Так вот, люди, работавшие в период блокады в тыловых учреждениях (я не только себя и своих подчиненных имею в виду), несли нагрузку не менее тяжелую и не менее опасную для собственной жизни, чем бойцы переднего края.

Мне без малого девяносто лет. Думаю, что это довольно грустное для меня обстоятельство надежно защищает мои слова от всякого рода сомнений и критики. Впрочем, критика сама по себе не страшна. Она зачастую бывает полезна, даже для девяностолетних. Я и сам, вспоминая прошлое, действия сослуживцев, теперь, с высоты нынешнего времени, исполненного крутыми перестроечными поворотами во всех областях нашей жизни, на многое смотрю более требовательным взглядом. Хватало и у нас и бюрократии, и чрезмерного администрирования. Хотя любая война не может обходиться без командно-приказного метода, но это не значит, что она полностью исключает демократические начала, то есть повседневные советы с подчиненными. Сейчас я четко вижу причины своих прежних успехов и неудач в годы войны. Как правило, удавались именно те дела, которые решались не в одиночку, без волюнтаризма. Скажут, армия — это единоначалие. Верно. Но одно дело отдать приказ, требовать неукоснительного его исполнения, и совсем другое — обдумать, подготовить этот приказ. Вот где необъятный простор для коллегиального, демократического метода руководства.

Подполковник в отставке
Ф. Б. ПОТАПОВ,
бывший начальник
обозно-вещевой мастерской

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

По окончании в 1935 году автодорожного института я по распределению попал в Петрокрепость на ремонтный танковый завод. Кроме танков, броневиков ремонтировалась здесь и автомобильная техника. Перебирали моторы, выправляли ходовую часть, меняли кузова.

Предприятие было военным, однако на нем работало и много вольнонаемных. Мы, гражданские люди, сами того не сознавая, во всем подражали командирам и красноармейцам. Коллектив на заводе был дружным, работалось легко и интересно.

Я в основном занимался автомобильными двигателями, но не упускал случая покопаться и в танковых. О наставничестве тогда не говорили, но фактически оно существовало как вполне естественное и закономерное дело. И не столько мастера шли к молодым, сколько наоборот.

С особым любопытством я присматривался к тем, кого называют мастер — «золотые руки», и еще больше — к новаторам, рыцарям беспокойной творческой мысли. И не замечал, что ко мне тоже присматриваются, со всех сторон «пробуют на зуб», доискиваются, как мне потом сказали, до материала, из какого я скроен.

Комиссаром у нас на заводе в ту пору был Виктор Васильевич Иванов. Очень грамотный, очень деятельный человек, он досконально знал наше дело, во все вникал,

решения принимал смело, слово свое держал твердо. Однако главное его достоинство было в отличном знании людей, в умении к каждому человеку найти свой особый подход. В своем кабинете он почти не бывал, чаще его видели в цехах в кругу красноармейцев и рабочих.

Его любили, к нему тянулись. О его бескорыстии и справедливости ходили легенды. Он скорее мог свое последнее отдать, чем посягнуть на чужое. Простой, доступный всем сам, он пресекал малейшее чванство, высокомерие в других. Комиссара считали грозой всякого рода бюрократов, волокитчиков, бумажных крючкотворов. Он яро выступал против авралов и «стойких преодолений трудностей», которые, по его мнению, шли от плохой организации труда, плохого отношения к рабочему люду.

— Мы еще плохо знаем своих простых людей и еще хуже их ценим,— часто говорил он нам, бригадирам, инженерам, начальникам участков, цехов.

Виктор Васильевич требовал от нас вникать во все стороны жизни, повседневного быта рабочих. Довод у него был простой. Как человек отдыхает, что ест, в какой квартире живет, так он и работает. Иными словами, он учил нас, как теперь называется, учитывать человеческий фактор и умело использовать его в производственном процессе.

Вот он-то как раз, Виктор Васильевич Иванов, комиссар нашего завода, и присматривался ко мне. Как я теперь знаю, и ко всем. Но ко мне, по-видимому, у него был особый интерес. Мы оба с ним были выходцами из деревни, и у обоих были общие пристрастия. Оба мы любили землю, у обоих была склонность к крестьянскому умельству. И была у нас общая страсть к лошадям. Нет, не страсть конника-спортсмена или любителя животных. Это была благодарная любовь человека труда к своему верному помощнику, любовь воина к соратнику. Комиссар мог часами рассказывать об этом умнейшем и благороднейшем животном. В его кабинете кроме портретов висели две репродукции с картин, изображавших сцены из кавалерийских баталлий.

Впрочем, комиссар и технику любил. Он был из тех, кто тонко улавливал и быстро настраивался на все новое, передовое. А тридцатые годы, как известно, были годами бурной технизации и машинизации предприятий и армии. И мне трудно даже теперь представить, как тяжело было Виктору Васильевичу согласиться на перевод от нас, с завода с его отличным оборудованием, с передо-

вой по тому времени технологией, на должность заместителя по политчасти начальника обозно-вещевой мастерской при окружном 161-м складе.

Это было в 1938 году. Перед отъездом Виктор Васильевич пригласил меня к себе и без обиняков предложил стать главным инженером в этой мастерской.

— Конечно, повозки не автомобили, — говорил он, — но рутинность задач еще не означает рутинность их решения. Ваш передовой опыт вот так нужен для совершенствования технологического процесса, который в мастерской как бы замер на мертвой точке. А самое главное...

Самым главным, почему комиссар остановил свой выбор на мне, был мой характер. Виктор Васильевич уловил в моем отношении к подчиненным как раз то, что он считал главным талантом любого руководителя, — умение понять и по достоинству оценить человека, проявить заботу о нем.

Честно сказать, для меня это было открытием. А если и было это, то как результат моей учебы у самого же Виктора Васильевича.

Предложение меня несколько удивило. В самом деле, от машин снова уйти к повозкам и подковам! Но Иванов с помощью легких нажимов на слабые точки моей крестьянской психологии сумел-таки зажечь интерес к моей новой работе.

Новое предприятие вопреки ожиданиям оказалось куда значительнее и размерами, и объемом выполняемых работ. Кроме механического цеха, наиболее близкого и понятного мне, мастерская включала в себя еще швейное, обувное и шорное производства. Работали здесь в основном женщины, но и мужчин было немало. Во время войны их ряды, естественно, резко поредели, однако на самых ответственных участках они все-таки остались.

Со временем, особенно в начале войны, мастерская еще более разрастется и ее разделят пополам. Швейный и обувной цеха уйдут в Петропавловскую крепость как самостоятельное предприятие. Останутся шорный и механический. Но и им старое помещение окажется тесноватым. Нам дадут здание бывшей французской концессии в Ковенском переулке. У нас появятся мощные гидравлические прессы, электропневматические молоты, свои нагревательные печи. То есть уже к зиме 1941/42 года мы мало в чем будем уступать, а по объему работ даже будем превосходить ремонтный танковый завод того времени, когда я на нем работал.

Виктор Васильевич Иванов сумел быстро сплотить коллектив, создать в нем атмосферу творческого поиска, инициативы. Все работы выполнялись с душой, с тем интересом, какой свойствен людям с хозяйской жилкой. В механическом цехе мы в основном ремонтировали тележные колеса, лудили старые котлы походных кухонь, делали оси, оглобли. Потом стали поступать на ремонт походные автоматические хлебозаводы. И вот любопытная деталь. В иной мастерской вряд ли возникла бы мысль о том, почему эти новые агрегаты, толком еще не работавшие, вдруг стали выходить из строя? А у нас сами рабочие первыми забили тревогу.

О хлебозаводах этих следует сказать особо. По тому времени они были самые совершенные не только в нашей стране, но и по сравнению с теми, что имелись на вооружении многих зарубежных армий. Честно говоря, я считаю, что они и теперь еще не превзойдены по простоте и надежности конструкции. Многие командиры и хозяйственники очень ценили их. Помню, как однажды к нам в мастерскую заглянул командир стрелковой бригады, тогда еще подполковник, Н. П. Симоняк. Перед этим его бригада в составе других частей долго и самоотверженно удерживала полуостров Ханко, оказывая тем самым громадную помощь Ленинграду. Отступая, симоняковцы вынуждены были многое из своего имущества сжечь или взорвать. Больше всего комбригу было жалко походных автоматических хлебозаводов. И к нам он приехал с целью раздобыть такой завод.

— После того хлеба, что пекут наши походные хлебозаводы,— говорил Николай Павлович,— другой и есть не хочется. Булки в них не подгорают, хорошо пропекаются. Тому, кто эти заводы придумал, при жизни памятник следовало бы поставить...

И вот как раз эти печи стали выходить из строя. То трубки засорятся, то что-то проржавеет. Наши мастера пошли к Виктору Васильевичу Иванову, а он, в свою очередь,— в интендантское управление и предложил послать наших специалистов посмотреть, как в частях относятся к хранению обозного имущества. Идею в управлении поддержали, и многие из нас вскоре разъехались по гарнизонам. Недостатков вскрылось множество. Командиры вообще меньше всего уделяли внимания обозному хозяйству. Для них главное было танки, пушки, стрелковое оружие. Все верно, конечно, но и без обозного хозяйства не навоюешь много.

Тут надо сказать все о том же человеческом факторе.

Конкретно о тех, кого перед войной посылали на хозяйственные должности. Почему-то их считали второстепенными и едва ли не зазорными для человека. Впрочем, я не хочу охаивать весь интендантский корпус, сам всю жизнь прослужил интендантом, любил и люблю эту профессию и много встречал на своем веку хозяйственников, влюбленных в свое дело, преданных ему, но тем и обиднее, что к нам сплавляли и тех, кто проштрафился, и тех, в ком ни к чему нет таланта.

В одной из командировок в городе Острове я попросил начальника продовольственного снабжения дивизии запустить тестомешательный агрегат. Оказалось, что он не только не знает, как это делается, но и никогда не видел хлебозавод в работе. Заместитель командира по тылу тоже не решился на такой «подвиг». После этого меня несколько не удивил тот беспорядок, какой царил в хранилище обозной техники.

Тогда по просьбе командира дивизии я провел занятия с офицерами частей, показал им работу всех имевшихся у них хозяйственных механизмов. После такие занятия мы ввели в систему. А кроме этого, наши мастера стали выезжать в гарнизоны для ремонта обозного инвентаря на месте. Это способствовало росту производительности труда. Экономились средства на транспортировке ремонтируемых агрегатов. На местах наши мастера создавали свои своеобразные филиалы наших цехов, находили местных умельцев, передавали им свои навыки, учили хозяйственников и командиров правильному обращению и хранению их собственного имущества.

Таким образом, перед войной силами специалистов нашей мастерской во многих частях были созданы нептатные ремонтные бригады. Я не могу точно сказать, какую роль они сыграли во время войны, но замечено было одно: там, где бригады эти были сильные, оттуда меньше всего поступало инвентаря в ремонт к нам в мастерскую.

Вначале я был главным инженером, а во время войны сменил Виктора Васильевича, стал начальником. Люди у нас во многом сменились. Большинство мужчин ушло в армию и в ополчение. Надо было находить новых специалистов, а дело это в осажденном городе было очень трудное. Нам помогали пересыльные пункты, отбравшие нужных мастеров из числа бывших раненых, признанных негодными к строевой службе.

По примеру нашего бывшего начальника я большое значение придавал отбору специалистов, но еще большее

их воспитанию. Раньше я считал, что люди от природы делятся на исполнителей и творцов. Один хорошо делает работу, не требующую осмысления, а другие, напротив, любят дело позаковыристей, над которым надо поломать голову. Но со временем я понял, что все обстоит куда сложнее: Практически в каждом человеке заложена тяга к творческому поиску. Ее надо открыть, разбудить как-то. И зависит все это прежде всего от начальника, руководителя производства, от его отношения к подчиненным, от умения влиять на их психику, настроение. Тут трудно назвать какой-то один прием или какой-то рецепт на все случаи жизни.

В последнее время в нашей стране придается большое значение кадровой политике. Переоценить эти усилия партии, правительства никак нельзя. От кадров исходит все: и наши удачи, и наши промахи. Нельзя сказать, что им не уделялось внимания и раньше, но чаще всего от руководителей требовали только компетентности, твердой воли, решительности, требовательности. И забывали о главном — об их умении строить отношения с людьми, создавать творческую атмосферу в коллективе.

Я не буду перечислять все пути и средства достижения этого. Скажу только, что очень многое решает обычное уважение к человеку, вера в его возможности.

Нам, то есть мне, главному инженеру, замполиту, секретарям партийной и комсомольской организаций, удалось с самого начала сохранить те традиции, какие установились при Викторе Васильевиче Иванове. Мы сумели добиться такого положения, когда каждый человек в нашем коллективе (именно каждый!) был не винтиком, а хозяином положения. Каждый высокую исполнительность сочетал с постоянным творческим исканием. Разница была только в том, что один в силу своих способностей что-то усовершенствует в конструкции того или иного агрегата, инструмента, другой ломает голову (и успешно) над изменениями в технологическом процессе, а третий соображает, где достать нужный материал, как его доставить и тому подобное.

Очень жаль, что память подводит, не позволяет мне сейчас назвать фамилии лучших наших специалистов того далекого времени.

Первого среди них я назвал бы нашего мастера-колесника. После финской кампании к нам повалило большое количество конных повозок. Нам потребовалось начать поточное изготовление колес. И мы начали, но особого успеха не имели из-за несовершенства опиновочных

работ. Тут все делалось дедовским способом, вручную. И вот однажды ко мне приходит этот мастер. Показывает письмо от родственников из Ростовской области. Они по его просьбе объездили все фабрики и мастерские в округе и напали в одном месте на гидравлический пресс, приспособленный специально для натяжки колесных шин. В письме есть и адрес мастерской, и фамилия ее директора.

Отлично! Все остальное, как говорят шахматисты, было делом техники. Через месяц мы имели свой пресс.

Был слесарь, из бывших фронтовиков, пришедших к нам после ранения. Этот раздобыл нужное количество метчиков. Случай, можно сказать, по-своему уникальный, но о нем чуть позже.

Главным инженером, занявшим мое место, был у нас Николай Николаевич Тузов. Редкого таланта человек. Он вообще мог сутками пропадать в цехе. Всегда увлеченный чем-то, он и других умел увлечь делом, творческим поиском.

Когда я пришел в мастерскую, первым, кого встретил, был Гусев. Подумал: не меньше чем профессор какого-нибудь театрального института — такой импозантный у него был вид. Оказалось, что это слесарь, но такой слесарь, которого можно назвать профессором своего дела. Там, где инженерная мысль пасовала, мы звали Гусева, и проблема обязательно решалась. Он один, когда мы переехали в Ковенский переулок, отремонтировал грузовой лифт, отрегулировал все наши станки, все электрифицировал, что было можно, автоматизировал.

Можно было бы назвать и многих других наших умельцев. На их сообразительности мы и выходили зачастую из самых сложных для мастерской ситуаций.

Одно время в войсках сложилось трудное положение с походными кухнями. То есть, когда войска стояли в обороне, о них меньше всего думали, но в ходе подготовки к большим наступлениям о них вспомнили, и посыпались к нам заявки на изыскание и ремонт таких кухонь. Вначале мы искали обычные пищевые котлы, приспособляли их на колеса, но потом котлы иссякли, кончилось и олово, которым мы лудили медные котлы. И вот кто-то из наших придумал делать кухни из обычного листового железа. И пошло дело. Тут важно было, чтобы повара не допускали появления ржавчины.

Завод имени Егорова наладил выпуск двухстенных котлов, между которыми заливалось специальное масло. Для поваров такие кухни были большой находкой — ни-

какого тебе пригорания. А вот для нас, ремонтников, эти котлы оказались сущим наказанием. И все же Гусев (он к тому времени стал у нас технологом) нашел выход из затруднительного положения — разработал способы ремонта и этих котлов.

Но самое сложное и тем наиболее памятное задание выпало нам в начале 1944 года, перед окончательным снятием блокады. Вызвал меня начальник тыла и передал решение Военного совета об изготовлении нескольких десятков тысяч конских подков. Войска готовились к крупным наступательным операциям, а многие артиллерийские части, не говоря уж об обозах, были на конной тяге.

К такому заданию мы не были готовы. Если и приходилось раньше изготавливать подковы, то в самых малых количествах. Можно, конечно, подключить в помощь себе ту небольшую кузницу, какую для своих небольших нужд держала ветеринарная служба, но она тоже не спасала положение.

И снова выручил коллектив, наши замечательные специалисты. Тузов с Гусевым поехали по местным заводам, мастерским. И уже через несколько дней в наших цехах стояли мощные пневмомолоты, электронагревательные печи. Монтировали их наши же мастера. Сутками некоторые не выходили из мастерской. Партийная и комсомольская организации объявили воскресник по сбору металла. Дело было непростое: металл требовался особый, но стаскивали в кучи все, что попадалось. В конечном счете все потом пошло в дело.

Специалист-коваль, которого мы перетянули от ветеринаров, по фамилии, кажется, Кузнецов, организовал своеобразные курсы. Можно было бы приступить к делу, тем более, что на одном из складов нашлось достаточное количество шипов. Но вот загвоздка — нет нужных метчиков. Куда только ни обращались, отовсюду получали отрицательный ответ. И тогда-то пришел ко мне рядовой рабочий, из госпиталя поступивший к нам. Рассказал, что у них на заводе таких метчиков в любом количестве достать можно.

— А где этот завод?

— В Тюмени...

Фамилию рабочего, к сожалению, не помню. Знаю только имя — Николай. Смотрю на него и от удивления не могу слова сказать.

— Где, где? — переспрашиваю Николая.

Представьте себе на минуту тогдашнюю обстановку.

Еще не снята окончательно блокада Ленинграда, еще все вокруг на тонкой грани жизни и смерти. Из мбего окна видна громадная очередь к хлебному магазину. В ней с ночи коченеют старики, дети, женщины. Хлебные нормы несколько увеличены, но не настолько, чтобы снять проблему голодной смерти. Одна светлая надежда теплится — на предстоящие наступательные бои, но об этом знает очень узкий круг людей. И у них в мыслях только заботы о том, как лучше подготовиться к этим боям. И вдруг мне говорят о какой-то Тюмени. Боже мой, где это? И вообще существует ли что-то дальше Ладоги?

А Николай невозмутимо излагает свой план действий. Ему нужно командировочное предписание. Нет, не на десять дней. Он и за пять обернется туда и обратно. Денег на дорогу не надо — собственные есть.

Дали мы ему десять дней. Все-таки дома надо побывать. Вернулся ровно через пять. Дома всего три часа погостил. Не мог больше. Ленинградский фронт (как он догадывался) готовится к крупным наступательным боям, а лошади не кованы — нет подков. До отдыха ли тут солдату?

И вот они, нужные метчики!

В мастерской вместе со мной, канцелярскими работниками трудилось двести человек. И все мы, повторяю, все как один, даже больные, недомогавшие, даже женщины, а у многих и жены, пришли к нам работать на изготовление подков.

Целыми сутками калились печи, ухали пневмомолоты, горело железо, вращались станки, не отходили от рабочих мест люди. В первый день выдали триста подков, во второй пятьсот, потом семьсот, а еще через два дня выработку довели до тысячи двести и даже до полутора тысяч. Ели тут же у наковален, отдыхали, сидя на верстаке.

Позже, встречаясь, мы всегда вспоминали этот аврал в своей работе. И сами удивлялись, откуда только силы брались? Ведь все были истощены голодом, не имели элементарных условий отдыхать дома. Однако, как теперь стало ясно, при всем при том, много было и такого, что все время питало высокую активность людей. В сравнении с другими подобными предприятиями у нас все было лучше. Не было случая, чтобы кого-то чем-либо обделили, что-то недодали. Столовая наша была лучшая в округе, в цехах всегда был кипяток. Если кому перепал лишний кусок хлеба, щепотка крупы или еще что-то, то это делилось на всех. Каждый добрый шаг, почин за-

мечались, отмечались в приказах, просто в разговоре. Доброе слово и в войну играло большую роль.

Я не хочу всю заслугу создания в коллективе атмосферы понимания, высокого оптимизма приписывать себе. Много было сделано еще до меня Виктором Васильевичем Ивановым, многое зависело от усилий партийной и комсомольской организаций, от самих мастеров, от горячего стремления коллектива как можно больше сделать для фронта. И все же приятно сознавать, что и моя роль начальника была не последней. Больше всего тешит душу мысль, что еще в пору далекой теперь молодости мне удалось (не без помощи старших товарищей) понять, что в любом деле главный источник успеха кроется в самом человеке. И я всем своим существом поддерживаю требование нашей партии к кадрам шире использовать в повседневной практике человеческий фактор.

...Как-то на дачной калитке одного из своих товарищей заметил накрепко прибитую старую подкову. Присмотрелся — наша. Одна из тех, что мы клепали в начале зимы 1944 года. Хоть и не верю в приметы, однако порадовался этой «встрече» и подумал, что такая подкова обязательно должна приносить счастье. Ведь не только труд в нее вложен. Она как бы вобрала в себя и чувство долга, и любовь к делу, и творческий поиск, и самоотверженность, и многое другое, чем так силен человек.

Капитан-инженер в отставке
Я. И. РАБИНОВИЧ,
бывший начальник
мастерской по ремонту лыж

ПО СОБСТВЕННОМУ ПОЧИНУ

Во время войны я был начальником мастерской по ремонту лыж и лыжных палок. Сам подал идею создания такой мастерской, сам ее и осуществил. Это как раз тот факт личной инициативы и творческого поиска, о которых сейчас много говорят и пишут.

Натолкнул на мысль создания такой мастерской элементарный случай.

Не знаю, почему, но в армию меня призвали не в июне, когда началась война, а месяцем позже. Видно, военкоматы не справлялись с тем громадным объемом работ, какой на них свалился. Помню лицо капитана, вручавшего мне предписание. Оно было пепельно-серым от переутомления, а глаза горячечно блестели, как у больного человека.

— Вам сегодня же явиться в 36-ю запасную стрелковую бригаду на улице Карла Маркса, — сказал он мне.

А когда я уже направился к выходу, он неожиданно остановил меня. Ему захотелось выяснить, почему я, закончив Лесотехническую академию, работая главным инженером Управления мебельной и деревообрабатывающей промышленности Ленинграда, имею звание «рядовой»?

— Может, вы какие-то курсы заканчивали, а записи в личном деле не сделано?

— Нет. Не довелось. До академии был еще молод, а после окончания учебы закрутило по мебельным фабрикам, заказы поступали большие, а специалистов не хватало. Был случай, когда пришла повестка из военкомата на сборы, но начальство отстояло меня. Тогда мы по заказу Наркомата обороны налаживали у себя на фабрике производство лыж.

— Лыж? — переспросил капитан. С минуту он о чем-то думал, потом, пожелав всего наилучшего, отпустил меня.

И вот я в 78-м запасном стрелковом полку 36-й запасной стрелковой бригады. С тысячами таких же, как я, жду своей дальнейшей участи. Идет комплектование подразделений. У нас оно почему-то затягивается. В первые дни мы волчком крутились в массе каких-то дел, занятий, а потом пришла пора тягучего безделья. От скуки читаю книги, слушаю сообщения с фронта, брожу по территории полка.

И тут неожиданно напал на громадный сарай, битком набитый лыжами. Видно, после финской кампании их сюда свезли, и лежат они теперь никому не нужные. Впрочем, почему ненужные? Идет война, судя по всему, она и всю зиму может протянуться, а как же без лыж? О значении лыж в военном деле я хорошо знал, еще когда работал над заказом Наркомата обороны. Мне, например, было известно о существовании подписанного в 1919 году В. И. Лениным постановления Совета обороны, которое называлось «Об организации лыжных частей». В нем были даны конкретные указания о налаживании производства лыж и организации обучения ходьбе на них. В 1918—1919 годах Всеобучем были созданы первые лыжные роты, сыгравшие большую роль в борьбе с белогвардейцами на Северном фронте. Лыжи очень помогли нашим подразделениям в разгроме кулацкого мятежа в 1921—1922 годах в Карелии. Лыжные подразделения использовались и в разгроме кронштадтского мятежа.

Исключительно большое значение лыжной подготовке придавал М. В. Фрунзе. В одном из своих приказов он потребовал, чтобы в число обязательных учебных часов входило и обучение использованию лыж. Перед войной лыжное дело было включено в программу подготовки допризывной молодежи.

Особо поднялось значение лыж в боях во время финской кампании. Они были признаны как важнейшее ору-

жие. И вот это оружие лежит ненужным хламом в заброшенном и, может, всеми забытом сарае...

В тот же день я на имя командира части написал докладную записку и передал ее по команде. Особой надежды на то, что ей придадут какое-то значение, не было. Но вдруг на следующее утро меня вызвали к начальнику штаба полка подполковнику Акимову.

Чтобы понять значение такого вызова, надо знать, что собой представляли тогда запасные полки. По количеству людей они в иные времена превосходили полнокровные дивизии. Люди приходили и уходили тысячами, и штаб работал круглосуточно. И тут вдруг интересуются одним человеком. Рядовым, необученным.

— Сколько человек надо вам, чтобы отремонтировать за месяц все те лыжи, что свалены в нашем сарае? — спросил меня прямо с порога подполковник Акимов.

— Двадцать.

— Отлично. А о месте работ подумали?

— Если не возражаете, мы зайдем соседний сарай. Хлам оттуда сами выгребем.

Через полчаса начальник штаба, построив батальон, велел выйти из строя тем, кто владеет столярным делом. Вышло человек пятьдесят. Из них, побеседовав с каждым, мы отобрали двадцать.

Честно сказать, меня несколько удивила тогда реакция начальства на мою докладную. Я не знал, что именно в это время командование фронта было озабочено поиском нужного количества лыж. По этому поводу в обкоме партии состоялся серьезный разговор с начальником тыла фронта генералом Ф. Н. Лагуновым, которому было приказано во что бы то ни стало обеспечить лыжами только что создававшиеся тогда лыжные батальоны.

Но одно дело приказать, и совсем другое — выполнить приказ. Существовавшая в свое время в городе лыжная фабрика еще в 1934 году почему-то была закрыта. Запасы, оставшиеся от финской кампании, были недостаточны, к тому же состояние этих лыж, как я уже говорил, было далеко не самое лучшее. Ленгорисполком обратился к населению с просьбой организовать сбор лыж. Это была хорошая мера, но не все собранные лыжи были пригодны для армейских нужд. С Большой земли можно было бы завезти, но в блокадную пору хлеб был важнее всего. Поэтому оставался один выход — ремонт того, что имелось на складах.

Спрос совпал с предложением. Или наоборот — предложение со спросом. Как бы там ни было, мы приня-

лись за дело. Правда, не все, кого мы отобрали, выдержали взятый нами темп. Трое решили, что воевать легче, чем почти сутками пропадать в мастерской. Мы их не удерживали и взамен никого больше не просили. Я смолоду придерживался принципа: лучше меньше людей увлеченных, чем больше, но подневольных.

За два дня очистив сарай, мы установили в нем верстаки. Инструмент многие из наших работников принесли из дому. Чтобы обеспечить четкость в технологическом процессе, разбили его на ряд более простых операций и за каждой из них закрепили свою бригаду специалистов. Вначале, естественно, шла рассортировка лыж, подготовка их к ремонту, затем — восстановление загибамоса, осмолка, отделка и упаковка готовых пар.

Самое трудное было правильно загнуть носок лыжи. Вначале делали это вручную, затем соорудили небольшое приспособление, а потом мне удалось сконструировать и изготовить специальный станок, ценность которого была отмечена в приказе Главного интенданта Красной Армии генерала П. И. Драчева. Этим приказом мне объявлялась благодарность и назначалась крупная денежная премия. Больше всего радовало, что наш опыт внедрялся в войсках других фронтов.

Нельзя сказать, что все у нас шло без сучка и задоринки. Было много удач, но еще больше всякого рода неувязок. Не оказалось в части керосина. Мы на свои деньги закупили его про запас в соседней керосиновой лавчонке, и очень вовремя, так как уже на другой день продажа керосина прекратилась. Не хватало материалов. Хорошо еще, не утеряны были связи с фабриками, на которых я работал. Выручали безоговорочно. Хуже было с питанием. При такой интенсивной работе, какая была у нас, пайка явно не хватало. Но это была общая беда, и поделаться ничего нельзя было. Оставалось только подтягивать ремни.

К большому сожалению, время стерло в памяти фамилии ребят из моей бригады. Лица и имена некоторых еще хорошо помню: Саша, Николай Петрович, Иван Степанович, Семен... Помню стиль работы многих из них, небольшие столярные секреты. Всех их объединяли любовь к своей профессии и глубокое понимание важности выполняемого нами задания.

— Что вы там с одной лыжей столько времени возитесь? — нападаю я, скажем, на Ивана Степановича, занимавшегося рассортировкой лыж.

— По фактуре дерева никак не найду нужную па-

ру, — невозмутимо отвечает мастер. Нет, он не лодырь и быстрейшим выполнением задания не меньше меня озабочен. Но он не может сделать работу плохо. Не может, так как, во-первых, у него давний принцип свою работу выполнять только с высоким качеством. А во-вторых, он каждую секунду помнит, что делает не игрушки, а оружие солдата.

И все наши это помнят.

Зимой 1942 года мне не раз доводилось бывать в Токсове, где были созданы специальные курсы для солдат лыжных батальонов. Приходилось видеть, как тщательно отбирали бойцы себе лыжные пары, палки. Главное в любом оружии — надежность.

Как было и определено, ровно через месяц я доложил командованию полка об окончании ремонта 3,5 тысячи пар лыж, находившихся в сарае. Принимала работу комиссия, в которую входили и представители тыла фронта, и работники управления боевой подготовки подполковники Павлов, Снегов и другие. С последними, кстати сказать, у нас установились самые тесные контакты. Как давний лыжник, я помогал им советами по организации обучения ходьбе на лыжах.

Не успели мы сдать свою первую продукцию, как нашу бригаду перевели в распоряжение начальника фронтового вещевого склада. Подполковник Ф. К. Егоровский встретил нас лучшим образом и тут же поставил задачу как можно быстрее оборудовать такую же мастерскую, какая у нас была, при складе. Помещение выделили на Лермонтовском проспекте. Вначале мы обрадовались этому каменному сараю, но после осмотра приуныли: пол бетонный, отопления никакого...

Пошел к Егоровскому, но он только руками развел: мол, другого ничего пока нет. Да и с нашим питанием он не знал как быть, вся надежда на... нашу изворотливость.

И снова начались мои походы по местным фабрикам. Радовало, что гражданские предприятия очень охотно шли навстречу любым просьбам военных организаций, учреждений. Через день-два сарай стал заполняться нужными инструментами, материалами. Работа снова закипела. По соседству стоял прожекторный полк, он взял нас на довольствие в свою столовую.

И вдруг срыв. Когда мастерская заработала в полную силу, неожиданно выяснилось, что запас лыж кончился. Правда, интенданты утверждали, что где-то должны храниться большие партии лыж, но где конкретно — никто

Ф. К. ЕГОРОВСКИЙ,
заместитель начальника
161-го военного склада

Я. И. РАБИНОВИЧ с группой работниц,
занимавшейся ремонтом лыж. 1942 год

Склад отремонтированных лыж, готовых к выдаче войскам фронта.
Зима 1942 года

не знал. Мы сами всей бригадой пошли на поиски. И на углу улиц Звенигородской и Марата наткнулись на большой склад. Большой даже, чем был в 78-м полку.

Этот случай надоумил нас поездить по всем воинским частям, дислоцирующимся в городе и даже за городом. И эти походы тоже дали положительный результат. К нам стали приходить машины, груженные требующими ремонта лыжами. Мастерская оказалась малой для возросшего объема работ. А я помнил об одном помещении на Кондратьевском проспекте. Там был филиал мебельной фабрики. Теперь цеха ее пустовали. По старой дружбе и в силу понимания важности просьбы заведующий городским отделом местной промышленности Э. П. Бояр, с которым мы были знакомы еще с 1929 года, помог добиться разрешения на вселение в помещение фабрики. Правда, и оно вскоре же оказалось малым для нашей все разрастающейся мастерской. Как раз начался массовый сбор лыж у населения. Лыжи пошли тысячами пар. А от бригады из семнадцати человек осталось одиннадцать. Шестеро ушли на фронт. Нам разрешили брать на работу женщин. Но где их найти? По радио и в печати ведь не дашь объявления. Решили пойти по близлежащим домам. И вот уже наш штат превысил сотню человек.

Это был большой производственный коллектив. И да-

леко не прежний, где все проблемы решались, так сказать, волевым приемом. Для солдата достаточно одного приказа, совсем иное дело — женщины, девушки. Тут надо было думать и о социальной сфере. Впрочем, обстановка в городе была фронтовая, я мог бы, ссылаясь на нее, обходиться без лишних хлопот. Но опыт прежней работы учил меня, что без заботы о рабочем человеке особых успехов в производстве не жди.

Мы начали с того, что с помощью военторга открыли свою столовую, обеспечивали женщин дровами, устраивали в детсады их детей. За особо ударную работу нам иногда давали дополнительные пайки. Все они шли в общий котел. Был у нас и свой врач, оборудованы были места для отдыха. Передовиков обязательно чествовали, премировали, фотографии лучших вывешивали на Доску почета. То есть все делали так, как когда-то до войны, а может, даже и с еще большим вниманием к каждому человеку.

Помню, у одной из женщин возникли какие-то проблемы с жильем. Я при всей занятости в мастерской нашел время сходить в райисполком и уладить все. Один этот мой шаг помог поднять активность работниц в труде гораздо больше, чем десять моих выступлений на собраниях.

Большим стимулом в работе стала выставка наших изделий, которую мы организовали в здании штаба тыла. На этой выставке было много посетителей. Ее осмотрело все командование фронта и тыла. Член Военного совета по работе тыла Н. В. Соловьев особенно заинтересовался нашими «снегоступами», которые хорошо зарекомендовали себя при переходах стрелковых подразделений по снежной целине.

Всего за период с лета 1941 по лето 1944 года нашей мастерской было отремонтировано 162 тысячи пар лыж, в том числе повторно. С какой стороны ни смотри на эту цифру, она выглядит внушительно. Бойцы Ленинградского фронта были полностью обеспечены лыжами — плодами рук умельцев небольшой мастерской. При желании можно было бы подсчитать, какое количество вагонов или машин потребовалось бы для доставки такого количества лыж с Большой земли. Не сами цифры тут страшны, а страшно подумать, что весь этот транспорт надо было бы отнять у тех, кто вез и кто ждал продовольствие в осажденном городе...

И еще одно замечание. Наша мастерская росла и крепла не в безвоздушном пространстве. На одном энту-

зпазме, как бы ни велик он был, мы далеко не уехали бы. Главное было в том, что этот энтузиазм всеми, кому следовало, да и теми, кто далек был от наших дел, всячески поддерживался и поощрялся. Любое наше деловое предложение быстро рассматривалось, утверждалось и тут же претворялось в жизнь. Любая просьба удовлетворялась без малейшей волокиты. Одни делились материалами, другие давали инструменты, выделяли помещения. Никаких тебе особых бумаг, расписок и прочего не требовалось. Откуда же теперь столько бюрократической накипи набралось?

...Как-то по телевизору показывали документальные кадры военной поры. Вслед за танками в атаку шли лыжники. Целая лавина лыжников в маскхалатах неслась на вражеские позиции. Как хотелось мне, чтобы этот фильм видели бы и бывшие мои сослуживцы, чьими руками были введены в строй вот эти лыжи.

Младший лейтенант в отставке
Т. С. КВЯТКОВСКАЯ,
бывшая работница
интендантского управления

ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ

Листая как-то старый журнал, я обратила внимание на цветной плакат военных лет. Люди нашего поколения хорошо помнят его: туго перебинтованная головка мальчика, на бинтах ржавые пятна крови и до жути испуганные глаза смотрят на вас.

Я и раньше не могла спокойно видеть этот плакат, почти на каждом шагу встречавшийся в блокадном Ленинграде. И сейчас едва не стало дурно. Точно такого же мальчика в сорок третьем оперировали в нашем медсанбате. Я как раз помогала хирургу Розенбергу.

Наш 281-й медсанбат 109-й стрелковой дивизии располагался тогда на Заставской улице в Кировском жилгородке. То есть в черте города, и к нам кроме бойцов, командиров, ополченцев часто привозили и местных жителей, пострадавших от бомбежки или артобстрела.

Тяжело видеть на операционном столе женщин, пожилых людей и в особенности малых детей. Тут я буквально терялась. А когда привезли того мальчика, будто только что снятого с плаката, так я едва не упала в обморок от вида изуродованного его лица и пронзительного взгляда светлых глаз прямо в мою душу.

Розенберг заметил мое состояние и ну кричать на меня. Он всегда во время операций бывал злой, а тут совсем из себя вышел.

— Ты что, — кричит, — сопли сюда пришла разводить? Ножницы! Живо ножницы!

Мальчика, видно, давно уже ранило, от его бинтов, когда их разматывали, исходил тяжелый гнойный запах. И сейчас, взглянув на плакат, я вдруг остро ощутила этот запах, и у меня, как и тогда, в сорок третьем, закружилась голова.

— Что с тобой, мама? — подошла ко мне дочь.

Она тогда еще школьницей была и, как следопытка, многое знала о моем участии в войне.

— Ты же говорила, что была медсестрой, а так реагируешь на плакат?

Она немного напутала. Медсестрой я не была. Просто работала в медсанбате. Должность занимала начфина, но всякий раз, как в операционной начиналась запарка, привлекали для помощи медсестрам и меня. Вначале сама изъявила такое желание, а затем это вошло в правило. Да иначе и нельзя было. Медсестры, санитарки буквально с ног валились от огромного объема работы. Одна стирка грязных бинтов чего стоила! А зимой мы целыми ночами шили одеяла из марли.

— Что ж это за одеяла такие? — интересуется дочь.

— Обыкновенные одеяла, только верх состоит из многослойной марли, а внутри — вата. Мы ими раненых укутывали, когда отвозили на санках в госпиталь.

— Ты и раненых сама возила? Сама небось напращивалась?

— А как же, Нонна? Ведь не могла я, видя, как все работают не поднимая головы, отказываясь от сна, отдыха, быть сторонней наблюдательницей!

— Выходит, у тебя и минутки свободной не было, как же в таком случае с папкой познакомилась?

— Тогда же, в сорок третьем. Меня в то время с повышением перевели начфином в 7-ю зенитную дивизию, только что прибывшую из-под Сталинграда. Ее штаб у станции Александровка находился. Ребята в полках в основном из нашего Ленинградского зенитного училища были. Все как на подбор.

— А папка каким был?

— Лучше всех. Он в штабе дивизии служил.

— Он хорошо ухаживал за тобой? Нежности всякие проявлял?

— Ухаживал. И нежности были... Однажды вытащил из кобуры наган и сказал: «Не согласишься сию минуту выйти за меня замуж — пристрелю на месте»...

— Ой! Ты, конечно же, испугалась?

— Нисколько. Ведь у меня тоже пистолет был...

Нонка аж на стуле подпрыгнула.

— Ну, вы, родители, даете! То с помощью оружия в любви объясняетесь, то от картинок в журнале в обморок падаете!

Сильно разбередила меня в тот день дочь. Я потом почти всю ночь не спала, перебирала в памяти прошлое. Вся жизнь день за днем, как кадры киноленты, перед глазами прошла. Сколько там всего и всякого было. На первый взгляд, все кажется сумбурным, продиктованным внешними обстоятельствами, и прежде всего войной. Однако когда глубже задумаешься, то вдруг начинает вырисовываться и твоя собственная личность, и личности окружающих тебя людей, которые не только не плыли по воле волн, но и проявляли характер, волю, старались подняться и поднимались над обстоятельствами, подчиняли каждый свой шаг высоким принципам, рожденным в нас революционным духом и атмосферой трудового энтузиазма, царившими в стране в предвоенные годы.

Семья наша, как шутил папа, была создана из двух противоположностей, которые, вопреки всем философским законам, не уничтожились взаимно, а лишь в нужном направлении переродились, создав особое единство, исключающее любые противоречия.

Отец был родом из большой семьи потомственных одесских моряков, а мама — представительница петербургского дворянства. У нее была блестящая возможность выйти замуж за богатого немца-дипломата, но она предпочла связать свою судьбу с командиром 6-й роты 1-го отряда молодых моряков Балтфлота. У меня до сих пор хранится его удостоверение, выданное в те далекие революционные годы.

Папа был высок, красив, остроумен. Мои подружки только ради встречи с ним целыми днями роились в нашей квартире. Тем более что в редкие свои наезды из Кронштадта он, как правило, прихватывал с собой друзей. С его появлением у нас начинался праздник. Ели пироги с капустой, пили наливки и обязательно пели русские и революционные песни.

Мама легко вошла в этот быт. Стала белошвейей, а потом из патриотических чувств пошла на «Большевичку» шить красноармейские шинели. От всей ее прошлой жизни осталась только страстная привязанность к театру. Среди многочисленных наших гостей обязательно бы-

ли актеры Малого оперного театра, режиссеры, художники-постановщики Ленфильма.

Мне, единственной дочери, естественно, пророчилось большое артистическое будущее. И я, само собой понятно, поступила в театральный институт на Моховой. И все шло хорошо, на втором курсе успела даже сниматься в кино. Знаатоки хвалили, но сама я вдруг почувствовала: не то.

Вокруг такая бурная и деятельная жизнь — идет коллективизация, вскипают стройки первых пятилеток, молодежь валит на флот, в военно-воздушные силы, поет песни о пограничниках и шахтерах, славит героев озера Хасан и Халхин-Гола, рвется на фронт советско-финляндской войны, — а я как бы в стороне от всего этого. Прихожу однажды домой и объявляю, что с институтом покончено, я работаю делопроизводителем в ободно-вещевом отделе Интендантского управления Ленинградского военного округа.

Мама, конечно же, в шоке.

— А что? Звучит гордо: делопроизводитель ободно-вещевого отдела Интендантского управления Ленинградского военного округа, — сказал папа.

Мама подумала и тоже улыбнулась. И еще сказала, что дети — продолжение недостатков своих родителей, и тут уж ничего не поделаешь.

Работы в отделе оказалось очень много. Мы, несколько девушек, под руководством капитана И. И. Шуренкова начисляли пенсии семьям погибших в финской кампании. Дело это было очень кропотливое, требовавшее от каждого из нас большого такта к нашим посетителям. И тут мы во всем учились у своего капитана. Иван Иванович был деликатнейшей души человек, он к каждому умел найти свой подход, любому дать полезный совет.

Вообще я с удовольствием вспоминаю всех, с кем довелось работать: полковников С. Н. Перетерского, В. С. Брехова, капитана И. И. Шуренкова, лейтенанта М. Штыкова и многих других. Удивительно было обнаруживать в этих людях суровой военной профессии необыкновенную доброту. Нет, не ту доброту, которая живет в словах хорошо воспитанных людей и которая чаще всего дальше слов и не идет. И не ту, что проявляется в обмене на взаимные услуги. И тем более это не было добротой людей, не отличающихся силой духа.

Доброта моих новых сослуживцев была неброской, не напоказ, скорее, она даже несколько стеснялась самое

себя и исходила от широты души человека, хорошо знающего цену всему, вплоть до цены жизни и смерти.

Забегая вперед, расскажу два эпизода из моей блокадной жизни, может, не очень яркие по своему содержанию, но мне очень памятные и достаточно подтверждающие мою мысль об исключительной доброте тех, с кем довелось мне трудиться.

Однажды в самую глухую блокадную пору, когда все мы от голода были похожи на свои собственные тени, я тяжело заболела и попала в госпиталь. Казалось бы, кому было дело тогда до меня, мало чем примечательной девушки? В отделах столько работы, а кроме того, каждый спешит в свободную минуту навестить больных, если не умирающих, родственников, которых надо чем-то поддержать, обогреть. И тем не менее не было дня, чтобы кто-то не зашел меня проведать. И каждый норовил поделиться долей своей пайки. А Максим Штыков — он у нас комсоргом в отделе был — неожиданно принес белый батон.

До сих пор понятия не имею, где он его раздобыл. Знаю, что второй такой удачи у него больше не могло быть. Сам он ходил похожий на щепку. Для него самого этот батон был величайшим подарком фортуны, однако он принес его мне, больному в то время человеку.

Был и еще почти фантастический случай. Бегу как-то вечером домой навестить родителей. Знаю, что они уже на пределе. Особенно отец. А поддержать мне их нечем, кроме маленького кусочка сухаря. Вижу, навстречу идет морской офицер. По лицу понятно, у человека горе. Он было уже прошел мимо, но неожиданно остановился и, обращаясь ко мне, сказал, что приехал проведать родных, но их уже нет, все умерли, не могла бы я взять от него небольшой подарок, который он нес домой? Моряк протянул сверток, в котором были большая банка тушенки и полбуханки хлеба...

Разговоры о широте души военного человека мы часто заводили у себя в отделе. Помню, старшие товарищи объясняли все коротко и просто: в основе всего самого высокого в человеке лежит сознание своего долга.

— Вот ты сама почему бросила институт и пошла работать в военную организацию? — спрашивал меня Шуренков.

Действительно, я чувствовала в себе потребность быть в гуще главных событий, какие сверпались в стране. Но откуда у меня, тогда еще девчонки, чувство долга? И тот же Шуренков, знавший немного о моей семье,

объяснил, что все шло от родителей, окружающей атмосферы всеобщего революционного подъема.

И это была правда. Мама продолжала работать на «Большевичке». Папа после увольнения из армии пошел трудиться в Управление Октябрьской дороги. С началом войны снова попросился в армию, и его назначили райвоенкомом Володарского района. У него словно второе дыхание открылось. Все дни и ночи проводил на службе, сам занимался с ополченцами, учил окапываться, стрелять, бегать на лыжах. И конечно же, переутомился, заболел дистрофию и в апреле 1942 года умер.

— Не ломай по поводу нас голову, — шутил Максим Штыков. — Мы, интенданты, по долгу службы должны быть заботливыми к людям... Кстати, объяви всем, что сегодня у нас комсомольское собрание. Повестка дня — сбор лыж у населения.

Я хорошо помню то собрание. Как, впрочем, и многие другие. Несмотря на трудности блокадной поры, комсомольская жизнь в нашем отделе, в управлении ни на один день не затухала. Правда, разговор на собраниях и заседаниях бюро или комитета был всегда коротким, конкретным и деловым — на отвлеченные рассуждения просто времени не хватало.

Лыжи мы собирали по квартирам. Дело это оказалось далеко не легким. В то время уже всю свирепствовала голодная смерть. Люди лежали прямо на улицах, но еще больше трупов было в подъездах и в самих квартирах. Сюда не всегда доставал глаз дружинника отряда МПВО. Заходя в квартиры, мы часто натыкались на мертвецов, а иногда на людей, неспособных подняться. Тогда время посещения затягивалось. Мы находили чайник, ставили его на буржуйку, согревали кипятком, давали больным, ослабевшим. Случалось и собственную пайку отдавать детям.

Лыжи были почти во всех квартирах. Их, как правило, не использовали на дрова. Все сожгут, а лыжи, смотришь, стоят или висят на стене. Однако нам их отдавали охотно, даже с радостью. Для армии, для победы ничего не жалко.

Вначале мы собирали все лыжи, какие попадались, но потом нам наши специалисты, занимавшиеся ремонтом их, объяснили, какие подходят, а какие нет. Нести все, что наберешь, было тяжело. Тогда мы приноровились делать из пары лыж санки, а остальные грузили сверху и так свозили к своей конторе, откуда их потом на повозках или машинах везли в мастерскую.

Вот так же по решению комсомольского собрания мы собирали и теплые вещи для бойцов. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Решение о сборе теплых вещей принимали Военный совет, обком и горком партии, а мы уже на своем собрании брали обязательства по выполнению этого решения. Работа-то эта проводилась во внеурочное время. По домам мы ходили вечерами, а иногда и ночами. И снова обязанности сборщиков невольно сочетались с помощью ослабевшим, больным. Просто совесть не позволяла пройти мимо человека, нуждающегося в посторонней помощи. И конечно же, наша доброта отдаривалась еще большей добротой. Не было случая, чтобы кто-то из нас приходил с пустыми руками. Люди отдавали для бойцов все самое лучшее.

Одна пожилая женщина передала мне великолепную норковую шубу. Я было запротестовала, но она твердо сказала:

— Эта шуба дорога мне, но свобода Ленинграда дороже. Из меха можно сделать несколько отличных телогреек для командиров.

Особенно ценными в блокадном Ленинграде были валенки. В холодных комнатах в них одних только и было спасение. Но ленинградцы без малейших колебаний, наперекор даже нашим протестам, вручали нам свои валенки. Многие женщины специально к нашему приходу шили теплые рукавички, вязали шерстяные перчатки. Часто бывало, что люди не дожидались сборщиков, а сами несли теплые вещи на сборные пункты.

Все вещи оприходовались, разносились по ведомостям. Одни шли на склады готового имущества, другие на переделку в мастерские.

У нас были свои ударники и ударницы по сбору лыж и одежды. Лучшее всего это получалось у Раисы Никифоровой и Ирины Лукашиной. Я тоже мало в чем уступала им. Во всякую погоду, иногда через силу — истощение давало о себе знать — шли мы в свои очередные обходы. При этом и свою основную работу выполняли от точки до точки.

А работы в нашем вещевом отделе всем хватало. В особенности офицерам. Помню, как осенью 1944 года встал остро вопрос о снабжении войск теплым обмундированием. Этой проблемой занимался Военный совет, решала ее и Москва. Не было никакой гарантии, что высшее руководство разрешит поставку одежды с Большой земли. Значит, надо будет ее шить на месте, а для этого надо быстро, без малейших проволочек согласовать все

вопросы с руководством местной промышленности, изыскать нужные материалы, перестроить работу фабрик, пошивочных мастерских. Наши офицеры целыми сутками пропадали на гражданских предприятиях.

А что стоила им переброска обмундирования с восточного берега Ладоги на западный! Это же множество перевалок с транспорта на транспорт. Иногда им самим приходилось вместе с рабочими и грузить, и разгружать, доставлять имущество до места назначения.

Вещевики мотались по всем участкам фронта, сами следили за экипировкой солдат. Особенно возрастал у них объем работ в периоды подготовки к наступлениям. Тогда они доходили до батальонов, рот, взводов и даже до отдельных солдат. Каждый считал своим долгом организовать в части, батальоне свою сапожную мастерскую, помочь командирам, местным хозяйственникам наладить у себя ремонт обмундирования.

Нелегкой была задача создания прачечных, химчисток.

До сих пор не могу понять, как все-таки наши офицеры управлялись со всеми своими делами. Единственное объяснение бесспорно — плохо работать они просто не могли. Совесть не позволяла, как говорил Максим Штыков. Кстати, погиб лейтенант. Для отдела это было большой трагедией.

В январе 1943 года, сразу после прорыва блокады, мне было предложено пойти на курсы младших лейтенантов при резерве Ленинградского фронта. Отказываться от подобных предложений у нас не было принято. И я не отказалась, хотя знала, что учиться, а затем и работать на новой должности будет трудно. Хотя блокада и была прорвана, но голод еще не был побежден до конца, и мы еще чувствовали себя слабыми физически.

Начальником курсов был Александр Княжевский. До войны о нем гремела слава как о чемпионе СССР по велогонкам. Это был исключительной воли человек. Под стать ему был и наш старшина, присланный к нам с фронта после ранения. Помнится, он нас в 25-градусный мороз гонял на Мойку на физзарядку.

Вот после этих курсов я и попала начфином в 281-й медсанбат. Мой предшественник, видно, слабо знал финансовое дело, к тому же неудержимо рвался на фронт и поэтому всю документацию запустил так, что я за целую неделю не смогла в ней разобраться. Тогда отчертила во всех журналах жирной чертой все, что было до меня, и начала свою работу с новой строки. И дело по-

шло, даже свободное время стало появляться. Вот и решила приобщиться к чисто медицинской работе. А кроме того, по старой привычке помогала начхозу. И видимо, здорово переутомилась: в 1944 году заболела туберкулезом.

Пятнадцать лет болела. Лекарства мало помогали. И только волевая закалка, полученная в старом и новом коллективах, помогла преодолеть недуг. И еще после войны более тридцати лет проработала на заводе радиоаппаратуры. Вырастила дочь, сына, есть еще силы растить внуков, встречаться со старыми друзьями, подругами, вспоминать прошлое, полнокровно жить нынешними проблемами. А они далеко не просты, нынешние проблемы. Пожалуй, не проще, чем те, что когда-то решали мы.

Как-то мы весь вечер проспорили на эту тему с моей давней подругой, бывшей в свое время старшиной в нашем медсанбате, Ниной Костычевой. Ее немного страшит та резкость, с какой партия взялась за коренные преобразования в жизни нашего общества. А мне все это нравится, так как я верю в своих детей, в детей Костычевой, в их поколение, которое если не все, то главное — чувство долга, честное отношение к труду — переняло у нас, своих отцов и дедов.

Рядовой в отставке
Н. К. ЕГОРОВСКИЙ,
бывший шофер
фронтového склада

ВЕЗЛИ МЫ НА ФРОНТ ТЕПЛО

У двери военкомата длинная цепочка нетерпеливых людей, но нас с Володей Биневским, одетых в военную форму, пропускают без очереди. И раньше к военным было большое уважение, а теперь, с началом войны, оно еще больше возросло.

— Постучись, — говорит мне Володя.

Я делаю два легких удара в дверь. Биневскому явно не нравится моя робость. Он сам стучит сильно и решительно. Не слушая ответа изнутри, он входит в кабинет. Я тоже вступаю туда вслед за ним.

Еще до того как решиться на этот поход, Биневский учил меня, как надо разговаривать с тыловыми крысами, имея в виду военкоматских работников. Их надо подавлять волей и напором.

Я соглашался с ним, но про себя думал: «Хорошо тебе с твоей комплекцией рассуждать, а какую волю и какой напор проявлю я?» И сейчас в кабинете райвоенкома я, на всякий случай, слегка прикрылся спиной Володи.

— Слушаю вас, — военком приподнял голову от бумаг, лежавших перед ним. Худой, малорослый, глаза злые. Видно, от усталости и недосыпу. Биневский тоже заметил тщедушность майора и, совсем осмелев, стал говорить, что мы, то есть он и я, хотим немедленно пасть на фронт.

Видя на нас военную форму, военком никак не мог понять нас. А что тут понимать? Идет война, фашист прет к самому Ленинграду, да и на других фронтах не все ладно, а тут совершенно здоровых людей ни за что ни про что держат при вещевом складе!

— Может, кому-то и хочется отсидеться в тылу, — говорит Биневский, открывая наш самый главный козырь, — но только не нам.

Майор медленно поднимается из-за стола и, прихрамывая, выходит к нам. Одна нога у него явно не своя, и он еще не совсем освоился с протезом. Мы с Биневским, как замороженные, глядим на эту ногу и чувствуем, как вся наша решительность и весь наш напор испаряются без остатка.

— Вы кто? Водители? — спрашивает комиссар, пряча на своем лице подобие улыбки. — На каком, говорите, складе работаете? А-а, на фронтовом 164-м! Это же большой склад, и работы там у вас сейчас, как я догадываюсь, невпроворот. По сути дела вы уже на передовой. Вам еще не раз придется помотаться под бомбежками и артобстрелами. А когда на Ладогу попадете, так фронт покажется санаторием... Впрочем, пошутили и хватит. Слыхали, что есть приказ Главкома о том, чтобы всячески беречь шоферов? Вас же, чертей, сейчас даже в бронетанковые войска запрещено переводить. Чуете, в какой вы чести? Так что идите и не мутите воду. Не школьники уже, чай...

Это был наш третий поворот от ворот, какой мы с Биневским получили за несколько месяцев войны.

— Да-а, дела, — крикает смущенно Володя, выходя из подъезда военкомата. Мне смешно, хочется расхохотаться, но я сдерживаюсь. Чего доброго, это не понравится моему другу.

Я, еще когда мы шли сюда, сильно сомневался в успехе. Так уж получается, что с военной службой мне давно, смолоду, не везет. Из четырех нас, братьев, трое — военные или побывали на войне, только до меня очередь не доходит. Как-то было уже налажился поступить в военное училище, да братья отговорили. Мол, с матерью некому быть. Она у нас уже старенькая была, уеду я — совсем одна останется. Вот и работал я в колхозе. Вначале рабочим, затем председателем избрали. Тут уже и райком партии броню наложил. Однако в финскую кампанию удалось-таки мне уломать райвоенкома. Только призывали, поучили на водительских курсах, и как раз война закончилась. Что теперь делать? Третий брат, Федор,

посоветовал после демобилизации идти к нему поффером на склад военного имущества. Я согласился. Здесь и застала меня война.

Многих в первые дни войны забрали на фронт, но водителей не тронули. Вначале мы с Биневским пошли к своему начальству. Мол, нельзя ли в действующую часть куда-то? Оказалось, нельзя. Мы тогда — в военкомат. Вначале в один, потом в другой — и снова осечки.

На складе, пока мы отсутствовали, нас хватились. Не успели показаться, как велели срочно выехать за песком для борьбы с зажигалками. А где его, этот песок, брат? Надо же за город ехать, а самого загорода уже не существует, фрицы везде на высотах посасели. И тут Биневский вспомнил, что у Пулкова, где он жил до войны, есть песчаные места. Несемся двумя машинами через весь город, проскакиваем Среднюю Рогатку, и вдруг наперерез лейтенант с перекошенным лицом и с наганом в руке.

— Куда вы, мать-перемать? Или специально демаскируете нас перед врагом?

И только тут мы замечаем, что едва наши передовые позиции не проскочили. Вот это дела!

Смотрю, Биневский буквально на одном заднем колесе развернулся в обратную сторону. Я тоже повторяю этот трюк, и не успеваем метров сто отъехать назад, как ударила немецкая артиллерия. Я было хотел выскочить из кабины, но мой напарник рванул свой газик в сторону, через придорожные канавы в какую-то низину, в гущу кустов и деревьев. Я — за ним. И вот уже слышу: взрывы, которые все время шли по нашим пятам, теперь куда-то в сторону отошли. Теперь можно и по тормозам.

Отдышались, огляделись после артобстрела, все вроде нормально, только в машине Биневского больше десяти пробоин, однако мотор работает. До песка ли теперь? Но Биневский в азарте. Нет, говорит, без песка мы не можем приехать. Воевать так воевать. Едем какими-то задворками и в одном месте натываемся на разбросанную кучу грязного подобия песка. Если нет ничего лучше, и такой сойдет.

На обратном пути на Средней Рогатке нас останавливает регулировщица. Вражеский снаряд попал в трамвайный вагон. Есть раненые и убитые. Раненых уже отправили в госпитали, надо погрузить трупы. Только куда их — кузова полны песку. Регулировщица отпускает нас...

Таким было мое первое боевое крещение.

А через день-два снова оказался вблизи передовых позиций на южной окраине Ленинграда. В паре с другим водителем возили туда на дивизионный обменный пункт (ДОП) партию чистого солдатского белья. На этот раз нас снайперы вражеские слегка пощипали.

Особенно напряженной была работа по развозке теплого обмундирования. Его было мало, так как основной запас мы в самом начале войны отправили со своего склада в Вологду. Остатки старались беречь. Не дай бог попасть под обстрел или бомбежку. Старались в основном ездить ночью. А какая езда ночью в осеннюю пору, когда все дороги развезло? Если бы еще с фарами, тогда и разговору никакого не было бы, а то светомаскировка ведь. Лишь на секунду-другую включишь и тут же жди снаряды или мины. У немцев-то многие наши дороги были пристреляны. Они и вслепую били довольно точно.

Плохо еще было с бензином. Его выдавали по лимиту. А ездить надо. Наш груз, как мы видели, всегда ждали на передовой. Однажды, когда мы привезли ватные брюки и бушлаты под Невскую Дубровку, нас командир при всех расцеловал.

— Вот за это спасибо,— говорил он, ощупывая одежду.

Что мы в таких случаях делали? Как увидел подбитую машину, так ведро в зубы — и к ней. Бьют ли, стреляют,— не до этого, ползешь, бежишь с надеждой, а вдруг литр-другой бензина перепадет. Если перепадало больше, счастливей тебя не было тогда человека.

И экономить учились. То есть иной раз ночь после трудной ездки не спишь, регулируешь карбюратор, делаешь профилактику мотору. И в пути изыскиваешь способ хоть сколько бы сэкономить горючего. При встречах, когда бывало съедемся у себя на складе, мы, шоферы, только об экономии и говорим. И конечно же, о доме, родных и еде. Это уже как водится, но главная тема — как сделать так, чтобы не простаивать без дела.

С запчастями тоже было трудно. Все сами изыскивали. Тем же способом, что и бензин.

Потом началось у нас движение за то, кто больше груза увезет. Спасибо нашим конструкторам. На машинах ГАЗ-АА, то есть полуторках, о которых, кстати, уйма анекдотов ходила, так вот на этих машинах мы ухитрились не по полторы, а по две с половиной и даже по три тонны возить. Кряхтит вся, бедная, а тащит.

— Она что, с танковым мотором у вас? — спросил

как-то нашего водителя Майкова один командир на передовой.

— Нет, обычный стоит.

— Тогда, надо полагать, в вас самом танковый мотор,— засмеялся офицер.

А Майков не понял сразу, что это шутка, стал себя ощущивать. А может, он сам таким образом отшутился. Приехал, рассказывает нам об этом разговоре и смеется сам.

Куда только, на какие участки фронта не доводилось за время блокады, да и потом, когда ее прорвали, ездить. Одно время с Комендантского аэродрома возили вещевое имущество, какое на самолетах нам доставляли. Вот когда попереживали. Не за себя, конечно, а за летчиков. Летали они низко, иногда под самыми облаками. Садись прямо с ходу, будто плюхались. Один, второй, третий...

Иногда смотрим, а одного или двух каких-то экипажей нет. Вот и гадаем, что с ними: может, на вынужденную где приземлились, а может... Всякое бывало. Ждем десять минут, двадцать, полчаса. И когда знаем, что все, никакого бензина у самолета уже нет, все равно ждем. Немецкие истребители сильно охотились за нашими транспортниками. Жертва-то безобидная, почему бы не проявить свою «храбрость»?

Если садились какие экипажи на вынужденную, их обязательно отыскивали, и тогда туда кто-то из нас ехал забрать груз. Мне лично не доводилось, а ребята наши некоторые ездили. Как правило, добираться надо было по целине, по болотинам или по лесу. Вот где бывало приключений!

Из всех рейсов мне запомнились поездки в район Невской Дубровки, в Шлиссельбург, когда наши его только-только освободили. Ветер, поземка такая несет, что кажется — это вся земля куда-то сдвинулась. Мотор ни на минуту нельзя заглушить. Сразу же прихватит воду, и тогда пиши пропало. Мы везли бушлаты и валенки. На контрольно-пропускном пункте нас еще не хотели пропускать. Молодой солдатик стоит с винтовкой и говорит:

— Вы можете вместе со своими валенками сразу какую в наши наступающие части завезти.

Грузчиками и за старших у нас ездили девчонки из рабочей женской роты. Они растерялись немного. А я выскочил и говорю этому солдатику, что он сам — зараза в армии. Люди там в шинелишках и сапожках по такому морозу в атаку идут, а он — «заразу завезете»!

Очень трудно было обслуживать наступающие войска. Все время догонять своих приходилось. А дороги-то, когда танки и артиллерия пройдут! Они только машины и шоферские нервы портят. Однако же прыгаешь по колдобинам навроде трусливой лягушки. А тут еще и обгонять всякие обозы надо. А они за время обороны такие громадные стали, иные на десятки километров за наступающими тянутся. Не обойти и не объехать. Правда, увидят, что, скажем, бушлаты возем, уступят дорогу. Часто такое бывало. При наступлении люди как-то сразу добрее становятся.

Очень памятной для меня была одна ездка через Ладогу. Надо было для летной школы, что на улице Красного Курсанта размещалась, продукты из Кобоны привезти. Погода была метельная. Не то чтобы круговерть какая, чуть послабее, но то сверху снегом начнет сыпать, то сверху перестанет, зато по земле его струями понесет. И тогда дороги совсем не видно. Едешь и не знаешь: может, прямо в промоину катишь. Вешки одни видать, да иногда человеческая фигура с флажками замаячит. Девчушки-регулировщицы показывают, куда можно, а куда нельзя крутить баранку.

Перед тем, как пуститься через Ладогу, я со многими шоферами из одного автобата потолковал, они мне всяких советов надавали. Ехавший со мной за старшего лейтенант — начпрод школы — хотел было переждать поземку, но водители те отсоветовали ему. Мол, как раз в такую погоду и ездить: ни бомбежки тебе, ни артобстрела из Шлиссельбурга.

Едем, а машину слегка так покачивает. Лейтенант смотрит на меня, а я уже знаю из рассказов своих коллег, что это Ладога балует, то есть штормит там, где нет льда, а сюда отдает. Успокоил своего старшего, а собственная душа, чую, не на месте. В одних местах лед чистый, как темное стекло. Катим по нему, а из-под колес пучки трещин пошли. И даже треск сквозь гул мотора слышим. Вот, думаю, теперь, кажется, отъездился ты, товарищ Егоровский! Так хотелось ударить по тормозам, но не могу. Задание есть задание. Еще когда меня послали, говорили, что кровь из носу, а продукты должны быть доставлены...

И все же самое худшее было, когда мы добрались до Кобоны. Как увидел я штабеля с мешками муки, с ящиками консервов, с тушами говяжьего и свиного мяса, так едва в обморок не упал. Боже, какое богатство тут собрано! Тысячи вагонов. Куда ни помотришь, везде эти шта-

беля высаятся. Как же все-таки заботится о нас вся страна, подумалось в первую минуту. И тут же подумалось о сволочах фашистах, задумавших уморить нас голодом. Не выйдет, гитлеровское вы отродье! И злость и радость смешались в душе. И смеяться и плакать хочется. А тут еще спазмы в желудке начались — откуда-то запахом жареного мяса потянуло. Кладовщик посмотрел на меня и лейтенанта и велел идти к нему в землянку.

— Не вздумайте сами себе готовить, — сказал он мне. — Вот я дам вам сейчас по кружке жидкого бульона — этого вам хватит. И перед отъездом покормлю.

Я посчитал, что жадничает мужик, и все-таки попросил у него кусочек мяса. Он покачал головой, но дал. Я съел его и часа два от болей в животе не знал, куда деваться. Весь желудок наизнанку вывернуло.

— Скажи спасибо, что я не дал тебе больше, — ругался на меня кладовщик.

В тот же день вечером мы выехали назад. Когда разгружали мешки с крупой в Ленинграде, лейтенант виновато посмотрел на меня и сказал, что он бы рад дать мне с полкило крупы, но никак не может. Вот так в заводской упаковке он должен и сдать весь груз...

Довелось мне по Дороге жизни и в качестве пассажира прокатиться. Это когда нас с Биневским в Вологду, на филиал нашего склада, командировали. Вот тут-то все прелести, какими была богата ледовая дорога, достались нам сполна. Нас и бомбили, и из пушек обстреливали, и в трещину едва не угодили.

Кроме нас в машине ехали женщины с детьми. На них страшно было смотреть — кожа и кости. С ними же мы и в поезде до Вологды добирались. Не все они доехали. Несколько человек умерло от голода по дороге. Было бы еще хуже, не раздобудь Биневский на одной остановке целую бочку со смолой. Ею мы топили буржуйку, и в вагоне было тепло.

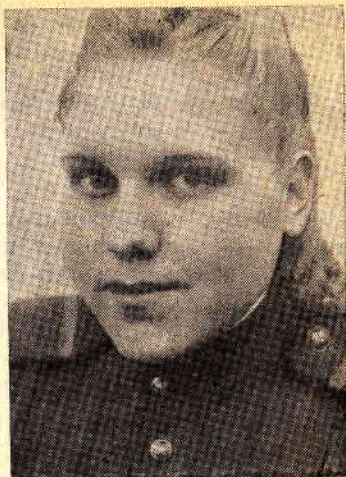
— Перво-наперво, — говорил Володя, — в Вологде мы пойдем на рынок. Все деньги растратим на еду. Больше всего мне хочется вдоволь наесться мяса...

Кроме капустных кочерыжек на вологодском рынке ничего не было. Они тоже нас устраивали.

В Вологде мы свозили на склад теплую одежду и белье, собранные у местного населения. Машины здесь были хуже, чем даже в Ленинграде. Все лучшее отдавалось фронту.

Однажды, вернувшись из очередного рейса, я не застал дома Володю. На столе лежала записка. В ней он

**Рядовая в отставке
И. А. ПРОКОПЕНКО,
бывшая рабочая
фронтového вещевого склада**

ЧТО МОГУТ ДЕВУШКИ?

Ясная, во всех деталях четкая, словно это было вчера, стоит перед глазами вот такая картинка.

Мы, группа девушек, с просительным видом, переминаясь с ноги на ногу, стоим в тесном кабинетике райвоенкома. Он же, судя по всему, из раненых — нервный очень, — то вскочит резко, то снова упадет на стул. И щека левая у него при этом сильно подергивается.

— Кто вас сюда направил? — в который раз спрашивает у нас капитан, почему-то все время обращаясь именно ко мне.

— Из нашего заводоуправления направили...

— Какого завода? Имени Жданова? Вы что, работали там? — Он с недоверием смотрит на наши шуплые от голода фигурки. Мы ему наверняка кажемся подростками-школьницами. — Вот и продолжайте работать на своем заводе.

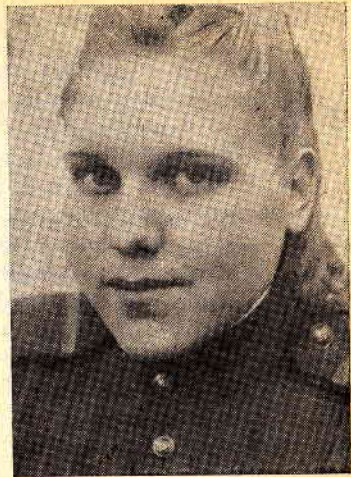
— Да разбомбило там все, — говорю я.

— И нашего инструктора по электросварке Макарову Нату убило, — добавляет одна из моих подружек.

— Гм... Может, мне вас на окопы послать?

— Были мы там. Вчера на последнем трамвае убежали от немцев.

— Вот как! — Капитан уже с некоторым интересом смотрит на нас. О последнем трамвае в Стрельне, вы-

Рядовая в отставке
И. А. ПРОКОПЕНКО,
бывшая рабочая
фронтového вещевого склада

ЧТО МОГУТ ДЕВУШКИ?

Ясная, во всех деталях четкая, словно это было вчера, стоит перед глазами вот такая картинка.

Мы, группа девушек, с просительным видом, переминаясь с ноги на ногу, стоим в тесном кабинетике райвоенкома. Он же, судя по всему, из раненых — нервный очень, — то вскочит резко, то снова упадет на стул. И щека левая у него при этом сильно подергивается.

— Кто вас сюда направил? — в который раз спрашивает у нас капитан, почему-то все время обращаясь именно ко мне.

— Из нашего заводууправления направили...

— Какого завода? Имени Жданова? Вы что, работали там? — Он с недоверием смотрит на наши щуплые от голода фигурки. Мы ему наверняка кажемся подростками-школьницами. — Вот и продолжайте работать на своем заводе.

— Да разбомбило там все, — говорю я.

— И нашего инструктора по электросварке Макарову Нату убило, — добавляет одна из моих подружек.

— Гм... Может, мне вас на окопы послать?

— Были мы там. Вчера на последнем трамвае убежали от немцев.

— Вот как! — Капитан уже с некоторым интересом смотрит на нас. О последнем трамвае в Стрельне, вы-

рвавшемся из-под носа фашистов, он, очевидно, уже слышал.

Кстати, после войны этот трамвай показывали в кино и еще на какой-то выставке его экспонировали. На нем мы как раз и вырвались из рук фашистов.

Капитан задумался.

Не знаю, как бы он в конце концов поступил с нами (скорее всего, выпроводил бы восвояси), если бы на наше счастье в кабинетик не втиснулся полноватый сержант. С военкомом они были на самой дружеской ноге.

— Вот! — почему-то обрадованно вскочил со стула военком. — Хоть ты растолкуй им, что армия не детский сад и даже не пионерский лагерь.

Сложив руки на животике, сержант с улыбкой оглядел нас.

— А что, — сказал он. — Девчата как девчата. Я бы взял их к себе на склад.

— Уж не грузчиками ли? — Капитан упал на стул, и щека его часто-часто запрыгала вверх-вниз.

Но сержант Володарский (фамилию его я на всю жизнь запомнила) и ухом не повел на слова капитана.

— Ну как, девчата, — обратился он к нам, — подходит мое предложение? Поначалу пока дадим вам работку полегче — фурнитуру сортировать, а потом, как подкормим и подзакалим немного, там видно будет. Там сами разберетесь, что к чему.

Володарский нам понравился. И предложение его нам понравилось. Как-никак склад-то военный. Конечно, работа на нем далеко не то, что, скажем, на поле боя раны перевязывать, но все же...

Родители мои были непоседливыми. В тридцатые годы по вербовке вся наша семья уехала в город Полярный. Перед самой войной отец отправил маму и нас, детей, в Ленинград с расчетом, чтобы и самому через месяц приехать в отпуск. И тут как раз началась война. С приближением фронта я пошла на завод имени Жданова ученицей электросварщика. Учеба шла быстро. Уже в начале августа наша группа учениц самостоятельно варила стапеля. Все шло хорошо, пока однажды ночью на завод не обрушились немецкие бомбы. Было много жертв. В числе других погибла и наш любимый инструктор Ната Макарова.

Нас, учениц, теперь не знали, куда пристроить. Вначале поручили топить общежитие, потом послали под Стрельну рыть окопы.

Вот там нас едва не отрезали немцы от своих. Спас проезжавший мимо на машине молодой командир. Заметив нас, он свернул к окопам и велел срочно бежать к городу. Тех, кто был постарше, он посадил к себе в кузов. Мы только добежали до трамвайной остановки, и тут как раз трамвай подходит, а с другой стороны немцы бегут с автоматами...

На заводе потом несколько дней шла суматоха. Размонтировывали и отправляли в глубь страны оборудование, эвакуировали семьи рабочих. Я успела посадить в вагон маму, а сама осталась. Остался еще и младший братик — он учился в ФЗО.

У меня была мечта стать сандружинницей и уйти на фронт. И подружки горели такой же идеей. С ней мы и явились в военкомат. Но, как оказалось, ростом не вышли.

Володарский был очень деловым человеком. Уже на другой день я была зачислена в 86-ю отдельную рабочую роту, в задачу которой входило обеспечение войск фронта обмундированием.

Вначале нас, действительно, не загружали тяжелой работой, все больше привлекали к сортировке, упаковке. И лишь когда мы втянулись в новое для нас дело, когда немного окрепли, стали и к погрузо-разгрузочным работам привлекать.

Не девичье это, конечно же, было дело — таскать тюки и ящики. Но как, может, ни странно, нас не тяжести пугали. Очень уж не нравилась нам караульная служба с ее стоянием под зимним ветром у какого-нибудь склада. И служба внутреннего наряда не нравилась. Но хуже всего досаждал всем... голос нашего старшины.

Мы и сейчас, через десятки лет, встречаясь, вспоминаем в первую очередь старшину и его скрипучий голос. Впрочем, человек он, видно, был неплохой, да и голос как голос, а вся беда была в тех командах, какие он подавал. Только к утру разоспишься и вдруг: «Рота, подъем!»

Поднимал зачастую старшина и когда нам давалось время отдохнуть после очередной ездки. Понимаем, что не по своей воле человек стягивает с нас одеяла, а злимся на него. Ведь это означало, что надо снова грузить машины, трястись куда-то, в какую-то дальнюю дыру.

Не знаю, что, собственно, удерживало нас в роте. Ведь многим не раз представлялись случаи перейти куда-нибудь на более подходящую работу. Однако, нет, никто не уходил.

Все дело, видно, в том, что мы хорошо понимали важность своей работы. Да и стыдно было в годы войны пассивать перед трудностями. Всем было нелегко.

Ко мне такая сознательность уже в первой моей поездке в одну из воинских частей, уходивших в бой, пришла.

Вот так же, как обычно, среди ночи нас разбудил скрипучий голос старшины: «Подъем, девочки, подъем! Спать у мамки дома будете!» Мы в полузабытьи натягиваем на головы одеяла, но старшина, как сама судьба, неумолим.

В казарме холодно, а на улице ветер снег колючий крутит. Машины уже у ворот городка дожидаются нас.

Выехали в тот раз небольшой бригадой: Аня Чумакова, Аня Седова, Эля Игнатович, Маша Смирнова и я. На складе нам выдают по строгому счету тюки с маскхалатами.

— Слава богу, что не ящики с сапогами, — говорит Эля Игнатович.

Сапоги эти нам здорово врезались в память. Как-то нас послали на разгрузку баржи, прибывшей с восточного берега Ладоги. Кроме другого имущества на барже оказались и вот эти ящики с сапогами. В них в каждом по 87 килограммов весу. Это не всякому мужчине по силам, а тут девчухи, вчерашние десятиклассницы. Маша Смирнова и Аня Седова как увидели эти ящики, так и присели в ужасе: «Что же с ними, родными, мы будем делать?»

Эля Игнатович посмотрела на меня молча, а я на нее.

— Что ж, попробуем? — спросила Эля. — Надо же кому-то.

— Давай, — согласилась я.

Мы с нею были самые крупные телосложением и в физическую работу уже втянулись.

Вначале Эля подставила свою спину, затем я. Нести груз было всего ничего — тридцать метров. Но их надо было пройти по трапу, а он, сволочь, вибрирует под ногами. И наши ноги вибрируют, подкашиваются, вот-вот грохнемся. И не куда-нибудь грохнемся, а в воду. Впрочем, и это не самое худшее. Плохо, что баржа останется неразгруженной — вот это уже страшно!

Выдержали мы тогда испытание на силу и выносливость. Правда, от одного воспоминания о тех ящиках душа в пятки уходит.

И сейчас, когда Эля Игнатович задела больную тему, девчонки ей кулаками в спину слегка насовали.

Водителями в тот раз, в поездке в Сертолово, были, кажется, Афанасий Матушкин и Павел Майков. Отличные водители. Они ухитрились свои полуторки загружать двумя и даже тремя тоннами груза. И не было такой дороги, по какой они не проехали бы. Они помогли нам увязать тюки и посадили на верхотуру.

Бойцы нас, как всегда в таких случаях, встретили весело. Шуточки, насмешечки всякие, предложение рук и сердец, которые мы не отказывались великодушно принять, но советовали временно пока подержать у себя, так как в бою они им еще пригодятся. Хохот, топот ног. И вдруг к нам подбегает один сержант. Лицо злое, весь дрожит от гнева.

— Это что такое? — кричит Эле. — Почему у нескольких халатов нет кушаков?

Мы так и обмерли. Тем более, что все подразделение вдруг словно оцетинилось против нас. Вот тебе и руки, вот тебе и сердца!

— Ой, мальчики! — вскрикнула Аня Седова. — Они у нас в кабине, при погрузке выпали, а мы их отдельно положили. Я сейчас принесу...

— Ладно, извините, сестренки, что так получилось, — сказал сержант. — Но поймите: нам без кушаков в бою никак нельзя. На подворотнички и кальсоны можно использовать...

В ту ночь мы еще две машины полушубков в эту часть доставили. За несколько минут до начала марша успели. А в казарме у себя немного поговорили между собой. Решение приняли такое: впредь никакого баловства и никакой небрежности при работе с солдатским имуществом не допускать...

В блокаду силы наши заметно стали таять. И если у нас не было явных дистрофиков, то это благодаря товарищеской взаимовыручке. Случалось, кому-то из нас на передовой бойцы, оторвав от себя, дарили полкраюхи хлеба. Все это в целости, до единой крошки везли в роту и здесь делили всем поровну. Особенно поддерживали больных.

Как ни недолюбливали мы старшину, а требования его исполняли, и в роте всегда поддерживалась дисциплина, порядок. И это тоже играло большую роль в сохранении здоровья. Оно ведь как: порядок вокруг — и в душе лад.

Особенно щепетильны мы были в выполнении заданий. Присяга присягой, уставы уставами, а у нас еще и свое понятие о чести и достоинстве члена коллектива

существовало. Это прежде всего — никакого нытья в работе. Перед трудностями не стонать. А слезам теперь, во время войны, не только Москва не верит... Хороший свод правил и требований был. Жестковатый, может быть, но по тем временам самый подходящий. Ведь трудности день ото дня росли. Для кого наступление каким-то облегчением было, а нам оно добавило работы.

Однажды в январе 1943 года нас с Элей Игнатович на двух машинах командировали под Шлиссельбург. Везли мы валенки. По сильному морозу, артиллерийской канонаде, доносившейся со стороны Ладоги, мы догадывались, как нужны сейчас бойцам наши валенки. А дороги, как назло, разбиты до предела и машинами, пушками, повозками запружены — ни обойти, ни объехать. Спасибо шоферам. Из любых пробок выворачиваются.

До места назначения на станцию Назия добрались минута в минуту точно, однако часть, в которую мы спешили, уже ушла вперед. Что делать? Конечно же, мчать за нею. Кузов прыгает, как мяч резиновый. И вот мы врываемся на наплавной мост и едва не умираем от страха. Мост-то под колесами ходуном ходит! Проскочили его и берем курс на Шлиссельбург. А там, перед самым въездом, — КПП со плагбаумом и часовой винтовой преграждает путь. Мол, куда прете? Документы! Боже, какие еще тут документы? Впрочем, вот они, в кузове целой горой лежат.

Часовой смотрит на валенки и пропускает нас.

Ворвались в город, мечемся по какому-то пустырю, а может, по площади, и тут, словно в атаке, на нас наваливается лавина бойцов. Оказывается, это те, кому мы и везли валенки.

— Считать будете? — спрашиваем командира.

— Что считать? — не понимает он вопроса. А потом вдруг дошло: — Мы тут голов своих не считаем, сестренки родные, а вы — валенки!

Мы смотрим на солдат, вроде те же, что привыкли всегда видеть, но и не те. Все в азарте, на большом душевном подъеме. Вот что значит наступление! Да мы и сами далеко уже не прежние, не те, какими были в оброне. И в нас неизвестно откуда азарт и смелость появляются. Немцы ведь совсем рядом, поблизости мины рвутся, пули посвистывают, а нам хоть бы что.

На выезде из Шлиссельбурга нас неожиданно задерживает медицинский пост. Велят пройти через санпропускник.

— Вы что, — кричим, — девочки, доктора милые? Мы

два часа назад как из Ленинграда, и сейчас каждая минута дорога. Нам еще бы рейса два с валенками и полуботками сюда сделать!

И никакой досады у нас на медиков не было. Даже немного гордились ими. Вот это постановка дела! Вот это забота о солдате!

Запомнилась еще поездка в только что освобожденный Выборг. Только мы въехали на мост, и тут вдруг начали вокруг рваться снаряды. Афанасий Матушкин сразу на тормоза. Я кричу, чтобы делал что-то, только не стоял бы. И он рванул вперед, навстречу разрывам снарядов, и мы чудом каким-то проскочили через шквал огня. На площади нас регулировщица остановила и приказала нам с Машей Смирновой убрать с дороги труп только что убитого старшего лейтенанта. А мы не знаем, с какого бока к нему подойти. Потом Маша сняла с себя плащ-накидку и мы ее вместо носилок приспособили. Отнесли офицера к подъезду дома. Маша пощупала пульс, но какой там пульс, если у человека вместо головы сплошная рана.

Бежим к машине, и тут я замечаю, что сама регулировщица — строгая такая девушка — ранена. Гимнастерка на плече разорвана, и кровь с руки стекает. Однако от нашей помощи отмахнулась: некогда. И действительно, машины с разных сторон на перекресток напирают.

Сдав шинели, мы на обратном пути случайно выехали к финскому вещевому складу. Заглянули и обомлели, зачарованные выставленными на стеллажах грудями красивой столовой посуды. Кладовщик предложил взять какую-нибудь безделушку на память. Но мы отказались. Вот если бы пачка галет отыскалась...

У моста попали в гущу коров и коз, мечущихся между машинами и повозками. Одну козу мы погрузили в кузов. Хотели старшине нашему в подарок привезти, пусть доит в свободное время. Однако шутка не удалась. На выезде из города солдаты на КПП велели снять козу.

— Не жалейте, — успокаивал нас водитель Матушкин. — Это не коза, а козел был...

Первая дальняя командировка была под Гдов. Вот когда мы по-настоящему ощутили боевую обстановку. Наши наступали стремительно, все дороги были забиты обозами, автомобильным транспортом. Слева и справа на обочинах валяются искореженные немецкие машины, орудия и танки. Мы едем шестью машинами, везем солдатские каски. Едем строго по колее, как нам посоветовал один из командиров, руководивших движением. Предосто-

рожность была не лишней. На наших глазах впереди идущая повозка пыталась объехать какой-то затор, и тут же раздался взрыв мины. Мы еще потом оттаскивали с колеи труп лошади.

Перед Гдовом нас остановили. В городе еще шел бой. Водители сказали, что это теперь надолго, и улеглись спать в кабинах. А мы для ночевки облюбовали небольшую конюшню. Лошадей оттуда только что увели, от них еще тепло сохранилось. Мы натаскали касок из своих машин, устроили из них настил, накрыли сеном и спокойно проспали до утра.

В город въехали, когда на противоположной его окраине еще гремел бой. Каски мы считали не больше, чем простыми железками, и удивились очень, увидев, как бойцы им обрадовались. А те, кому не достались, были всерьез расстроены. Тогда я вспомнила про те каски, что мы оставили в конюшне, побежала к машине Павла Майкова.

— Гони, Папа, туда, где ночью стояли.

Подразделение догнали в районе их сосредоточения для очередного боя. Регулировщики нас, конечно же, не пускали, но мы как-то прорвались. И тут начался минометный обстрел. Видно, по нашей машине немцы метили. Майков на чем свет стоит костерит меня и всех наших девчат. А я сама ни жива ни мертва сижу и только прошу гнать машину побыстрее.

Когда потом вернулись в Гдов, я часа два от страха отходила. Слезы льются, никак не удержать. Видно, нервное напряжение сказалось, а может, и от радости, что все-таки догнали солдат, отдали им каски...

Поездка в освобожденный Пушкин запомнилась ящиками с головами немецких офицеров. Мы все никак не могли понять, что бы это значило, пока пленные фашисты не объяснили. Оказывается, это все было подготовлено для отправки в Германию. Богатые родственники убитых очень дорого платили за такую посылку, а «великому рейху» деньги очень нужны были.

И разумеется, не могу не рассказать еще об одной поездке на фронт. Точнее, на остров Эзель. Тут все было посложнее, чем во всех предыдущих командировках, так как кроме стрелковых частей, артиллерии действовали еще и морские корабли. Мы везли морякам бушлаты. Машины верхом были загружены ими. Лучшей мишени для какого-нибудь финского тральщика и не придумать.

Однако памятна для меня эта поездка совсем другим. Отсюда берет начало моя семейная судьба.

После сдачи имущества мы решили прогуляться по городку. И нарвались на патрулей. Морячки буквально озверели, увидев нас. Это, мол, что за явление здесь? Немедленно убраться в убежище! А лучше вообще с острова. В любую минуту могут подойти финские корабли, и тут такая каша заварится! Я было начала отговариваться, но один старшина за пистолет начал хвататься. Дело, видно, и правда было нешуточное.

Не знаю почему, но старшина этот запомнился. Лицо у него было какое-то странное. Сам вроде кипит от гнева, рукой по кобуре шарит, а в глазах такая доброта русская проглядывает, что и не передать даже. И сама его злость не кажется злостью.

В роте мы еще рассказали об этом эпизоде, посмеялись сами над собой, как прогуляться решили на передовой. И вдруг где-то через год я этого старшину встретила. Мы с Элей Игнатович куда-то на машине ехали и на улице Дзержинского на мосту через канал Грибоедова увидели его. Эля первой узнала, остановила машину и окликнула, а старшина сразу никак не поймет, кто мы и что мы и откуда знаем его, а вспомнив, вдруг тоже обрадовался. Даже за тот случай на острове извинился и обещал зайти к нам в гости. И мы ждали его, как условились, но он не пришел. Мы не очень обиделись: мало ли что случается в военной жизни. Да и встреча-то мимолетная, никого ни к чему не обязывающая.

Однако в середине вечера, какой мы организовали по случаю своей демобилизации, вдруг он, этот старшина, появляется. И откуда только адрес узнал. Пришел, и с того дня мы с ним, Борисом Прокопенко, больше и не расставались...

Жизнь еще была трудной, но молодость брала свое. И еще как брала. Из-за этого и службу закончила гауптвахтой. Может, не стоило бы об этом вспоминать, но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

После снятия блокады город стал быстро оживать. Появились новые магазины, люди приоделись, повеселели, один за другим открывались кинотеатры. Наше общежитие было неподалеку от «Молнии», мы туда частенько забегали, а когда появился фильм «В шесть часов вечера после войны», мы решили на первом же сеансе побывать, но нас многих почему-то в тот вечер не отпустили в увольнение. Мы с Элей Игнатович решили сходить самовольно. Подговорили дневальную Олю Субботину, чтобы она не закрывала на ночь окно. А когда после филь-

ма сунулись в него — оно закрыто. Пришлось выдавить стекло — не на улице же почевать.

Утром — построение, нам с Элей по докладу командира роты лейтенанта Марии Сивовой командир батальона майор М. С. Обоянцев объявил по 10 суток ареста.

В первый привод нас на гауптвахту не приняли, потребовали привести не в валенках, а в сапогах. На другой день снова повели. Пешком. Мы впереди, а Оля Субботина с винтовкой наперевес чуть сзади. Молим эту Олю, чтобы винтовку на плечо взяла, но она неумолима: от устава ни на шаг.

Через десять дней вернулись, а казарма пуста, вся рота выехала на Восточный фронт. Что делать? Просимся у Обоянцева направить нас учиться на курсы шоферов. Он против. Что, мол, будете делать, когда дети пойдут?

— В кузовах машин будем их возить, — смеется Эля.

Начальник 161-го вещевого склада сдался. Даже плату за обучение склад взял на себя.

Из меня водитель получился средненький, а вот Эля Игнатович стала настоящим асом шоферского дела. Она и на такси работала, и на машинах «скорой помощи». Лихо, очень лихо ездила. Ее все милиционеры ГАИ знали, десятки раз останавливали, но Эля была неисправимый лихач. Оправдывала она свою отчаянность заботой о больных. Однако мне думается, тут было и другое. Не выказывало ли себя неизжитое нами наше девичество — этот замечательный возраст человека?

Собираясь иногда вместе, мы, ветеранки 86-й рабочей роты 161-го фронтового склада, часто говорим об этом, о том, как много хорошего в этой жизни прошло мимо нас. Но говорим без особых сожалений, так как понимаем, что не на пустяки какие-то израсходовали свою юность, а на дело. И на какое еще дело!

Старший техник-лейтенант
в отставке
А. Н. БАЛАНДИНА-ШКОЛЯРОВА,
бывший техник
по качественной приемке

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

В начале сентября 1941 года в Ленинграде еще не было особенно голодно, и блокада ощущалась пока только частыми налетами немецкой авиации. Зенитная артиллерия, наши истребители стойко сдерживали натиск врага, чаще всего не пропускали его к самому городу, но отдельным бомбардировщикам все-таки удавалось прорваться сквозь заслон, и тогда гремели взрывы, рушились здания, погребая под обломками сотни человеческих жизней, в большинстве своем женщин, детей, стариков.

Работы на «Скороходе» и на «Пролетарской победе» было много, рабочие, выполняя тот или иной срочный заказ, зачастую задерживались у своих рабочих мест до позднего вечера, а мы, отвечавшие за качественную приемку изделий, в таких случаях уходили домой уже в полночь, а порой и того позже. В это время как раз и начинались налеты. По правилам по сигналу тревоги надо немедленно бежать в бомбоубежища, оборудованные почти в каждом доме, или, в крайнем случае, просто залечь, но где там! Хотелось скорее попасть домой. Посмотришь только, что нет вокруг патрулей, и еще больше прибавляешь шаг.

Чаще всего почему-то немцы бомбили кварталы в районе Витебского вокзала. В одной из таких бомбежек была тяжело ранена моя подруга инженер-капитан Ма-

рина Паламарчук. Она как раз в тех местах жила. В тот вечер мы вместе уходили с работы, и она еще шутила, что спешит навстречу бомбе. И точно. Утром сообщили, что ее дом разрушен прямым попаданием, что сама Марина ранена. Я ездила к ней и сама видела, как ее увозили на «скорой помощи».

Со мной ездил наш кладовщик Иван Степанович Соловьев. Он любил бывать в нашей молодежной компании и вечером уходил домой вместе с нами. Мы еще вышучивали его. Особенно старалась Марина. И вот теперь ее увозят. Медики на наши тревожные вопросы ничего определенного сказать не могли. А может, и не хотели.

— Это нам ни к чему,— сказал тогда мой непосредственный начальник, руководивший приемкой кожаных изделий, полковник А. Ф. Беляев. — Так вся наша военная приемка останется без людей. На наши должности с улицы человека не возьмешь. Вы-то хоть поберегитесь, не суйтесь под бомбы.

— Постараюсь,— заверила я Алексея Федоровича, сама не сильно веря своим словам, так как мне всегда не хватало времени. Тут, конечно, и непоседливый мой характер давал о себе знать, да и работы было много.

В приемку меня взяли перед самой войной на кожкомбинат «Марксист», потом (уже в начале войны) «довесили» «Скороход». А некоторое время спустя, когда инженер-капитан Евгения Моисеевна Антипова уехала сопровождать в Вологду эшелон, я стала замечать и ее на «Пролетарской победе». И вместо техника Быстрова, ушедшего на фронт, пришлось работать на валяльной фабрике в Парголове-2.

Вот так бежала однажды утром на «Скороход», а тут вдруг артобстрел начался. Мне бы упасть на землю у забора, так нет, продолжаю бежать. Потом остановилась у стены и наблюдаю, как падают снаряды. Одни столбами вздымают землю в метрах ста впереди, другие на таком же расстоянии сзади. Я посередине, между двух огней. Опять повторяю, мне лечь бы тут на месте, но меня что-то толкает вперед, прямо в сторону взрывов. Слышу, кто-то кричит мне, ведет лечь. А я все равно бегу. Потом чувствую, как что-то тяжелое ударило по голове, и все неожиданно поплыло перед глазами.

Видно, я на какое-то время потеряла память, очнулась от голоса надо мной.

— Эта жива,— сказал какой-то мужчина.

— Повезло,— добавила женщина. — Осколок прямо в голову угодил, но удар получился слабый.

— А на ней вон какая шапка. Да и волосами бог не обидел.

Я огляделась. Лежу на носилках в каком-то дворе, вокруг люди разные снуют. Машины «скорой помощи» стоят недалеко. Мне выстригли волосы, перебинтовали голову. Женщина, наверное врач, сказала санитарам, чтобы меня положили в машину, но я запротестовала и стала подниматься с носилок. Какая тут машина, какой госпиталь, если у меня громадная партия сапог, что ночью натачали на фабрике, лежит, дожидается приемки. Бормочу что-то о детях, которые якобы остались одни в квартире вон того дома, что пострадал от снарядов, и меня отпускают, взяв слово, что я сразу же явлюсь в больницу, как все уладится.

— Что с тобой? — встретил испуганно меня кладовщик Соловьев.

И даже главный инженер Михаил Иосифович Магид пришел посмотреть на меня с перебинтованной головой. Всегда предупредительный со мной, он на этот раз превзошел себя, предложил отправить на машине в госпиталь. А тут, мол, Аня Платонова справится одна. Аня — браковщица, но она работает от фабрики, а я — от военной приемки. Дело у нас вроде одно, но интересы не совсем одинаковые.

— Нет, — говорю Михаилу Иосифовичу, — я не очень плохо себя чувствую, вполне отстою смену.

Я намеревалась после проверки очередной партии обуви пойти в свою санитарную часть. Но только управилась с делом, как позвонили с «Пролетарской победы», там тоже я нужна. Оттуда пошла на «Марксист» и домой пришла за полночь. А утром снова по кругу фабрик. И так не довелось больше побывать у врачей по поводу своего ранения.

— Это вы зря не прошли курс лечения, — сказал уже много лет спустя после войны один из докторов.

Я хотела рассказать ему, как мне было трудно в то военное время, но передумала. Врач был молодой, мог просто и не понять, о чем, собственно, идет речь.

Сейчас много говорят и пишут о государственном контроле, государственной приемке, то есть о том, чем я всю войну занималась в Ленинграде. Как близки и понятны мне эти проблемы, решение которых, как мне думается, начать надо было гораздо раньше. Впрочем, и

сейчас не поздно. Только действовать надо смелее и решительнее.

Сама я родом уральская, рано осталась одна, воспитывалась в детдоме. В 1932 году закончила обувную школу ФЗО, а в 1936 году — техникум по шорному делу. Училась хорошо, как подруги говорили, вьедливо. Практику проходила на ленинградском кожкомбинате «Марксист».

Специальность свою я выбрала по доброй воле, а когда поработала на «Марксисте», совсем влюбилась в свою профессию. Этому во многом способствовала та замечательная атмосфера, какая царила на комбинате. Здесь что ни рабочий или работница, то обязательно какая-нибудь знаменитость были.

Как сейчас помню Карасева Михаила Степановича. Он еще до революции военпредом на комбинате был. А потом с возрастом перешел на пошив седел. Это был всемирно известный седельщик. Его дамские седла закупались на мировые состязания по вольтижировке. Только поглядеть на седло, сделанное руками Карасева, считалось для знатоков конного дела большой удачей.

На «Марксисте» работал и Василий Шульгин, тот самый закройщик Шульгин, имя которого перед войной гремело на всю страну как первого стахановца в кожевенном производстве. О нем и сейчас можно найти книги, в которых описывается опыт его работы.

Шелками и золочеными нитками расшивала командирское снаряжение Евдокия Кускова. Каждая мелочь, выходявшая из ее рук, была на строгом учете. Муж у нее был председателем Василеостровского райисполкома, но слава жены в районе затмевала высокую должность мужа. Говорили так:

— Это же муж Евдокии Кусковой...

Отличными седельщиками были муж и жена Юпатовы. Золотыми руками называли руки глухонемого мастера (не помню фамилию), который выполнял тончайшую работу — жилывал ленчики, то есть специальные ремни, крепящиеся к полочке седла.

Отличным специалистом своего дела был начальник шорного цеха Рогов. А уж о главном инженере комбината Иване Васильевиче Питошине и говорить не приходится. Он был настоящий профессор своего дела. Я ему еще студенткой-практиканткой своей дотошностью приглянулась. Он помог и дипломную работу подготовить и вызов на «Марксист» в техникум послал. По его же рекомендации и техником военной приемки стала.

Было это в апреле 1940 года. Военкомат решил призвать меня в армию. Тогда ведь еще кавалерийские части существовали, да и почти вся артиллерия на конной тяге была, и шорники, естественно, нарасхват. Питошин позволил районному инженеру по приемке полковнику А. Ф. Беляеву, и тот добился назначения меня на тот же «Марксист» техником по приемке.

Поначалу жутко очень было. Хотя я до этого много должностей прошла, то есть была и мастером, и начальником цеха, а в последнее время и начальником лаборатории, однако в должность представителя военной приемки вошла не без страха. И это вполне понятно. Одно дело, когда ты сам что-то делаешь, тут ответ только за себя или за небольшой коллектив подчиненных, а представитель приемки отвечает за всю продукцию, какую выпускает комбинат, а кроме того, своим клеймом он как бы ставит оценку тем, кто ее готовил, эту продукцию. Тем же Карасеву, Шульгину, Кусковой, Юпатовым и многим другим, перед кем когда-то преклонялся и преклоняешься. Вот и выходит, что ты словно между двумя огнями: между заказчиком и исполнителем. И тот и другой — организации очень солидные, и силы за ними большие. А что есть ты?

А я есть молодая девушка, недавно закончившая техникум, то есть рожденная тогда, когда эти сидящие перед тобой люди были уже признанными мастерами своего дела.

Но я есть и полномочный представитель армии, а в ее лице — государства. У меня в руках большая власть. Правда, иметь силу — еще не значит быть сильным. К силе нужен еще и характер.

Спасибо коллективу «Марксиста», спасибо главному инженеру комбината Ивану Васильевичу Питошину. Они хорошо поддержали меня на первых порах. Высоким качеством своей работы поддержали, учили меня в любых ситуациях проявлять принципиальность, твердость.

А Питошин рассказал с десятков случаев, когда он сам и мастера цехов ошибались по каким-то пустяковым причинам и не замечали своих ошибок. И он рад строгому контролеру, так как после его проверки может спать спокойно.

Но слова словами, а практика практикой. Кроме качества есть еще план, есть зарплата, зависящая в основном от количества сделанного, есть характеры, не признающие чужого указа.

Обычно браковщики, работающие от предприятия, проверяют всю продукцию, а я — только двадцать процен-

тов. Но в случаях, когда возникают какие-то подозрения, смотрела и половину, а иногда и всю партию. Это не всем нравилось. Приходилось отстаивать свою позицию. Не согласны с моим мнением — вызывайте мое начальство, пусть оно решает.

У меня и раньше характер был не из покладистых, а со временем совсем окреп, закалился. Однажды заметила, что меня кое-кто сторонится. Возникает своего рода антагонизм между рабочими и военной приемкой. А кому это нужно? Не я ли тут виновата? Может, в чем-то перегибаю палку?

— Нет, палку ты не перегибаешь, — сказала однажды мне одна работница цеха, — требования правильно предъявляешь, только как бы запаздываешь, что ли, с ними. Возьми, если видишь что не так, и подойди ко мне, обрати внимание на мой брак. Ведь я иногда ловлю себя на том, что думаю совсем о постороннем. Работаю и думаю.

Верно все. Стала я чаще проходить по рабочим местам, заговаривать с людьми. Эта вот новенькая, к ней почаще подхожу. А вот у этой, скажем, у тети Фроси трое детей дома взаперти голодные сидят. Вот она делала все правильно, и вдруг шило полезло куда-то, а это же постромки.

Потом, когда мне и «Скороход» добавили, такое вот общение особенно было полезно. Люди здесь меня совсем не знали, думали, что я как посторонняя к ним придираюсь. Но раз подошла к одной закройщице, другой, смотрю — разговор завязался. Потом показала ей, как лучше вести раскрой этого материала. Когда-то сама у Василия Шульгина подсмотрела и теперь ей этот опыт передала. И вот уже мы при встрече здороваемся, а когда делаю замечания, она реагирует безболезненно.

Потом вот такой же контакт наладила со всеми мастерами. Дело пошло лучше. Тем более, что к тем, кого лучше знала, я требовательность повышала.

Со многими начальниками цехов у нас установились доверительные отношения. Например, на валяльной фабрике, что была в Парголово, ее директор Поляков сам, кроме браковщиков, осматривал определенный процент изделий. Когда я приходила, он говорил:

— Вот эти я проверил, все нормально, а вот ту партию, посмотри, пожалуйста, повнимательнее.

С одной стороны, было плохо обслуживать сразу четыре предприятия, но с другой — я становилась своеобразным распространителем передового опыта. Здесь уви-

дела одно, а здесь другое. Прихожу, рассказываю, показываю.

И все же скажу, что работа военной приемки, а это относится и к государственной, требует особого подхода к подбору кадров. Не всякому такая работа под силу. Иногда в газетах ратуют за выдвижение в госприемку наиболее грамотных специалистов. Верно, но одной грамотностью не обойдешься. Нужны еще десятки качеств, среди которых на первом месте, по-моему, должна стоять твердость характера.

При всем моем желании мне не всегда удавалось избегать конфликтных ситуаций. А если они возникали, то стояла, как говорится, до конца.

Самый тяжелый случай произошел у меня на фабрике «Скороход». Было это в один из блокадных месяцев. Помню, поступил срочный заказ на большую партию солдатских сапог. Наши готовились к наступлению. Материал весь доставляли самолетами. Фабрика перешла на двухсменную работу. А мы, браковщики и представители военной приемки, практически почти не уходили домой.

Я обычно смотрю каждую пятую пару, а тут стала проверять через одну. Все идет нормально, но вдруг при перегибе одного сапога слышу характерный хруст. Неужели пережог?

Есть такой брак, который возникает при вулканизации подошвы. Перегорают стельки и задники. Происходит это либо по недосмотру мастеров, либо из-за высокой жирности материала. Чаще всего вторая причина и порождает брак. Война ведь шла, везде главное внимание обращалось на план, на количество.

Беру вторую пару — и снова тот же хруст. Начинаю смотреть все сапоги подряд. Браковщица Аня Платонова, работавшая в паре со мной, заметила это, всполошилась, позвала мастера, потом пришел начальник цеха. Он хотел было отмахнуться от моих претензий; мол, заказ срочный, не мешайся тут. Однако я отказалась ставить клеймо и пар двадцать бракованных сапог закрыла у себя в своей конторке. Потребовала главного инженера. Пришел Михаил Иосифович Магид. Он привел с собой начальника лаборатории Алексея Семеновича Шварца. Началось самое настоящее давление на меня с позиции силы и власти. Оно особенно возросло, когда явился сам директор фабрики Михаил Николаевич Бельский. Личность малодоступная, я его всего раза три и видела раньше и, честно сказать, немного побаивалась.

Был момент, когда я было дрогнула, но удержалась. Шутка ли, тысячу пар бракованных сапог послать на передовые позиции!

Директор хотел вообще отстранить меня от приемки, велел сдать клеймо, но я закрылась в своей комнатухе и начала звонить районному инженеру. Тогда им у нас был полковник Т. В. Васильев. Он тут же приехал на фабрику, но и с ним руководство фабрики не хотело считаться. Тихон Васильевич доложил начальнику тыла и члену Военного совета по делам тыла. Дело, смотрю, закрутилось совсем круто. На фабрику наехало крупное начальство. Мне Васильев велел закрыться в своей каморке и ждать вызова. Я так и сделала. Где-то уже среди ночи меня пригласили в кабинет директора. Сразу не разобралась, а потом поняла, тут член Военного совета по тылу Н. В. Соловьев сидит. Он-то и велел мне принести и показать бракованные сапоги.

Бегом я прибежала в цех, к полкам, куда мы обычно складываем брак, а сапог там никаких нет. А те, что лежат на столах, все как один хорошего качества. Да, и такое вот бывало. Кому хочется отвечать, в особенности в условиях военного времени?

Но у меня в каморке спрятано было двадцать пар. Беру их все и несу в кабинет к директору. Демонстрирую хруст, даже вытаскиваю куски обугленных стелек и задников. Магид было сказал, что это не так уж страшно для солдата, но Соловьев на него так метнул взглядом, что он тут же умолк.

Не знаю, какой шел разговор после моего ухода, но через час-полтора все свободные рабочие, работницы стали перебирать эту бракованную партию сапог. Кажется, что-то удалось выбрать. Последующие партии пошли нормальные...

Мне очень хотелось бы здесь написать, как простые рабочие приняли мою сторону, так как у многих были мужья, братья, отцы, деды на фронте. Нет, к великому сожалению, не случилось такого. Напротив, жить мне на «Скоророде» стало все труднее и труднее. Даже кладовщик Иван Степанович Соловьев, любивший побалагурить, пошутить со мной, даже он напрочь отвернулся от моей персоны. И пусть не думают те товарищи, кто борется за внедрение в производство госприемки, что процесс этот пройдет мирно, гладко. Мало людей для этого дела подобрать хороших, надо еще и сами коллективы предприятий в нужном духе воспитать. А это работа и работа!

Полковник медицинской службы
в отставке
И. И. КРАСНОЩЕВ,
бывший старший врач полка

СКАЛЬПЕЛЕМ И АВТОМАТОМ

Пятно на солнце

Утро, как по заказу: нежаркое, солнечное, на небе ни одного облачка. Если бы не задержка с санитарной машиной, можно было бы по два и даже по три прыжка за день сделать. Но «санитарка» застряла где-то, и мы, слушатели военно-медицинской академии, любители парашютного дела лежим теперь в густой траве осоавиахимовского аэродрома, глядим в ясное небо, блаженствуем и злимся одновременно.

Кругом непередаваемая тишина. Над городом, в той стороне, где высветилось солнце, кружит легкий самолет.

— Как бабочка вокруг лампы,— говорит Люзин.

— Нет, это шмель над шляпкой подсолнуха,— дает свое определение Коля Кукаркин.

— Ну и детсад,— возмущается Веня Музыканский. Он комсорг и зачинатель парашютного увлечения в академии, а теперь за старшего и, конечно же, больше всех переживает непредвиденную задержку с прыжками. — Детсад, говорю. Это же темное пятно выскочило нечаянно из солнца и теперь мечется, не зная куда сесть.

Вот дает! Мы все хохочем. Не смеются только преподаватель — наш руководитель прыжков и Тюкин. Майор сидит чуть в сторонке и жует былинку, а Тюкин, зало-

жив руки под голову, сосредоточенно следит за самолетом.

— А что это он, братцы, над городом летает? Не положено ведь,— говорит он вдруг с удивлением.

Мы пропускаем его слова мимо ушей, а Веня Музыканский поворачивает голову к Коле Кукаркину, и тот, лениво поднявшись, направляется к телефонной будке. Он третий раз идет звонить насчет «санитарки». Через минуту возвращается и сообщает, что машины вообще не будет. Причину не сказали.

Минуты три лежим молча. Но вот преподаватель встает с земли, выплевывает с шумом былинку и говорит:

— Сами в случае чего, думаю, справитесь: без пяти минут врачи ведь. Можно прыгать.

— Ох и влетит вам,— говорит Веня Музыканский, а сам с радостью подскакивает и несется к парашютам. Мы тоже бежим за ним...

Конечно же, преподавателю влетело. Я висел в воздухе и видел, как подошла на поле «эмка» и тучноватый командир, вышедший из нее, что-то втолковывал нашему майору.

Напрыгались! Собираем парашюты и злой толпой идем в душевую. Музыканский пересчитал всех по головам, одного не хватает.

— Кого нет? — спрашивает он нас.

— Кукаркин отстал, сейчас подойдет.

Мы уже мылись, когда пришел Кукаркин. Остановился в дверях и молча оглядывает нас.

— А ведь война, братцы,— наконец сообщает он.

Мы как стояли, так и окаменели. Не знаем, что делать и что говорить. Первым нашелся Тюкин:

— Я же говорил вам: какого черта он над городом кружит? Не положено ведь над городом...

«Вот тебе и пятно на солнце!» — подумал я.

Горючая смесь

Академия бурлит. У нас возобновились занятия. Идем по самой уплотненной программе, какая может быть. Много времени отводится на дежурства в госпиталях, больницах, которые тоже стали госпиталями. Я прохожу практику в клинике полевой хирургии, у Ахутина. Точнее — у самого Михаила Никифоровича Ахутина, профессора, кавалера орденов Ленина и Красной Звезды, полученных им в боях у озера Хасан и у реки Халхин-Гол, основателя такого важнейшего дела, как оказание ран-

ней хирургической помощи на передовых этапах эвакуации раненых. Профессор молод, энергичен и строг. С виду он похож скорее на боевого командира, чем на ученого, и мы все его боготворим.

Я с головой влезаю в хирургию. Не пропускаю ни одной мало-мальски интересной операции. Нагрузка адская, но выдерживаю. Помогает физическая закалка. Ведь я же борец, парашютист.

На моем попечении один лейтенант, недавний выпускник пехотного училища имени С. М. Кирова. У него сложное ранение: вырвана ягодица и прострелена прямая кишка. Когда его привезли, он был без сознания, все время метался в бреду и кричал команды, требовал выдать больше горючей смеси. Последнее было его большим пунктиком. Как только подскакивала температура, лейтенант обязательно вспоминал о своей горючей смеси.

Позже, придя в себя, он рассказал, как их, выпускников училища, снабдили винтовками и бутылками с горючей смесью и на машинах выбросили в окопы под Волосово. Стояли они там насмерть, несколько раз ходили врукопашную. Однажды, может, врал лейтенант, их сам Климент Ефремович Ворошилов в атаку водил. Немецкая авиация непрерывно висела над нашими позициями, была дальнобойная артиллерия, градом сыпались мины, а к концу дня пошли танки.

Они шли развернутым строем, таща за собой громадные шлейфы пыли и дыма. Лейтенант, как и все его товарищи, стрелял из винтовки по смотровым щелям бронированных чудищ и время от времени ощупывал бутылку с горючей смесью, испытывая при этом страшную тоску и обиду, что она всего одна. И у других по одной. А танков идет много. Сколько же их, сволочей, прет?

В этом бою и ранило моего пациента.

Лечили его обычным способом, то есть не делали отвода кишок, и поэтому выздоровливание шло медленно, однако шло. Чтобы как-то ускорить процесс заживания ран, я каждый день выносил лейтенанта на руках в скверик, сажал на скамейку и мы вели с ним разные разговоры. Парень он оказался боевой, разговорчивый, веселый. Все расспрашивал о моей учебе, о товарищах, радовался тому, что мы, слушатели, тоже рвемся на фронт. И не в госпиталья, а в войска, то есть к передовой поближе.

— Это по-нашему! — восклицал он. — Драться, так драться... Давай споем, а?

И он заводил свою любимую: «Парень кудрявый, статный и бравый, что же ты покинул нас? Следом мы ходим, взоров не сводим с карих лукавых глаз...»

Если мы пели в палате, то туда сразу набивались другие раненые, а на улице скамейку окружали прохожие.

Поем мы однажды вот так, и вдруг подходит Ахутин.

— Чего это вы тут раскричались? — спросил он строго.

— Не ругайте его, профессор, — вступился за меня мой пациент. — Я от радости — выздоравливаю, а он со мной, за компанию.

Ахутин выслушал и, ничего больше не сказав, пошел дальше. Деловой, строгий, а я вдруг почувствовал себя мальчишкой...

Больше чем через год я снова встречу своего лейтенанта. Он еще будет лежать в одном из госпиталей в Свердловске, куда я приеду на курсы. Первый его вопрос:

— Как там наши? Держатся? Сам где побывал? В Пушкине? И на Невском «пяточке» — тоже? Молодец. Это по-нашему! А я, что я?.. Тоже держусь... Давай, брат Иннокентий, споем. Ту самую, нашу: «Парень кудрявый, статный и бравый...»

Выход из шока

Наш 462-й стрелковый полк 168-й (Бондаревской) стрелковой дивизии наступает. Точнее, делает вид, что наступает. Чем, какими силами там наступать? Никто не верит в это наступление, но все идет так, как и положено идти в серьезном бою, и немцы, конечно же, вздрагивают у себя, в своих окопах. А нам это и надо. Правда, плохо другое — людей теряем много.

— За все надо платить, — сказал как-то командир батальона старший лейтенант Н. Воробьев. — Недобираем в артподготовке перед наступлением, недодаем самолетов — значит, бойцов кладем больше.

Воробьев — толковейший командир. Очень смелый, даже дерзкий в бою. О его командирском таланте известно всей дивизии. Многие, в том числе и я, завидуют ему.

После выпуска из академии, а произошло это 8 сентября, в день полного окружения немцами Ленинграда, я после некоторых мытарств меж столов кадровиков наконец осел в медсанроте. Был страшный ритуал приема

Вынос раненых из окопов на плащ-палатках по ходу сообщений. 1943 год

Эвакуация раненых с поля боя при артиллерийском обстреле

в медсанротовское братство, были артобстрелы, бомбежки и многое другое, что случается вблизи передовых позиций, и я порой сам себе казался уже стреляным воробьем, однако при встрече с тем же Никитой Воробьевым чувствовал себя неуверенно. А почему — понятия не имел.

И вот этот бой в районе Московской Славянки. Первый бой, в котором я участвовал как врач передового медицинского пункта.

Точно, минута в минуту, началась артиллерийская подготовка, если можно было назвать так десятиминутный, очень жиденький обстрел вражеских позиций. А потом началась атака.

— Сейчас понесут, — сказал мой помощник, усатый фельдшер. Он уже давно воюет и, чувствуя свое превосходство в этом над нами, молодыми врачами, без зазрения совести пользуется этим. И как ни странно, мы сносим его обидное поведение.

— Держись теперь, доктор, — усмехается в усы фельдшер.

И действительно, вскоре показались санитары. Некоторых раненых просто вели, а многих несли на носилках. Их подносили к нашей палатке и клали прямо на землю. Скоро вокруг палатки образовалось нечто похожее на цыганский табор на привале. Стоны, крик, мат, просьбы, требования. Надо что-то делать, то есть я знаю, что надо делать, но встал как вкопанный и не могу пошевелиться даже. Прямо у моих ног на носилках лежит Заикин, раненный в щеку и в челюсть. Вижу, задыхается человек, надо спасать его, а как?

И вдруг вижу полунасмешливый взгляд фельдшера. И тут меня прорывает. То есть в один миг я представил себе нашего профессора-стоматолога Энтина, который глуховатым голосом рассказывает, что надо делать при ранении в челюсть.

— Почему вверх лицом лежит раненый? — ору я на фельдшера. — Немедленно переверните!

Усач разом срывается с места. Ему суетливо помогают два санитары.

— Дайте политруку карандаш и бумагу, пусть он напишет, что хочет сказать.

Это я опять вспомнил слова Энтина, который говорил, что раненные в челюсть от одной мысли, что не смогут больше разговаривать, впадают в шоковое состояние. Они даже забывают о своей способности писать и таким образом общаться с окружающими.

Во всей этой истории мне больше всего нравится поведение фельдшера, проворно исполнившего и это мое приказание. Вот он подает записку политрука. Конечно же, тот спрашивает, будет ли он говорить.

— Скажите ему, что я к нему подойду, как осмотрю остальных тяжелораненых.

С уверенностью, какой позавидовал бы и сам Ахутин, я пошел меж носилок. Этого перевязать и — в тыл, этому — противостолбнячный укол, третьего — на перевязку...

Я не заметил, когда и как кончился бой. Только когда увезли последнего раненого, ко мне подошел фельдшер.

— Вы извините,— сказал я ему,— что накричал на вас.

— Нет, что вы, все хорошо получилось. Вы так быстро из шокового состояния вышли. Я, честно сказать, не ожидал. Не всякому удастся вот так быстро выйти...

Черт усатый! Он наверняка знал, что это благодаря ему, его насмешливой улыбке я вышел из этого дурацкого шока. Самая пора обидеться, но я смеюсь, чувствуя, что теперь-то я стреляный воробей.

Огонь на себя

Мне поручено установить санитарно-транспортный пост. Перед этим кто-то из раненых подарил мне парабеллум, старшина из голенища сапога сшил кобуру. Для большей внушительности засунул за пояс две гранаты и верхом на лошади впереди двух санитарных повозок двинулся в указанный район.

Дорога накатанная, солнце пригревает, пахнет разогретой пылью. Ни дать ни взять родной калужский колхоз, и мы возвращаемся с полевых работ. Слишком мирный ландшафт настораживает. Предчувствия вскоре же оправдываются. Уже в первом селе попали в жестокую бомбежку. Все наши бросились к церкви, втиснулись головами в глубокую дверную нишу. Никого не задело, но комьями глины и осколками кирпичей так набило места, что ниже спины, что никто сидеть не мог. От седла пришлось отказаться. Да и лошадь одну убило, отдал свою упряжку.

За селом неожиданно попали на минное поле. Чудом выбрались из него. Наконец, попали в один из наших батальонов. Командовал им старший лейтенант. В штабной землянке полно старших офицеров. Это было не в

новинку. На передовой не так голодно было. Да и кроме еды кое-что водилось здесь. Правда, как начался бой, всех словно ветром сдуло. Остались только парторг и пропагандист полка.

А бой по замыслу должен был стать историческим. Было приказано освободить город Пушкин. Удар нашего батальона приходился на Детскосельский совхоз.

Был конец сентября, погода радовала, тем более что в батальон прислали 50 человек сибиряков. Редкий по тем временам подарок. Обычно пополнения приходили из госпиталей или из ополченцев.

Я поинтересовался, где фельдшер. Он считался одним из лучших наших батальонных фельдшеров. Проба у него всегда вовремя снята, раненых доставляет на медпункты регулярно и больше всех. Мы его хвалили, ставили другим в пример. А теперь его почему-то нет. Были две девушки, очень слабо разбиравшиеся в медицинских делах. Они-то и рассказали все о фельдшере. Оказывается, он и не бывает в батальоне. Сидит себе в тылу, в Шушарах. Кухню для снятия пробы он перехватывает на дороге и раненых собирает, когда они добираются до Шушар.

Бой должен был начаться утром. С вечера я своего ординарца отправил в Шушары еще за одной повозкой. Ночевали в какой-то земляной норе, промерзли все. Проснулся от крика. Это комбат созывал командиров рот и взводов. Не понравился мне этот шум. Немцы-то в каких-нибудь в 50—70 метрах. При постановке задачи — ни слова об артиллерии. Я сам спрашиваю его об этом. Оказывается, артподготовки не будет.

— А как же вы собираетесь отбивать у немцев совхоз?

— Мне сказали отбить, вот и пойдем врукопашную.

До железнодорожной насыпи добежали благополучно и на ту сторону перевалили без помех. Я с санинструкторами и санитарями остался у трубы под железнодорожной насыпью — отличная оказалась штука для выноса раненых.

Наши цепи были уже на окраине совхоза, когда немцы стали обходить их вдоль насыпи. Атакующие заматались в тисках. Мы со своего поста не даем фашистам совсем сомкнуть кольцо. И вместе с тем подбираем раненых. Девчужки-санинструкторы оказались отчаянными, несмотря на огонь, лезут в самое пекло, перевязывают и тащат раненых к трубе.

Я тоже несколько раз сползал на поле. В какой-то

Оказание помощи раненым на поле боя

момент попал на прицел вражескому стрелку. Только сделаю какой жест, как сразу же пуля вопьется в землю рядом. Ах, вои оно что! Снимаю пилотку и выворачиваю ее наизнанку кантом вовнутрь. Теперь я слился с солдатской массой, и снайпер отстал от меня.

В суете боя забыл обо всем, а время остановилось, и казалось пулеметно-автоматному и винтовочному треску не будет конца, и вдруг все как обрезало. Такая возникла тишина, что я даже поднялся, ничего не понимая, во весь рост.

Смотрю, со стороны КП батальона парторг машет рукой, зовет к себе.

— Батальон окружен, — сообщил он, — включайтесь с нами в круговую оборону. Где ваш карабин?

— Его ординарец прихватил с собой.

И тут я заметил валяющуюся в пыли винтовку. Пробыл прутом землю в стволе, почистил затвор и выстрелил вверх. Все в порядке, ствол не разорвало.

Парторг подсчитал наличные силы у КП — 26 человек. А немцев больше роты. Идут во весь рост. Мы стреляем поспешно и нестройно. Комбат Лузиков кричит в телефонную трубку, что нас вместе с доктором, то есть со мной, двадцать шесть «бревен».

— Сам ты бревно,— орет на него парторг. — Конспиратор нашелся. Минометная рота где твоя?

Ведь при постановке задачи шла речь о приданной нам минометной роте. Парторг вдруг вырывает у комбата трубку.

— «Плита», «плита»,— вызывает он минометчиков. — Дайте нам огоньку! Как куда? Прямо по нас, по бревнам стоеросовым! Бей, тебе говорят!

И тут ударили минометы. Немцы сразу залегли, но потом снова поднялись в атаку. И тут неожиданно один из моих санитаров вскочил и бросился прямо на меня и парторга, крича панически, что нас окружили. Я ору ему, чтобы лег, но он все бежит и машет руками. Кто-то рядом выстрелил в санитаря в упор. Странно, но после боя его труп так и не нашли. И среди раненых его не оказалось...

Горький осадок оставил этот бой. Но самое обидное было в том, что наступление дивизии, нашего полка и этого батальона в последний момент было отменено, но команда до нас почему-то не дошла.

Преклонив колени...

В октябре 1941 года Бондаревскую дивизию из-под Пушкина и Колпина перебросили в район деревни Манушино для выхода на Невский «пяточок». Переправляться начали ночью на первое ноября, а моя очередь подошла через неделю. Мы по очереди делили полковой медпункт пополам: одну половину оставляли на правом берегу, вторую переправляли на плацдарм. Там под обрывистым берегом устраивали суточное дежурство. Правда, сутки эти иногда становились вдвое и даже втрое длиннее. Не так просто медикам втиснуться в очередь на переправу. Каждый начальник старается как можно больше перебросить на левый берег солдат, боеприпасов, а подносчиков пищи и медиков все отодвигает на потом.

Вот и я двое суток уже мечусь по берегу, ору, спорю, доказываю. Наконец, усталый до предела, свалился в какую-то палатку и словно провалился в сон. Ночью кто-то за ноги вытащил меня наружу. Проснулся окоченевший на холодной ноябрьской земле. Снова побежал к переправе, кипевшей, как и несколько часов назад. Над Невой то и дело вспыхивают осветительные ракеты, то там, то здесь из воды встают громадные столбы взрывов. Лодки переворачиваются, плоты взлетают в небо пуком бревен и щепок, вода кипит от барахтающихся в ней тел.

И все равно все гребут туда, на противоположный берег.

Добежал до нашей полковой палатки. Валя Кашников только что закончил оперировать Валю Русанова. С виду он, как всегда, спокоен, сдержан, но что-то выдает его волнение. Я наклоняюсь над Русановым:

— Куда тебя, старик, задело?

— В спину, — шепчет Валя одними губами.

— Ерунда, — говорю бодро, а через некоторое время спрашиваю тихо Кашникова, не прошел ли осколок в живот. Тот лицом показал, что, видно, прошел. Вносят очередного раненого, занятые им, мы не сразу обращаем внимание на какой-то вдруг возникший шорох сзади. Но вот молнией мелькает догадка. Я бросаюсь к Русанову и перехватываю его руку, уже было вытащившую наган из кармана накинутой на него шинели.

— Валя, зачем же так, Валя?

— Швец! — высунувшись из палатки, кричит Кашников, и тут, как из-под земли, выныривает наш везде-сущий санинструктор Швец. — Приказ: раздобыть любой транспорт и срочно вывезти военврача 3-го ранга Русанова в госпиталь...

Я выхожу злой, взъерошенный к берегу. Переправляются морячки. Требую у майора, руководившего переправой, перевезти и нас, двух врачей и несколько санинструкторов. Но майор и слушать не хочет.

— Так что, мне, может, перед тобой на колени встать? — кричу я, перекрывая грохот разрывов, майору. Тот с минуту смотрит на меня удивленно и неожиданно говорит:

— А что, это дело! Никто в жизни не стоял передо мной на коленях. Любопытно посмотреть бы, а? Только разве ты встанешь!

— Встану, встану!

— Нет, сейчас не надо, — удержал мой порыв морской майор. — Я тебя в долг пропускаю. А как встретимся в другой раз — обязательно встань на колени.

Еще раз мы с майором встретились через сутки. Его втащили к нам в нашу земляную нору еле живого. Я не сразу узнал его, так изменился он за какие-то двадцать четыре часа боя на Невском «пяточке». Да и свет у нас был не очень. Жгли санитары немецкий кабель, и вот в этом чаде, в полутьме приходилось оперировать.

Вначале майор был без сознания, но, когда уже зашивали рану, он очнулся и сразу узнал меня. С минуту молча оглядывался, потом спросил, кивая куда-то вниз:

— Что, доктор, должок отдаешь?

— Какой должок? — не понял я.

— Стоишь-таки передо мной на коленях? Быстро, однако, я тебя расколос.

И тут только до меня, ошалевшего за сутки адской работы, дошло, о чем идет речь.

Наши «операционные», вырытые в обрыве берега, были такими тесными, а накат бревен таким низким, что иначе как на коленях работать было нельзя.

— Спасибо, доктор, уважил. Первый раз в жизни... Может, и последний такой у меня случай, — сказал он, смеясь, когда санитары уносили его к переправе.

Не знаю, выплыл ли майор на правый берег, а выплыв, остался ли живым — ранение было очень тяжелым.

А Валя Русанов умер. Всего три дня пожил после ранения. Это был честнейшей души человек, замечательный доктор, самоотверженный воин. Вспоминая его, я мысленно становлюсь перед ним на колени. Как и перед всеми, кто воевал на Невском «пяточке».

Отшумела роща «Круглая»

Ночь, снег, дорога раскатана, ноги скользят, но мы идем и идем несмотря ни на что. Мы — это наспех сколоченная рота парашютистов, которую после некоторых препирательств в верхах решили передать в 327-ю стрелковую дивизию. И вот мы в Войбокало топаем пешком. Злые, как черти. От злости даже разговаривать не хочется.

К Большому Власу подошли уже на рассвете, передние в предчувствии отдыха поднажали на шаг, но вдруг остановились и стали зачем-то вызывать меня в голову колонны.

— Тут какой-то тип в полушубке хочет, чтобы ему непременно отдали честь.

Я не командовал ротой, но это по моей жалобе в Москву лопнула чья-то глупая затея с созданием самодельных парашютных рот, не входящих в десантные войска, и поэтому теперь лидерствую. Обычно меня выталкивают вперед для урегулирования конфликтных ситуаций. Того, что в полушубке, уже взяли в кольцо. Я проталкиваюсь и в свете карманного фонарика узнаю Толю Камалеева — выпускника нашего же курса. Он тоже узнал меня по голосу. Обрадовались, обнялись, но он еще кипит обидой. Мол, в самом деле, почему его не приветствуют?

— Скажи спасибо, что морду не набили.

— Штрафники, что ли?

— Хуже: обиженные. Сорвали многих с больших должностей, смешали в кучу офицеров всех рангов, сержантов и солдат, когда-то прыгавших с парашютом, и сделали из нас не пойми что. Теперь вот прислали сюда, будут разбираться, кого куда направить.

Камалаяев спешил куда-то по делу, просил через час обязательно прийти к нему.

— Рассказывай,— сказал он,— когда я разделся в его хате.

— А что рассказывать?

— Все. Где был, что делал. С какой должности ушел в эту шарагу обиженных.

А что в моей биографии особенно интересного? Воевал под Пушкином, побывал на Невском «пяточке». Потом учился на курсах в Свердловске, откуда попал на Волховский фронт, где строил госпиталь.

— Строителей тебе дали?

— Ни одного человека. Каким образом строил? Очень простым. Объелись рабочие на узкоколейке ядовитых грибов, сделал им промывание и тут же заставил вырыть котлованы, заготовить лес и срубить срубы. Осталось крыши накрыть, и тут вызывает член Военного совета: «Как дела с госпиталем?» — «Почти все готово!» — «Врешь! Поедем, посмотрим. Если обманываешь, пойдешь под суд!» Приехали, а тут работа полным ходом кипит. Генерал интересуется, что это за люди. Знаете ведь, что в моем штате только трое мужчин, а тут едва не целая рота. Я говорю, что это выздоравливающие. А работают потому, что это такое лечение — трудотерапия...

— Сошло?

— Выговор устно сделали. А за госпиталь — благодарность в письменном виде.

— Ты все такой же. По-прежнему шумишь, Иннокентий? Ты вот про Невский «пяточок» расскажи. Много там наших погибло? И вообще, как наши ребята воюют.

Рассказал про Невский «пяточок». Про погибших наших сокурсников В. Русанова, М. Вигдергауза, Н. Степанцева, П. Шилина, П. Шупика, Г. Ямщикова рассказал. А как воюют наши ребята? Хорошо воюют. Хоть нас и выпустили недоучками, так сказать, заурядврачами, а специалисты из многих вышли отличные. Не говоря о храбрости, стойкости, мужестве.

На моих глазах старший врач полка В. Мицуров, переправляя раненых с Невского «пяточка» — это входило

в обязанность медиков, — попал под жестокий обстрел. Пробитая осколками лодка с людьми стала тонуть. Сам весь израненный, Василий Васильевич бросился в холодную ноябрьскую воду и, истекая кровью, дотащил-таки лодку до берега.

Даже самих бойцов и командиров, прошедших пекло неевского плацдарма, поразили и восхитили подвиг — именно подвиг — военврача 3-го ранга Н. Кузьмича. Санитары вынесли с поля боя раненого в живот бойца. Спасти его мог только опытный хирург и в более благоприятных для операции условиях. Надо срочно переправить человека на правый берег. А переправить, тем более быстро, было некому. Те два санитара, что притащили бойца, пластом лежали от усталости — недоедание и напряженная работа давали о себе знать.

Тогда Кузьмич, натянув на себя и на раненого в качестве маскировочных обычные медицинские халаты, сам на лыжно-носилочной установке под сплошным вражеским огнем по крайне непрочному неевскому льду перетянул своего подопечного на правый берег, а здесь раздобыл повозку и прибыл в медсанбат.

Кстати, солдат тот выжил, даже вернулся в строй и, разыскав врача, благодарил его за свое спасение.

Рассказал я и о Володе Гнусове, который с оружием в руках отражал нападение фашистов на медпункт. Он и другие его товарищи погибли, но раненых отстояли...

— Кстати, почему ты меня все расспрашиваешь? — спросил я Камалеева.

Оказалось, что он теперь мой начальник — дивизионный врач. И кроме личного у него есть и профессиональный интерес к моим рассказам. Он уже думает, куда меня определить.

— Командиром медсанбата пойдешь?

— А кто там сейчас? О нет, это очень толковый парень, пусть он и трудится.

Перебрали еще несколько вариантов, и я временно был назначен старшим врачом 1100-го полка 327-й стрелковой дивизии.

На другой день начались напряженные занятия по подготовке к наступательным действиям по прорыву блокады.

Медики тоже проводили свои учения. Отрабатывались развертывания и вывоз раненых на волокушах и лыжно-носилочных установках. Состав у нас был полный. Одних санитаров-носильщиков было в дивизии 138 человек. Как построятся со своими приспособлениями — целый

лес лыж и палок. Народ подобрался веселый, шумный. Даже в строю отпускают колкости, шуточки.

— А пусть пошумят, — говорил в таких случаях начмед дивизии.

Несколько дней мы утюжили животами учебное поле. И вот наконец приказ на начало операции «Искра». Дивизии предстояло взять сильно укрепленный опорный пункт — рощу «Круглая». Мы за предыдущие сутки развернули свой передовой медицинский пункт на реке Наязия. Палатку — прямо на льду, а землянки — в крутом берегу.

Немцы сопротивлялись упорно. Полк с первых минут, несмотря на хорошую артподготовку, нес большие потери. Редели и ряды наших санитаров, сандружинниц. Как ни старались оставшиеся в живых санинструкторы Гераськин, Кульсантов, санитары Семенов, Петров, сандружинницы Саша Лещева (Ковалева), Ксения Ложкина, Зоя Леднева, Валя Патей, Лида Тимошенко, фельдшер Коля Гейко, но их было мало и с каждой минутой становилось все меньше. Вынос раненых задерживался. Особенно он был недостаточным в районе КП полка.

Очень опытный командир санроты военврач 3-го ранга Г. Фраучи быстро нашел выход — выдвинул часть передового медпункта вперед, ближе к передовой, а я с остатками взвода санитаров-носильщиков направился в район КП для выноса раненых и развертывания медпункта.

Роща «Круглая» гудела, вздыбливалась дымно-огненным лесом взрывов. Здесь, вблизи, видно было, как на глазах редели деревья, как снег покрывался густо-черным налетом. Однако зарытые глубоко в землю немцы цепко держались и вели сильный огонь по залегшим цепям атакующих. Раненых было много, больше всего их было у КП. Дело в том, что у проходившей недалеко дороги вдруг ожили считавшиеся уничтоженными два немецких дзота. На их пулеметы и нарвались наши цепи.

Я вместе с санитарями вначале таскал раненых с поля и направлял их на медпункт, затем пошел на КП, так как сообщили, что ранило заместителя командира полка. Нашел я майора Куликова недалеко от КП в большой снарядной воронке. Он пытался выбраться из нее, но не мог. По пути к нему меня самого ранило. Перевязываю его и чувствую сильную боль в плече. Уже когда вытянул Куликова, рядом разорвалась мина и я получил второе ранение осколками в левую кисть и в

грудь. Фельдшер Коля Гейко дотащил меня до медпункта. По дороге его самого ранило пулей.

Лежу в землянке, не разрешаю себя эвакуировать. Гейко один не справляется, и я команду фельдшеру, что надо делать с прибывающими ранеными. А чувствую, как все труднее и труднее становится дышать. И тут неожиданно в землянку заглянул начальник политотдела дивизии. Велел срочно вывезти меня.

На волокуше я потерял сознание. Земля вся и снег перепаханы воронками, и, конечно же, меня растрясло, и чувствую, как серая пелена затянула глаза, и я словно куда-то провалился. Очнулся, волокуша не движется. Где я? Слышу голоса моих санитаров. Петров говорит, что надо меня оставить здесь, зачем, мол, с мертвяками возиться, когда за живыми еще можно съездить. Семенов не соглашается. «А что мы напишем его родным? Что бросили на дороге?» И тут кто-то из них заметил, что я открыл глаза...

Оперировал меня Петр Иванович Лихачев. Когда я пришел в себя после операции, он показал осколок, какой вытащил у меня из груди.

— Как роцца? — спросил я его.

— Какая? «Круглая», что ли? Взяли ее, голубчик Иннокентий. Только нет теперь там роцци — пни одни, говорят, торчат.

— А наших ребят много... вышло из строя?

— Вы — девяносто третий, голубчик. Да, точно — девяносто третий... Однако вы разговорились у меня что-то. Рано вам говорить. Помолчите пока.

«Девяносто три из ста тридцати восьми», — подумал я и впал в забытье.

**Подполковник
медицинской службы
в отставке
В. И. КОНОВОВ,
бывший командир сапроты
260-го стрелкового полка**

СУТКИ НА «ПЯТАЧКЕ»

Записку я получил уже после полуночи, когда арт-обстрел слегка поутих и можно было хоть как-то сообщать и разговаривать. Короткое послание на клочке бумажки было от начсандива 168-й стрелковой дивизии. Сидевший у меня в палатке однокашник и друг по академии Иннокентий Краснопеев сказал, что он, не читая этой записки, может сказать, что в ней написано.

— Плачет по вас, маэстро, левый берег. Ох как плачет!

И сделав вдруг строгое лицо, он повернулся к моему фельдшеру, принесшему записку.

— Что же, вы, дорогой, с большим начальством, оказывается, дружбу водите? — имея в виду начсандива, спросил Иннокентий.

— Это я сам послал его в дивизию, — вступился я за старшину.

— Но ты же его, видно, за бинтами послал, а не за запиской?

Фельдшер не мог понять, шутят ли с ним или говорят всерьез.

— Так воно як було, — начал он оправдываться. — Без подписи начмэда тех матерьялив не дають. Так я и пишов к нему, а вин и того...

— Суду все ясно, — с тем же строгим видом конста-

тировал Краснопоев. — А вы знаете, дорогой, как поступают на Востоке с человеком, принесшим черную весть?

— Так мы же у Европе,— нашелся фельдшер.

— Э-э, нет, ошибаетесь, любимый друг и товарищ начсандива. Не в Европе и не в Азии мы сейчас, а в аду. В самом настоящем аду, вернее, у входа в ад, который называется теперь Невским «пяточком». И вы, выпросив у нашего добрейшего начсандива записочку, тем самым собственными руками толкаете своего любимого начальника в самое пекло ада. Улавливаете?

Фельдшер понял, что все это шутки, но ему ясна была и серьезность ситуации. В самом деле получалось, будто он своими руками отправлял командира роты на левый берег Невы, и он никак не мог справиться с растерянностью.

Мимо палатки, тяжело переваливаясь на ухабах, прошла машина. Кто-то зло требовал быстрее доставить на берег носилки, туда только что переправили большую группу раненых.

Потери наши несут большие, и весь день и вот уже почти всю ночь несут и везут раненых. Давно ли наша 168-я стрелковая дивизия, прибыв из-под Павловска и Колпина, пополнила свои ряды, а уже сейчас во всех полках вряд ли и по батальону наберется. И в других частях та же картина.

— Ладно,— сказал я фельдшеру,— не переживайте, вы тут ни при чем. Просто моя очередь подошла подежурить на левом берегу... Лучше пойдите в операционную и скажите, чтобы обходились без меня. Мне подготовиться к переправе надо.

Меня смаривала усталость. Двое суток подряд полки дивизии пытаются прорвать оборону противника, но все безуспешно. Поначалу было отбили рошу «Фигурная» и очистили от немцев противотанковый ров, но, попав под мощный фланговый огонь со стороны 8-й ГЭС, а затем и со стороны деревни Арбузово, вынуждены были отойти на исходные позиции. Ночью на плацдарм переправились четыре танка, но уже утром они были уничтожены. Наша санрота располагалась в двух километрах от Невы, но и нам хорошо были видны смрадные факелы над танками.

— Нам бы артиллерийского огонька побольше,— как о чем-то самом вожделенном говорили раненые. — А то попукают пять минут — вот и вся артподготовка. А самолеты, так те вообще почти не появляются. А он же, сволочь, лупит и лупит по нас!

Все было так. Уже после войны я в одной из книг вычитал, что в среднем на плацдарм, на переправу и на прилегающую к Неве неширокую полосу правого берега фашисты выпускали до двух тысяч снарядов и мин в сутки. У нас же расход снарядов был строго лимитирован. Три — пять выстрелов в день на каждое орудие. Отсюда и большие потери у наших, отсюда и перенагрузка на медиков.

У меня до прихода на Невский «пяточок» был уже опыт работы под Павловском и Колпином. Нас тогда, в начале сентября, весь внеочередной выпуск академии, 360 человек, разбросали по всем участкам Ленинградского фронта. Я в числе одиннадцати человек попал в 55-ю армию, стоявшую в Пушкине. Меня назначили командиром хирургического взвода, а здесь, на Неве, перевели на санитарную роту. За все время боев на Невском «пяточке» ни разу никого из своих не встретил. И вдруг вот этот визит Иннокентия Краснопеева. Он, как всегда, шумный, деятельный. А ростом, кажется, еще больше стал.

От него я узнал о гибели Вали Русанова. Поговорили о других наших ребятах. Потом Иннокентий спросил, бывал ли я на левом берегу, где наши дежурили в передовом медицинском пункте, вернее, в его филиале (сам пункт был на правом берегу), оборудованном в небольшом блиндаже, похожем на большую нору.

— Я тоже еще не бывал там, — сказал Краснопеев. — Завтра пойду к нашему деду (так мы звали нашего начсандива), спрошу его, почему он меня, как красну девицу, в теремке прячет.

— Хороша красна девица, и теремок — что надо, — рассмеялся я, имея в виду Невскую Дубровку, где работал Иннокентий.

И тут вдруг где-то рядом грохнул шальной снаряд. Палатку рвануло и снесло в сторону, а мы оказались под открытым небом.

— Давно фрицы в тебя метят? — прокричал мне Краснопеев, когда санитары вновь установили палатку.

— Еще со вчерашнего утра.

— Сапожники, а не вояки! За сутки в такую вшивую цель, как твоя дырявая палатка, попасть не могут.

И вот тут-то как раз и принес фельдшер записку от начсандива.

— Это я тебе накаркал левый берег, — сказал виновато Краснопеев, когда старшина ушел. — Что там предписывает тебе сей строгий документ?

— «Завтра (теперь уже сегодня) к девяти ноль-ноль вам надлежит прибыть на левый берег Невы для обеспечения эвакуации раненых с поля боя и переправы их на правую сторону»,— прочитал я вслух.

— И все-таки это я накаркал тебе такую милую заречную прогулочку,— повторил Иннокентий. — Ладно, я пойду, а ты вздремни пару часиков.

На выходе он едва не столкнулся с давешним фельдшером.

— Я до вас,— смущаясь, обратился он ко мне. — Мабуть, и мэнэ на тую сторону возьмете?

— Вот те раз! — снова входя в шуточный тон, воскликнул Краснопеев. — Еще не успел покаяться в великом грехе, какой только что сотворил против начальни-ка, а уже в рай просится!

— Якой такой рай, товарищ капитан? Вы же тилько что говорили, шо там ад.

— Верно, говорил. И теперь не пойму, что вас, друг и соратник начсандива, что вас туда тянет. Уж не родственнички ваши там, в аду, кострами заведуют?

Фельдшер не обратил внимания на шутку. Слишком серьезное решение принял он, немолодой человек, отец троих детей, оставшихся в далеком украинском селе, чтобы шутить сейчас.

Краснопеев тоже стал вдруг усталым и сосредоточенным.

— Слушай, дай-ка адресок своих родных. Мало ли что может случиться в нашей безмятежной жизни,— повернулся он ко мне.

Мы обменялись адресами, и я свалился на кровать, попросив ординарца разбудить в шесть часов.

Было еще темно, когда мы, несколько человек, выпли к Неве. Над водой стелился легкий туман. Сквозь него тусклыми светлячками просвечивали осветительные ракеты. То там, то здесь вздымались вверх столбы воды. Меж ними с упрямой настойчивостью, держась твердого курса, шли груженные людьми понтоны. Много было шлюпок и разнокалиберных лодок. В отличие от понтонов, шедших вдоль тросов, они юлили, кружились на месте, петляли. На наших глазах одна из лодок перевернулась, в другую же, в самую корму, попал снаряд. Двое солдат, судя по всему, раненые, плыли в воде, держась за бревно. Три или четыре снаряда один за другим ударили в воду недалеко от нас, но столбов воды не возникло — не взорвались, значит.

— Это хорошо, что вы пришли пораньше,— сказал

нам сапер, поджидавший нас в лодке. — Сейчас самое затишье.

— Якое же це затишье, колы вин так пуляе? — удивился старшина-фельдшер.

— Сейчас он, фриц тот, спросонья вслепую лупит, а вот как развиднеется немного, тогда посмотришь, что он тут вытворяет.

Сапер энергично гнал лодку до середины реки, а затем вдруг застопорил ход. Оказывается, он уловил систему немецкого огня и теперь подлаживался под нее.

— И тут своя тактика и хитрость? — спросил я его.

— Человек, когда припрет, к любой обстановке приоровиться может.

— Давно вы здесь?

— С самого рождения этого плацдарма.

— И не страшно?

— А какой может быть страх, когда дел по горло? Недалеко от лодки взвился фонтан воды.

— Шалишь! — крикнул лодочник и так крутанул наше суденышко, что нас только подкинуло вверх, но не перевернуло.

У берега нас едва не накрыло миной, но все обошлось хорошо.

— Когда вас завтра отсюда забирать надо? — спросил сапер при расставании.

— Мы, видно, понтоны с ранеными будем сопровождать, — сказал я.

Передовой медпункт мы отыскивали быстро. Его выдавали сгрудившиеся на берегу перебинтованные бойцы. В операционной при чадном свете горевшего немецкого телефонного кабеля, вставленного в деревянную рога-тульку, орудовали два врача. Хотя оба были в масках, я их сразу же узнал. Сапожников и Самойлович — наши сокурсники, неразлучные друзья, заводилы и хохмачи, не терпящие зануд и начетчиков. Мы только что вспоминали их с Краснопеевым.

На меня они буквально набросились.

— Кононов? Какими судьбами? Ах, нас менять! Отлично, но что так рано? Еще и восьми нет, а смена в девять. Впрочем, не будем формалистами. Зачем откладывать дело в долгий ящик? Вот халаты, вот инструменты — и за дело!

Я великодушно отказался от оказанной мне чести сменить их раньше срока. Сказал, что меня тянет прогуляться к раненым.

— Кстати, почему их так много? Три землянки, как я успел заметить, переполнены, и на берегу еще уйма скопилась. Одни лежат, другие сидят...

Мои коллеги переглянулись. Вот-де зануда! Но ответить пришлось. Оказалось, что уже третий день их никто не эвакуирует. Некому. А они — разве я не вижу? — от операционного стола не отходят, точнее, не отползают.

Я оставил своих помощников принять нехитрое хозяйство пункта, а сам пошел к раненым. Здесь, как в цыганском таборе, — крики, стоны. Из землянки слышен непрерывный мат — кто-то таким образом заглушает боль.

На меня накинулись, как на главного виновника всех их мучений. Я даже растерялся немного. Нарекания-то справедливые. Почему не эвакуируют третьи сутки? А если нельзя, почему не кормят? Смотрю, один лихорадочно шарит в карманах шинели — пистолет ищет. И тут я взял себя в руки.

— Тихо! — крикнул я. — Отставить разговоры. Я затем пришел сюда, чтобы разрешить все вопросы.

Назначил старших в каждой землянке и направился к передовым позициям, приказав перед этим своему фельдшеру составить списки раненых.

Траншеи начинались сразу от обрывистого берега и паутиными нитями разбегались в разные стороны, опутывая этот небольшой клочок земли, на котором вот уже два месяца толкутся несколько наших соединений. Прорвать оборону немцев им никак не удастся, зато фашисты вынуждены бросать в эту страшную молотилку все новые и новые свои дивизии, снимая их с других участков фронта и даже с других фронтов.

Направляясь в глубь «пяточка», я совершенно не знал, что буду делать. Вспомнил, как один из преподавателей академии говорил, что во всех затруднительных случаях надо искать Советскую власть. И я ее ищу.

На первом же изгибе траншеи наткнулся на такую картину. Коренастый полковник строго отчитывает капитана за то, что перед входом в блиндаж лежит труп красноармейца. Мой доклад буквально взбесил полковника.

— Вы что, приказов не знаете, капитан? — набросился он на меня. — Раненых эвакуируют службы тыла.

Он еще что-то говорил, но я отключился от разговора с ним, поняв, что это или плохая Советская власть или вообще не Советская власть.

Мы, вспоминая героизм советских людей, проявляв-

Валя КОРОЛЕВА.
Одна из первых сопровождала
раненых на машинах по Ладоге

М. М. КАУЛИН,
командир санитарного взвода

А. А. ЕРЕМЕЕВ,
начальник административно-
хозяйственного отдела
фронтального эвакуационного пункта

А. А. АСАТУРЯН,
начальник
военно-санитарного отдела
67-й армии

**Санинструктор СОРОКИНА
проводит занятия
по оказанию первой помощи. Октябрь 1942 года**

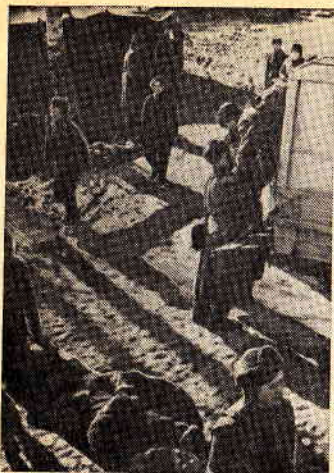
Врачи-нейрохирурги. Ленинградский фронт, май 1942 года

**Эвакуация раненых на собаках.
1942 год**

В прифронтовом госпитале

**Прем раненых
в полевой эвакогоспиталь**

**Е. М. МАЙОРЛИК, Л. Л. ВАСИЛЬЕВ и МАЛЫШЕВА,
работавшие над темой ускорения заживления ран**

шийся в боях с врагом, порой упускаем из виду теневые стороны нашей действительности, вскрытые войной. И в частности, не говорим о том, как много было среди нас, в том числе и среди командиров, людей бесталанных, черствых, нерешительных, грубых или, как вот этот полковник, ухитрившихся на передовой, в пекле боя разводить бюрократическую волокиту. Без всякой почтительности к чинуше в погонах я рванулся дальше по траншее и тут же, метров через тридцать, увидел телефониста, кричавшего что-то в трубку, и стоявшего рядом подполковника.

— Комиссар полка Степанов,— назвался он, выслушав мой рассказ. — Сейчас приму доклады командиров батальонов по телефону, и тогда придумаем что-то.

И вот мы сидим в тесном блиндаже. Слушая меня, Степанов по ходу разговора диктует своему адъютанту пункты приказа.

— Так, выдать двенадцать мешков сухарей, двадцать килограммов масла, тридцать литров водки... Все это вам сейчас помогут доставить к медпункту,— говорит он. — Да, еще лодки. Но это не ваша забота. Я сейчас выделю одного командира и двух старшин. Они и займутся лодками. Во сколько думаете организовать переправу. В десять? Вот и отлично. В девять тридцать ждите лодки...

Поразительно. Бой гремел, наши цепи в который раз пытались отбить у врага рошу, противотанковый ров и карьер, Нева кипела от разрывов, а вместе с тем минута в минуту прибыли лодки с лодочниками. Подкрепившись едой, раненые уже не скандалили и даже ухитрились шутить на погрузке. Тем более что немцы не очень досаждали обстрелом.

В операционную я пришел около одиннадцати часов. Конечно же, мои друзья-однокашники навалились на меня за опоздание, но, узнав, что раненые все эвакуированы, сменили гнев на милость и в знак благодарности оставили мне свой кипятильник, что было щедрейшим подарком.

Работы на медпункте было много. Почти непрерывно была немецкая артиллерия, досаждали и самолеты. Раненых несли на носилках, тащили волоком по ходам сообщений. Некоторые своим ходом приходили. Фельдшер мой оказался незаменимым помощником. Его уже на обратном пути при переправе ранило, так вместе с другими ранеными он и был отправлен в тыл. До сих пор жалею, что не записал его фамилию и домашний адрес. И

Краснопеев выговорил мне при встрече, что не уберет от пули такого милого, добродушного украинца.

Я сказал, что это он сам подтолкнул моего фельдшера на мужественный поступок. Шуточками своими подтолкнул...

Краснопеев улыбнулся, но потом, став вдруг серьезным, заметил, что на подвиг силой подтолкнуть нельзя. К этому человек сам должен быть расположен. Фельдшер, видно, был честнейшим человеком, думавшим не столько о себе, сколько о своем простом человеческом долге. Может, он еще и о детях, о своей семье, оставшейся на Украине, думал. Да и профессия медика обязывала быть там, где нужнее всего твоя помощь.

— Жаль, что ты не взял его адресок, — еще раз посетовал Иннокентий.

Кстати, тогда же случайно встретил сандружинницу Калмыкову, с которой еще под Павловском довелось воевать. Отчаянной храбрости была девушка. На «пяточке» она, пожалуй, больше всех доставила раненых. И откуда столько силы было у этой хрупкой девушки!

А вскоре разнеслась весть, будто ее убило. И вдруг на одном из слетов ветеранов ко мне подходит женщина. «Не узнаете? Я — Калмыкова». Как же, узнал. Даже имя вспомнил — Таня.

Оказывается, она тогда в одном из боев потеряла ногу и теперь ходит на протезе. То есть война, как она сама сказала, для нее еще продолжается...

Думается, она для многих еще не закончилась, эта война.

**Полковник медицинской службы
в отставке
П. В. БЛИНОВ,
бывший начальник
партизанского госпиталя**

В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЕ

Это было зимой сорок третьего, вскоре после прорыва нашими войсками блокады Ленинграда. Меня вызвали в медуправление фронта. Зачем — не сказали, да меня как-то и не волновало это. На фронте едва не с самого начала войны. Правда, в полку дальнобойной артиллерии. Это не то что, скажем, в пехоте, но нельзя сказать, что отсиживаюсь в тылу. Хотя и огневые позиции мы выбираем на некотором удалении от передовой, это не значит, что противник не уделяет нам внимания. Еще как уделяет!

В дороге мне повезло. Попалась попутная машина. Обычно, следуя строгому приказу, водители не подбирают попутчиков, а тут шофер сделал исключение. Он как-то ухитрился угадать во мне доктора, а медики, по его словам, и в мирное время как на войне, а теперь и подавно. Наверняка я по какому-то срочному делу спешу. А узнав, что я в дальнобойной артиллерии служу, он и вовсе проникся ко мне симпатией. Сам до ранения возил на тягаче дальнобойные пушки, вдоволь вкусил всех прелестей артиллерийской службы.

Особенно с ужасом вспоминает огневые дуэли наших и немецких батарей. И я хорошо понимал его, так как сам не раз оказывался под обстрелами. Это не просто взаимный обмен с вражескими батареями порциями

снарядов. Огонь ведется прицельно и непременно на уничтожение.

Водитель рассказал, как он однажды попал под огневой вал. Я тоже под Красным Бором в сорок первом угодил под такой же обстрел, когда снаряды ложатся в строгую линию, один подле другого, и линия эта медленно движется вперед до определенной точки, а затем, слегка сдвинувшись в сторону, возвращается назад. Такой метод артообработки территории противника можно сравнить с перепахиванием земли гигантским плугом. Практически ничего живого в том месте, где прошел вал, не остается.

— Но можно было как-то в сторону уйти от огня? — спросил водитель. — Вы же на машине были?

— На машине. Но дорога шла лесом — ни влево, ни вправо не свернуть. Это во-первых. А во-вторых, мы спешили на позиции одной из наших батарей забрать раненых. Туда-то, рассчитав интервал времени, с каким вал катился в одну сторону, мы сумели проскочить, успели и раненых погрузить, но вот на обратном пути попали, что называется, в ловушку. Вал как раз катился, накрывая дорогу. И нас, пытавшихся уйти от него.

— А лес, конечно, — две стены?

— Да. Лес, как две стены.

— И как же?..

— Справа вдруг просвет мелькнул. И мы... Взрывы едва не за задним бортом прошли.

Рассказал я и о не менее памятном случае, который произошел со мной в Синявинских болотах. Вражеская артиллерия засекала позиции нашей батареи.

— А вы наверху?

— Конечно же, наверху. В чумике из дерна. В землю там не зароешься...

— Вы, выходит, доктор, в рубашке родились, — улыбнулся шофер. — Или от снарядов заговорены, не то что я. Вот и держитесь рядом с пушкарями.

Последние слова попугайчика вдруг заставили задуматься над целью моей поездки в медуправление фронта. Зачем я понадобился начальству? Уж не перевести ли куда хотят меня?

И как в воду глядел.

Первого, кого встретил в коридоре медуправления, это однокашника по учебе в военно-медицинской академии Николая Богачева. Мы сразу друг друга узнали. «Проктопий?» — «Николай!» — «Какими судьбами?» — «А ты?»

Оказалось, что Николай работает здесь. Кадрами ве-

дает. Это его, собственно, и заинтересовала моя персона. Он сказал, чтобы я доложил начальству о прибытии и шел к нему.

И вот я сижу в его каморке, где от столов и стульев и набившихся людей повернуться негде. Телефонные звонки, хлопанье дверями, сплошной гул голосов, но нам это не мешает. Забившись в угол за книжный шкаф, засыпаем друг друга вопросами. Кто и где сейчас из наших? Говорит больше Николай. Он рассказывает, кто куда назначен, кто ранен, а кто и убит уже. По ходу дела Богачев теребит меня расспросами. Особенно его интересует, чем и в каких условиях приходилось мне заниматься. И всему удивляется. «О-о, и операции приходилось делать?» Особенно интересовался боевыми переделками, в какие мне доводилось попадать. О делах в Синявинских болотах во всех подробностях заставил рассказать.

— Говоришь, командир полка послал, но ты же мог переждать дуэльную перестрелку батарей?

— Мог, но там раненые были,— не понимаю я, куда клонит Николай. — Да и командир у нас не из тех, кто позволяет своевольничать.

— Это полковник Митрофанов? Знакомая фамилия. Он как-то все наше санитарное управление на ноги поставил. Что, кстати, там тогда у вас случилось?

Я хорошо помнил этот случай. У двоих солдат при осмотре были обнаружены вши. Факт на фронте далеко не редкий. Немцы вообще зарастали вшами. Прежде чем занять их землянки, мы обязательно проводили их обработку. Не всегда и нам удавалось в полную меру проводить гигиенические мероприятия, тем более в напряженные периоды войны. Но полковник Митрофанов не считался ни с чем, когда касалось бойцов. В прошлом комиссар, он, став командиром, заботу о людях считал главной своей задачей. Тогда мы едва не под вражеским обстрелом проводили помывку красноармейцев в бане. Он действительно звонил в санитарное управление, и к нам примчалась санитарная рота.

Тогда и мне, как врачу, досталось. Николай Богачев, слушая мой рассказ, улыбался, но чувствовалось, что он думает о чем-то другом. И я не ошибся. Как-то без особого перехода он заговорил о боевых действиях наших партизан, которые после прорыва блокады особенно активизировались в тылу врага. Об их успехах писалось в газетах, сообщалось по радио. В ходе наступления мы неожиданно для себя узнали, что в Ленинградской обла-

сти есть целые районы, контролируемые партизанами. Только какое это имеет отношение к нашему разговору?

Оказалось, самое прямое. Николай вставил мою фамилию в список кандидатов для работы в партизанских отрядах. Вот почему его так живо интересовали и моя врачебная практика на фронте, и мои личные качества, в первую очередь моя психологическая устойчивость по отношению ко всякого рода опасностям. А я по своему врожденному простодушию все, что надо и не надо, выложил о себе. И об огненном вале, и о боях в Синявинских болотах рассказал. Правда, все больше хвалил артиллеристов-дальнобойщиков. Грамотнейший народ. А главное — храбрые и умницы. Из любой ситуации, даже в самых, казалось бы, губельных обстоятельствах выходят сухими из воды.

Богачев уловил мою привязанность к артиллеристам, которые многому научили меня, и не очень настаивал на моем положительном ответе. Мне давались сутки на размышление. Если откажусь — обиды никакой не будет.

Мы еще минут десять поговорили о разном и разошлись. А через десять дней я, тяжело опираясь на костыли, в утренних сумерках тащился от одной деревенской избы к другой. Это я делал обход больных во вверенном мне партизанском госпитале.

Рядом, с саквояжиком с необходимыми инструментами, шагает пожилой фельдшер. Из тех деревенских фельдшеров-трудыг, которые сидели по деревням до войны. Жаль, что фамилию сейчас его не могу вспомнить. Он уже успел обойти всех больных и теперь на ходу делится своими впечатлениями. Не нравится ему один из раненых, лежащий в крайней избе. Рана у него вроде пустячная — пуля прошла через икроножную мышцу, не задев кости, однако парень с каждым днем чувствует себя все хуже и хуже. Вечером у него вдруг поднялась температура. Она и сейчас держится.

— Не думаю, что это от раны. Может, простудился он? — высказал я свое предположение.

Идти было тяжело, скользко, костыли так и норовили разъехаться на оледенелой земле в разные стороны. Надо же было мне попасть при падении с парашютом в борозду. Может, для опытного парашютиста это не имело бы никакого значения, а я-то первый раз в своей жизни прыгал. Понятия не имею, как решился на это.

Вообще эти последние десять дней прошли, как в каком-то вихре. Решиться на работу у партизан было не просто. Не хотелось расставаться с полком. Не было и

четкого представления о партизанской жизни, она представлялась в виде непрерывных диверсий, маршей, ухода от погонь. Выдержу ли я непрерывное ощущение опасности? А с другой стороны, как можно в таких случаях отказываться?

Ночь я провел в Ленинграде, у себя дома, в пустой квартире, в которой, кстати, совершенно случайно избежал гибели от вражеского снаряда. Поднимаясь по лестнице, я слышал, как ухнул мощный взрыв слева, потом — справа. Еще два снаряда ударили спереди и сзади дома. Так, пятый предназначен мне. Уже от двери квартиры я бросился назад, вниз. И тут дом дрогнул и заполнился дымом и пылью. Поднявшись, я обнаружил свою площадку заваленной кирпичами и обломками крыши. Дверь моей квартиры была выбита. Утром Николай Богачев, услышав мой рассказ, покачал удивленно головой и всерьез сказал, что мне вообще нечего бояться войны, я из удачников. Не только к партизанам, но и к черту на рога можно смело лезть.

В тот же день меня отправили в Москву, где дали недельку отдохнуть. Предлагали еще пожить в Москве, но я отказался. Томила неизвестность будущего, а потом — я просто не знал, куда себя девать в Москве, уже успевшей ожить, обрести тыловую безмятежность. В кадрах только пожали плечами. Мол, как хотите.

Вначале предложили лететь к белорусским партизанам, но я попросился к своим, ленинградским. Здесь, может, кого из многочисленных своих родственников, разбросанных где-то по всему Ленинградскому фронту, встречу...

Три дня просидел на базовом партизанском аэродроме в Хвойной. Две первые попытки нашего самолета пробиться через линию фронта были неудачными. Вторая даже едва не окончилась печально — вначале попали под зенитный обстрел, а затем наш самолет атаковали два «мессершмитта». Летчик сам потом признавался, что не знает, как удалось ему увернуться от них.

Из пяти человек, которые должны были лететь, на третью попытку отважились только двое. Оставшихся троих никто ни в чем не упрекал. Нервы не у всех одинаковы.

Летели ночью. Весь полет теперь помнится как через пелену тумана. Густая темень, россыпи звезд, огоньки осветительных ракет и нитки трассирующих пуль внизу, по бокам, то выше, то ниже самолета то и дело вспыхивали огненные всплески — разрывы зенитных снарядов.

Костров на земле я не видел, только услышал, как летчик скомандовал приготовиться к прыжку. Не успел вкопаться испугаться, как последовало: «Пошел!»

Прыжок. Приземление. Резкая боль в ноге. А тут еще с разных сторон в темноте какие-то люди набегают. «Стой, стрелять буду!» — «Свои! Побереги патроны для других дел!»

Вначале я еще шел сам, а уже в штаб меня притащили под руки. В ту же ночь я встретился со знаменитыми на весь фронт комбригом Константином Дионисьевичем Каридким и комиссаром Иваном Ивановичем Сергуниным, ставшими Героями Советского Союза.

Они вначале обрадовались прилету доктора, но, заметив мое увечье, долго ломали голову, что делать со мной. Склонялись к мысли отправить назад, в партизанский госпиталь. Я предложил пару дней переждать, может, это не перелом, а простой вывих.

Два дня я не вылезал из хаты, в которой меня поселили, а на третий не выдержал, решил на костылях попробовать обойти раненых, размещенных в соседних домах. Надо было определить, кого лечить здесь, а кого отправить самолетом в тыл.

Хаты, отведенные под госпиталь, вплотную заставлены койками или нарами, ухаживают за ранеными сами же хозяйки хат, иногда наведываются фельдшер и медсестры. Мой приход на больных произвел хорошее впечатление. И не только как приход врача. Вволновала людей моя военная форма, которую я, кстати, отказался заменить гражданской одеждой, и так до самого конца своей партизанской жизни проходил в ней. Это стало моей отличительной чертой. По ней и теперь, спустя много лет после войны, вспоминают меня. «А-а, это тот капитан, который в военной форме у нас ходил!»

Уже после первого обхода раненых я понял, что куда отсюда я не улечу — врач здесь вот так нужен. К тому же приветливость партизан подкупала. А сколько в них было животворного оптимизма, гордости и уверенности в себе. Это удивляло. Кругом враг, да еще какой враг, а в них ни тени страха, а даже, напротив, даже бравада в каждом сидит. И как ей не быть, если только одна наша бригада едва ли не целый район контролировала, а все отряды удерживали в своих руках такое пространство, что его называли Партизанским краем. А когда человек себя героем чувствует, к нему никакие болячки не пристают, да и раны на нем заживают с невиданной быстротой.

Кажется, именно это обстоятельство впервые зародило во мне интерес к человеческой психике. Интерес, который после войны перерос в серьезное увлечение психиатрией.

Первый обход больных прошел удачно. Правда, сам я без привычки так наломался на костылях, что назад к себе едва добрался. Ранения в основном были легкие. Все назначения по их лечению фельдшер делал правильно. Меня, как и его, слегка озадачил паренек с пулевым ранением в ногу. Не должно быть у него повышенной температуры. И вид раны несколько настораживает. Неужели газовая гангрена? По лицу фельдшера, который не отличался разговорчивостью, вижу, что он тоже обеспокоен, но первым поставить диагноз не спешит. И я не решаюсь, так как раньше никогда с гангреной не встречался, а знал о ней только из учебников.

Вечером того дня ко мне в хату пришли командир бригады и комиссар. Моему решению остаться обрадовались, повели речь о необходимости передислоцировать госпиталь в глубь болот на один из островов, что недалеко от деревни Лазунья. Пообещали первым же рейсом отправить в Хвойную паренька с гангреной ногой. Только вот когда будет этот первый рейс?

Такая деталь. Часто, когда почему-то не мог пробиться к нам транспортный самолет, садились боевые, груз они привозили в бомболоках и так же в бомболоки забирали раненых. В нашей практике был случай, когда на взлете один из люков неожиданно раскрылся и раненый Жеребцов (фамилия его на всю жизнь врезалась в память) вывалился в снег. Боялись, что в другой раз он не согласится на такую транспортировку. Ничего подобного. Кладите, говорит, в это корыто, ничего со мной теперь не будет...

Это к нашему разговору о психологическом настрое партизан. В той обстановке у меня самого вывернутая нога быстро вошла в строй. И вот тут-то и началась настоящая моя врачебная практика. Кроме работы в госпитале у меня стало правилом периодически объезжать местные деревеньки, лечить оставшихся в них жителей. Они заранее готовились к этому «обходу». Специально собирались у какой-нибудь из хат, в которой хозяйка освобождала уголь, грела воду. Когда наступило тепло, осмотр проводился прямо на улице. С чем только не шли. В основном это были женщины и дети. У одних простуда, у других вывихи, порезы. Один из мальчишек протянул плохо забинтованную в кисти руку. Медсестра разбинтовала и ахнула — два пальца едва держатся на ко-

жище, а остальные покорежены. Мать стоит рядом, плачет, а он, семи-восемилетний карапуз, и одного стога не проронил. Конечно же, запалом от гранаты поигрался...

В одной из деревень подошел юноша, скорее даже подросток, но с винтовкой, значит, партизан. Издали заметил, что он прихрамывает, но обратиться за помощью не спешит, пропускает других. Я уже по опыту знаю, что просто так не пришел бы. Зову подойти поближе. Смущается, говорит, что дня три назад его в бою слегка царапнуло. Я глянул и обомлел. У парня пулевое ранение в ягодицу. Рана уже загноилась, к тому же в ней набито разного тряпья и пуля сидит. Нужна срочная операция, а до госпиталя далеко, и уже сумерки наполнили. «Будешь терпеть?» — «Буду». Быстро приготовили в хате стол, нагрели воды. Приступаю к операции. Конечно же, без наркоза, а освещение — березовые лучины. Пока добрался пинцетом до пули, сам взмок весь, а пациент как в рот воды набрал. Захватываю пулю. «Терпишь?» — «Угу».

И терпел. А дня через три он сам меня окликнул. Идет, прихрамывает слегка. И сияет улыбкой. Оттого сияет, что через два дня уходит на задание. В другой обстановке я, может быть, попытался как-то отговорить его, но тут было бесполезно. Ленинградские партизаны воевали смело, дерзко, при этом каждое боевое задание обдумывалось и разрабатывалось со всей тщательностью. Одной из главных забот командиров было не оставлять на поле боя раненых. Даже убитых исхитрялись выносить, не оставлять врагу.

Но как бы ни берегся человек на войне, случайности неизбежны. И мы, медики, всегда были начеку. Раненые прямо с носилок попадали в наши руки. Надо сказать, младший персонал у меня подобрался опытный. И фельдшер и медсестры хорошо знали свое дело и могли сутками не отходить от своего рабочего места. И мне как врачу доставалось. Работы было во много раз больше, чем в артиллерийском полку. Сам сейчас удивляюсь, откуда брались и смелость и решительность. Может, от сознания, что надеяться в той обстановке не на кого было. Пожалуй, не было такого случая, точнее, такой раны, перед которой я бы спасовал.

В этом у меня был пример, которому я хотел подражать. Речь идет о враче одного из партизанских полков, воевавшем под командованием Тараканова, о хирурге В. Филькинштейне. Его имя на весь Партизанский край гремело. Это был ас своего дела. Он всегда был в боевых

порядках полка. После боя, если случались тяжелораненые, требовавшие немедленной помощи, подразделения занимали круговую оборону, а хирург в это время делал операцию. Делал он операции блестяще, виртуозно. Рассказывают, что для ампутации он однажды успешно применил лучковую пилу. Во время войны мне так и не довелось встретиться с Филькинштейном, зато уже после войны я разыскал его и познакомился лично.

В партизанском отряде я, как и все наши медики, свою роль понимал гораздо шире, чем обычное врачевание. Для партизан было очень важно сознавать, что тебя в бою не бросят, что в любом случае ты получишь квалифицированную медицинскую помощь. И не где-то там, на Большой земле, куда еще добраться надо, а прямо сейчас, на партизанской базе. И каждый из нас делал все для поддержания своего авторитета. То есть для поддержания веры в нас.

Самый трудный в моей тогдашней практике был, конечно, случай с газовой гангреной. Честно сказать, я даже несколько растерялся, когда понял, что это действительно гангрена. Но виду не подал, потребовал от командования немедленной отправки парня в тыл. Но как часто в таких случаях бывает, погода установилась летняя. И вдруг — самая настоящая удача. В наш поселок проездом совершенно случайно завернули два опытейших хирурга из штаба Партизанского края — Владимир Львович Ваневский и Александр Иванович Соколов. Они спешили, но, выслушав меня, немедленно пришли в госпиталь. Все верно: самая настоящая газовая гангрена. И вот уже идет операция. Еще одна жизнь отвоевана у смерти. Еще одна небольшая победа над обстоятельствами и врагом. А сколько их было за время войны у каждого военного врача и на фронте, и в тыловых госпиталях!

Мне частенько приходится бывать на слетах ветеранов и артиллеристов и у партизан. Я уже многих не помню, а меня узнают безошибочно. «Это вы нас под Красным Бором из-под огневого вала вытаскивали?» Или: «Ба-а, доктор, не забыли еще Синявинские болота и наши дерновые чумики?» Но чаще слышишь такое: «Это вы, товарищ капитан?» Хотя какой я капитан, на погонах полковничьи звездочки поблескивают, но для партизан я до сих пор остался тем капитаном, который не согласился сменить военную форму. И еще костыли мои помнят. Как я, преодолевая боль, тащился от хаты к хате, где лежали раненые...

Т. И. КАЛМЫКОВА,
бывший санинструктор
260-го полка
168-й стрелковой дивизии

В ТВОИХ РУКАХ ЖИЗНЬ

В юности я любила танцы. Могла до ночи протанцевать в каком-нибудь клубе или просто на набережной Невы, а утром как ни в чем не бывало бежать на работу или на лекции в институт.

Теперь главная моя страсть — книги. Очень люблю читать военные мемуары. И документальные фильмы о войне люблю. С великим удовольствием смотрела как-то киноленту «Если дорог тебе твой дом», смонтированную по сценарию известных писателей Евгения Воробьева и Константина Симонова из многих кинорепортажей о боях под Москвой и Ленинградом в 1941 году. Техника съемок тогда была не ахти какой, но она с лихвой окупается достоверностью каждого кадра. Ты как бы снова окунаешься в то далекое и страшное время. Но взгляд на события — теперешний. Он-то и подсказывает мысль о том, каким все-таки страшным кошмаром была эта война!

А вот совсем недавно промелькнул на телеэкране еще один документальный фильм, который буквально потряс меня. В нем показана работа сандружинниц и санитаров на поле боя. То есть как раз то, чем я занималась на войне. Смотрела этот фильм и физически ощущала, как стираются, уходят куда-то годы, десятилетия, и вот уже я там, в том далеком, но ни на минуту не забываемом для ветеранов 1941 году.

...В кадрах — момент начала наступления наших подразделений. Только что мощно отгремели орудия, и вот при поддержке танков в атаку устремилась пехота. Немцы, как это видно в кино, изо всех сил стремятся сдержать ее натиск. По наступающим бьет артиллерия, лихорадочно частят минометы. Все поле усеяно большими и малыми султанами разрывов снарядов и мин. Плотными строчками взбивают пыль пулеметные и автоматные очереди. На глазах редеют цепи атакующих.

И вот кинооператор ловит в кадры бегущих с носилками и просто с тугими санитарными сумками санинструкторов и санитаров. Их тоже не обходит вниманием противник и с не меньшей щедростью, чем пехоте, выдает им и пушечного, и автоматного огня.

Бегущие пригибаются, падают, снова вскакивают, бегут и снова падают, энергично ползут по-пластунски.

Слежу за девушкой, далеко опередившей подруг. Потому, как она делает перебежки, как ориентируется в хаосе боя, видно, что она не из новичков. Ловлю себя на том, что как бы сливаюсь с нею, с ее действиями, мыслями, чувствами. Я тоже сейчас вся в страхе, в напряжении и, может быть, даже в отчаянии. Это и мне какая-то неодолимая сила подкапывает ноги, заставляет упасть и вжимает, вжимает всю меня до самой последней клеточки в искореженную взрывами и пахнущую порохом, гарью и копотью землю, и, кажется, теперь уже ничто не оторвет меня от нее, этой жутко жесткой и неимоверно родной земли. Ничто! И никто! Кроме меня самой. Да, я сама — невероятно, но именно сама! — каким-то сверхнапряжением воли заставляю себя снова вскочить на ноги и броситься вперед. Туда, к курящейся еще едким дымом воронке от мины или снаряда, где в неестественной позе застыло тело солдата.

Камнем падаю рядом. То есть это мы с той девушкой, что на экране телевизора, падаем около раненого. По каким-то не сразу объяснимым признакам догадываюсь, что он жив. С одного взгляда угадываются и места ранений. Задета голова. Но только задета. Хуже с грудью — кровь идет горлом, значит, прострелено легкое.

Острый нож легко вспарывает гимнастерку. По губам девушки видно, что она что-то говорит бойцу. Молодец! Ее слово сейчас лучше любого лекарства. Мы в войну это хорошо знали и широко этим пользовались.

Чтобы удобнее было работать с бинтами, девушка приподнялась и встала на колени. Кругом кипит бой, но на ее лице теперь ни тени страха, напряжения и тем

более отчаяния. Рядом плюхнулась и прыснула злыми осколками мина, но сандружинница только вздрогнула, скорее инстинктивно, чем сознательно, и продолжает сосредоточенно свое дело.

Все верно. Теперь ей сам черт ни почем. Мне хорошо знакомо вот это состояние, когда сознание опасности в бою резко притупляется.

На фронте мы не раз в своем кругу пытались найти объяснение этому явлению. Лида Борташевич, одна из самых смелых сандружинниц, работавших на Невском «пяточке», говорила, что к бою, как к холодной воде, надо привыкнуть, притерпеться. Катя Барышникова, кстати, моя фронтовая подруга, всегда очень рассудительная, доказывала, что вся тайна в занятости делом. Когда, дескать, перевязываешь раненого, просто некогда, да, именно некогда, вздрагивать от страха.

Видно, и в том и в другом утверждении есть своя доля истины. Но только доля. Главное, по-моему, все-таки в самом том деле, какое делали мы, сандружинницы, санинструкторы, санитары и вообще все медики, на войне — в спасении человеческой жизни. Людям свойственно сострадание к чужой беде, в особенности сострадание к раненому воину, защитнику твоей родины, твоей жизни, жизни твоих детей и вообще будущего мира, нашей земли...

Однако вернемся к киножурналу.

Не успела сандружинница сделать перевязки, как к ней подбежали санитары с носилками. Честное слово, я порадовалась за девушку. Чаще всего нам самим приходилось вытаскивать своих подопечных с поля боя.

Не знаю, есть ли на свете что-то более тяжелое и трудное, чем вот эта эвакуация.

Представьте себя на минуту в роли сандружинницы. Вам всего семнадцать-восемнадцать лет, вы — вчерашняя десятиклассница или студентка первых курсов института, и весите вы в пределах пятидесяти — шестидесяти килограммов (когда я лежала в госпитале, во мне было 37!), до этого раньше вы ничего тяжелее портфеля или хозяйственной сумки не носили, то есть физической закалки и споровки у вас нет никакой. Представили? И теперь вообразите, что вы на поле боя, где рвутся снаряды, мины, свистят пули, многие из которых специально ищут вас, а вы должны найти раненого, перевязать его, а потом почти безжизненное тело вытащить в безопасное место, а чаще к передовому медицинскому пункту, находящемуся иногда в двух-трех километрах от

передовых позиций. А в этом почти безжизненном теле в среднем не менее семидесяти — восьмидесяти килограммов.

Зимой еще куда ни шло. Можно какую-то волокушу из фанеры приспособить, на связанные лыжи положить. Да и просто по снегу, если он к тому же еще и рыхлый, можно тащить. А каково было летом и в особенности по весенней или осенней грязилке!

И таскали. Нам с Катюшей Барышниковой случалось за один день до тридцати раненых доставить на медицинский пункт.

Теперь об этом страшно даже подумать. Страшно и вместе с тем любопытно. Ведь ни меня, ни моих подруг, как наверняка и ту девушку, какую снимал фронтовой кинооператор, никто не неволил идти в сандружинницы. В большинстве своем мы все были добровольцами. Может, все шло от незнания, от излишней романтичности юных душ? Да, романтики и иллюзий хватало. Но и потом, когда мы освобождались от розовых очков детства, и тогда мы оставались верными избранному делу. Дезертиров среди нас не было. Больше того, когда нас с Катей Барышниковой силой убрали с передовой под Пушкином и отправили работать в ППМ, мы, не сговариваясь, едва ли не в тот же день сбежали из теплых, блистающих стерильной чистотой палат к себе, на передовую.

Вот этот порыв души и интересен в нашей прошлой, фронтовой жизни. Я часто, как киноленту, прокручиваю в памяти свою прежнюю жизнь, пытаюсь разобраться в причинах и мотивах своих поступков, поведения, и неизменно прихожу к одному и тому же выводу, что в большинстве случаев во мне самой, повторяю, во мне самой, то есть в моей собственной воле, в моем характере кроются истоки каждого моего шага на войне...

К началу войны мне было девятнадцать лет. Годом раньше я закончила десятилетку и поступила работать чертежницей в конструкторское бюро Кировского завода и параллельно училась на вечернем отделении Военно-механического института. Вуз этот был чисто «мужской», и я понятия теперь не имею, почему меня именно в него потянуло. Девушек здесь не жаловали и на вступительных экзаменах делали все, чтобы они отсеялись. Я хорошо знала об этом, знала о почти полной обреченности своих надежд и тем не менее подала документы, пошла на экзамены и... сдала их.

Кажется, это была моя первая в жизни существенная победа. Она пьянила голову, давала ощущение счастья.

Жизнь началась трудная. Кроме работы, учебных занятий обвалом валились на меня и общественно-комсомольские дела. Считала унижительным для себя пасовать перед трудностями. Уверенно шла навстречу им, преодолевала. А справившись с главными делами, урывала время еще и на спорт, и, конечно же, на танцы.

Война застала меня и моих подруг на экскурсии в Петергоф. Тогда к нам в институт приехала группа московских студентов. В основном, кажется, из Бауманского института. Их поселили в нашем общежитии, а мы на правах гостеприимных хозяев взялись знакомить их с Ленинградом. В субботу 21 июня выехали в Петергоф, оттуда возвращались под утро. Погода стояла отличнейшая. Мы пели, танцевали, дурачились. А проводив с пристани гостей домой, сами направились в институт — надо было позаниматься перед экзаменами.

Часов в двенадцать дня стайкой высыпали в институтский буфет позавтракать и тут от буфетчицы, плакавшей едва не навзрыд, узнали о начале войны. Вот, оказывается, почему на пароходике, vezшем нас из Петергофа, у всех проверили документы!

Война... Год назад закончилась финская кампания. Это тоже была война, но она не несла с собой такой тревоги, какая возникла в советских людях сейчас. Пришло острое ощущение большой и непоправимой беды, а вместе с этим и чувство своей личной ответственности за судьбу страны.

Может, это громко сказано, но я не знаю, как проще определить тот душевный порыв, какой возник во мне, в моих подругах, друзьях, требовавший немедленных и решительных действий.

Не помню, кто первый сказал о райкоме комсомола, но уже вскоре мы были на Огородникова, 17. У райкома уже бурлила большая толпа ребят и девушек. Мы попытались пройти без очереди, так как у нас-де очень срочное и важное дело. Но тут же выяснилось, что именно с таким делом явились сюда и все остальные.

Очередь продвигалась быстро. Разговор был деловым и коротким. «Оставьте заявление, когда потребуетесь, мы вас вызовем».

От этой фразы, как нам казалось, на версту тянуло бюрократизмом. Поэтому из райкома мы направились в райвоенкомат. Но и там ответили то же самое. Мол, ждите.

Ждать пришлось недолго. В один из ближайших дней принесли повестку. Создавался отряд сандружинниц. Учились и жили мы в здании музыкальной школы на Огородникова, 8. Во дворе мы маршировали, осваивали приемы стрельбы, ведения боя. Вот здесь-то я впервые встретила Катю Барышникову. Она у нас была командиром учебной группы. Отец у нее в первый же день войны ушел на фронт, ждал повестку из военкомата и старший брат. Катя нравилась мне своей серьезностью, жизненной активностью. Я ей тоже чем-то приглянулась, и мы, подружившись тогда, пронесли эту дружбу через все годы до наших дней.

Как-то перед самым окончанием учебы в школе Катя отозвала меня в сторонку и сообщила, что пришла разнарядка, по которой большая часть нашей группы останется в городе, а несколько человек будут посланы на оборонные работы. Ни то, ни другое нас не устраивало, так как мы все спали и видели себя на фронте, на самых передовых позициях. Но если туда нельзя, то выбираем более подходящее для нас — рытье окопов.

Нас отговаривали, но мы настояли на своем.

Тяжелейший это труд — рытье окопов. Тем более, что хромала организация дела. Вечно чего-то не хватало: палаток, лопат, кирок. Не отлажено было дело с питанием, с укрытиями от воздушных налетов.

Наш медпункт располагался в поселке Славянка. Командовал им немолодой уже врач-латыш. Это был очень грамотный, очень интеллигентный человек. Он-то и помог нам овладеть практическими навыками в работе с ранеными, которых с каждым днем становилось все больше и больше. В течение дня немецкие самолеты не раз и не два появлялись над нашими головами. Стреляли из пулеметов, бомбили. Запасы медикаментов таяли с каждым днем. Пополнять их нам никто не собирался, к кому только ни обращались — все впустую. Тогда я вспомнила про свой родной Кировский завод, там обязательно помогли бы. И вот я с разрешения нашего доктора на попутной машине мчусь в Ленинград.

Сколько времени я не была в городе? Недели две всего, а как он изменился за это время! Людей на улицах стало меньше, в лицах прохожих теперь больше сосредоточенности, озабоченности. На Кировском заводе основная масса рабочих — женщины, старики и подростки. Все мои прежние друзья, знакомые ушли в армию или в ополчение.

Обратно пришлось возвращаться пешком. В нашу сторону шли только военные машины, как правило, груженные военным имуществом. Попутчиков они никого не брали, тем более гражданских. У меня едва не полный мешок лекарств, бинтов. Приспособив его в виде рюкзака, направилась напрямую. Шла по каким-то плохо знакомым улицам, переулкам. Прошла мимо речной пристани, мимо потемневших от старости деревянных барачных корпусов, тогда окружавших ее. Потом пересекла железную дорогу и вышла на огромное картофельное поле. И тут как раз попала под страшную бомбежку.

Я не сразу обратила внимание на какой-то нарастающий гул. А потом, как глянула в небо, так и обомлела. Оно все сплошь, как черной тучей, было закрыто самолетами, и от каждого вдруг на моих глазах стали черными каплями отделяться какие-то точки, которые стремительно неслись к земле, на это вот поле, на железнодорожное полотно, на пристань, на деревянные бараки. Не долетая с полсотни метров, черные точки, став похожими на бочки, с треском раскрывались, и из них во все стороны разлетались зажигательные бомбы.

Я бросилась лицом вниз в картофельную борозду. Когда поднялась, все поле было усеяно бомбами. Несколько штук чернело и около того места, где я лежала. Земля была сырая, и, видимо, поэтому ни одна из зажигалок не загорелась. Я присела над ними, рассмотрела каждую. Около одной из мин увидела красивую ножку от фарфоровой куклы, подержала ее в руках и сунула за чем-то в мешок.

Немцы, охватывая Ленинград с юга, рвались к Карельскому перешейку для соединения с финскими войсками. Теперь нас кроме самолетов стали основательно тревожить и вражеские пушки. Рабочих стали эвакуировать в город, но мы с Катей не оставляли мысли попасть в воинскую часть, и нам вскоре повезло.

Однажды в Славянку пришла машина с группой командиров. На нашу просьбу откликнулись и посоветовали обратиться к майору М. Бригину, землянка которого располагалась неподалеку.

Бригин был командиром 260-го стрелкового полка 168-й стрелковой дивизии, только что переброшенной с Карельского перешейка. Он внимательно выслушал нас, и через час мы докладывали своему милейшему доктору о смене места службы.

— Завидую вам, молодым, — сказал на прощание латыш. — И не столько самой молодости завидую, сколько

возможности осуществлять любые, даже сумасбродные свои решения...

Я попала в батальон старшего лейтенанта Никифора Лузикова. Поначалу сильно робела перед бывалостью и боевой опытностью командиров и бойцов дивизии, многие из которых участвовали еще в финской кампании да и в этой войне успели вдоволь навоеваться.

Перед дивизией стояла задача остановить врага на подступах к Ленинграду. И она с честью справилась с нею.

Бои были тяжелыми. Людей и боеприпасов не хватало. А надо было не только отражать атаки противника, но и самим все время контратаковать, то есть вести, как тогда говорили, активную оборону. Она обходилась нам большими потерями в живой силе. И нам, сандружинницам, санитарам, врачам, не приходилось скучать без дела.

Хорошо помню свое боевое крещение. Это было 16 сентября 1941 года. Нашему батальону было приказано отбить у немцев близлежащий совхоз. Задача для нас оказалась непосильной, успеха батальон не добился, но шум получился большой. В какой-то момент мы попали в окружение, но отбились-таки от наседавших со всех сторон фашистов. Минометчики помогли.

Моим первым раненым оказался пожилой дядька-белорус. Рана была незначительной — задело мягкую ткань. После перевязки я помогала ему выбраться из-под огня. Боец с шутливой серьезностью говорил, что ему никак нельзя погибнуть в этой войне, так как дома осталось несколько детей. Не помню теперь, сколько именно, но знаю, что меня поразило количество.

Мы то залегали в воронках, то снова начинали ползти. И я не сразу заметила, когда его убило. Только почувствовала, что тело его вдруг огрузнело и стало невероятно тяжелым. Пуля попала прямо в голову. Это так было неожиданно для меня, что я, забыв о всякой опасности, встала перед трупом на колени и по-настоящему разревелась. Перед глазами у меня стояли лица детей, целой кучи один другого меньше ребятишек...

Не знаю, сколько человек в тот день мне удалось перевязать, вытащить с поля боя и доставить на передовой медицинский пункт. В работе заглушались и горечь утраты и сознание опасности. Я все время разговаривала с ранеными, о чем-то спрашивала, что-то просила, требовала. Один боец, например, все время, пока его тащила, давил себе руками на простреленный живот.

— Миленский, отпусти, отпусти, пожалуйста, руки, — уговаривала его.

Он на минуту отпустил, но тут же снова хватался за живот. Потом у него пошла кровь горлом. Значит, я не заметила прострел легкого. Тут же сняла шинель, разрежала гимнастерку и перевязала ему грудь.

После боя мы все, санинструкторы и санитары, прошли несколько раз ничейную местность, разыскивая незамеченных раненых.

Жили мы в блиндажах, питались вместе с командирами и штабными работниками. Ели ложками из одного ведра. Кашу приносили специально выделяемые подносчики пищи. Ребят на это ответственное дело подбирали самых смелых, находчивых, так как немцы специально гонялись за нашими походными кухнями, поварами и подносчиками пищи.

За какой-то месяц мы стали с другими девушками-санинструкторами и коллективом батальона одной дружной семьей. Вместе радовались успехам, переживали горе, на которое, как известно, фронтовая жизнь была особенно щедрой. И вдруг нас вызывают в штаб, и майор Брыгин, пряча от смущения глаза, сообщает, что всех нас переводят в стоявший в Колпине госпиталь. Почему? Оказывается, немцы по всему свету раззвонили, будто у защитников Ленинграда явная недостача мужчин и теперь идет мобилизация женщин.

Видя мое отчаяние, командир полка предложил мне остаться при штабе переводчицей. В тот же день я допрашивала двоих пленных. Допрос прошел успешно, но я не согласна была сидеть в штабе. В таком случае мне вручили предписание, и через час я была в Колпине, а еще через час вместе с другими медсестрами, в белом, стерильно чистом халатике, в тапочках сидела в ординаторской колпинского госпиталя. Кто-то что-то говорил, кому-то отдавались распоряжения, ко мне тоже обращались, я что-то делала, но все это тонуло в каком-то тумане, сознание мое никак не воспринимало всего, что происходило вокруг. В душе вначале была тоска, а потом, когда заметила, как один фельдшер беспардонно заигрывает с молоденькой медсестрой, пришла еще и злость. Люди воюют, кладут головы в боях, а тут...

От этого же фельдшера я случайно услышала пароль на ночь.

В ту же ночь под утро я сбежала из госпиталя и пешком через паханину, с риском попасть к немцам, добралась до штаба полка Брыгина. Здесь меня едва

узнали, так я была перепачкана грязью, по которой добиралась к своим. А узнав, все обрадовались.

Вскоре и Катя Барышникова оказалась на передовой.

В конце октября нашу дивизию перебросили в район Невской Дубровки для участия в боях на Невском «пяточке». Я переправлялась с первым же нашим батальоном, на первой лодке — первая из девушек дивизии вступила на землю легендарного теперь плацдарма.

Не хочу рассказывать о том, с чем пришлось встретиться на Невском «пяточке», о тех боях, какие разыгрывались на этом маленьком клочке земли. Скажу только, что работать приходилось едва не целыми сутками. Расстояние до медицинского пункта, оборудованного под обрывистым берегом, было небольшое, зато что это за труд был тащить раненых через сплошь перепаханное бомбами, снарядами поле, каждый метр которого простреливался! А таскать приходилось до тридцати человек за день.

Здесь я подружилась с Аней Никифоровой, Машей Барковой, Лидой Борташевич и другими девушками-санструкторами, настоящими героинями боев, у которых я многому научилась, многое переняла.

С наступлением морозов работать стало труднее — даже легкораненые погибали от обморожений. В одну из морозных ночей я сама была ранена.

В тот день наши делали очередную попытку прорвать вражескую оборону. И снова под сильным фланговым огнем пришлось отступить. Мы, кажется, всех раненых вынесли с поля боя. Однако где-то в середине ночи услышали крик на ничейной полосе. Многие в штабе, в том числе и корреспондент дивизионной газеты Владимир Александров, вышли из блиндажей, точнее, «лисьих нор».

Говорю стоявшему рядом со мной санитару Маслову, чтобы он полз к раненому и притащил его к нам, но тот стал отнекиваться, мол, это может оказаться немец, да и вообще это не наш участок.

Тогда я сама поползла. Меня пытались остановить, но при моем своевольном характере это было бесполезным делом. А кроме того, я понимала, что человек гибнет. Не от ран, так от мороза он через каких-то полчаса погибнет. Погибнет наш боец — чей-то сын, брат, муж, отец...

Я делала перевязку, когда рядом разорвалась мина. Сноп искр — и я почувствовала, что ранена в ногу. Придя в сознание, сделала жгут и перетянула ногу выше ко-

лена. И уже не помнила, как ко мне подполз и вытащил к своим корреспондент газеты Володя Александров.

Были приключения при переправе через Неву, были долгие мытарства по госпиталям, была ампутация ноги.

Итак, прощайте танцы! Но это не значит еще — прощай жизнь.

После войны закончила университет, включилась в активную общественную работу. Встречаюсь с ветеранами, друзьями. До сих пор переписываюсь с Никифором Макаровичем Лузиковым. А однажды уже много лет спустя после войны на трамвайной остановке встретила случайно Катю Барышникову, дороги с которой у нас разошлись. Радости не было пределов. Были и огорчения. Человек большой смелости, самоотверженности в боях, Катя в жизни оказалась очень робкой, стеснительной. Она долгое время вместе с семьей ютилась в какой-то развалюхе. А местные власти города Пушкина не проявили чуткости к ветерану войны, боровшемуся за этот город.

Любопытно, что при встрече Катя почему-то в первую очередь спросила, выбросила ли я ножку от фарфоровой куклы, которую я когда-то подняла на картофельном поле, усыпанном зажигательными бомбами.

— Выбросила,— сказала я и показала на свой протез.

Катя расплакалась. Оказывается, у нее по этому поводу было дурное предчувствие. Я не посмела, как бывало раньше, посмеяться над ее суеверием.

**Подполковник в отставке
Н. П. КРЫЛОВ,
бывший командир взвода
санитарно-эпидемиологического
отряда**

БОДРОСТЬ ДАРЯЩИЕ

Точной даты теперь я не помню, знаю, что случилось это в конце зимы 1944 года. Блокада Ленинграда уже снята, уже наши войска гонят фашистскую нечисть где-то в Эстонии, Латвии, бьют под Псковом, а может, и дальше. День стоит так себе — не ясно, не пасмурно. Наш трудновыговариваемый отряд — санэпидемиологический — раскинул свои палатки в Таврическом саду. Это единственно подходящее для нас место — в парке есть небольшой пруд. Он затянут рыхлым уже льдом, в котором мы пробили лунки и качаем воду в свои банные емкости.

Я сижу в своей палатке и вожусь с документацией. Подсчитываю, сколько и куда израсходовано солдатского белья, портянок, солдатских ремней.

В палатку по какому-то делу на минутку забежала командир соседнего взвода лейтенант Тамара Кадникова. Уходя, спрашивает, почему я заставил своих шоферов рыть щели. Мол, от местных властей может влететь. Тут, в парке, все музейное.

— А если воздушный налет?

— Какой уж теперь налет?

Она отпускает еще какие-то шуточки, от которых я отмахиваюсь.

Потом заходит шофер Геннадий Лапин. Говорит, что

из пруда не вода, а сплошная тина идет. «Его, наверное, еще со времен Екатерины не чистили!»

— Что предлагаешь? Почистить?

Лапин не отвечает, а, высунувшись из палатки, прислушивается к чему-то. Ну да, ясно: я тоже уже слышу гул самолетов. Неужели фашисты прорвались? Не может быть! Уже много недель нет бомбежек. Люди в городе, если и появляется гул в небе, даже головы не поднимают — наверняка наши летят.

— Однако, — говорит Лапин, — не нравится мне эта гармонь. Гудят — точно немецкие.

— Воздушная тревога! — шутливо вопит за палаткой другой мой водитель Сергей Шорников.

Я, конечно же, не верю ему, но на всякий случай складываю свои бумаги в сундучок и выхожу из палатки.

— Вон они, сволочи! — показывает Шорников на небо.

Действительно, группа самолетов, окутанная облачками зенитных разрывов, разворачивается на боевой курс.

Это был один из последних, если не самый последний налет немецкой авиации на Ленинград. И, надо полагать, вызван он был какой-то острейшей необходимостью, то есть возникла большая нужда в уничтожении очень важной цели. И вот этот полет спланирован, подготовлен, вот, пробившись сквозь истребительный и зенитный заслон, рискуя своими жизнями, фашистские летчики атакуют эту цель. Да, но какую? Куда они, гады, метят? Они же на нас пикируют!

— Все — в укрытия! — изо всех сил кричу я. Шорников уже без баловства повторяет мою команду.

Мы камнями падаем в свежееоткрытые щели, и в ту же секунду раздается мощный бомбовый взрыв, за ним другой, третий...

За всю войну мы не попадали в такой переплет, хотя на каких только участках фронта не доводилось бывать. На что Невская Дубровка считалась едва ли не адом, но и там мы куда меньшим испугом отделявались.

Бомбы падали почти по всему саду, но гуще всего в месте нашей стоянки. Несколько штук угодило в гущу палаток и машин, а две или три — в пруд, обдав тиною все стоявшие вокруг деревья.

Трудно сказать, сколько времени длилась эта катавасия. Когда все кончилось, мы ахнули, увидев весь разгром, какой учинила отряду эта бомбежка. Палатки все сорваны и многие клочьями разбросаны вокруг, многие

машины перевернуты, посечены осколками. Хорошо, что хоть люди оказались живы-здоровы.

— Спасибо твоим щелям,— сказала Тамара Кадникова. — Нет ли у тебя случайно своего агента в фашистском штабе? Как ты догадался, что нас бомбить будут?

— И за что это они нас-то, мыло-мочальных вояк, так покрестили сегодня? — возмутилась дезинфектор Маша Степанова.

— Это они в Лапина метили,— сказал Сергей Шорников. — Он им под Осиновцом как-то, лежа в канаве, грозил в небо кулаком.

— Отставить шуточки! — команду я. — Всем за работу!

Но разве остановишь наших остряков. Под общий смех Лапин объявил, что эта божья кара была ниспослана на наших девчат за то, что они в своих банях смотрят на обнаженных мужчин...

Конечно же, девчата не остались в долгу. А когда перепалка слегка улеглась, веское слово вставил шофер Дзикия Каванадзе. Он сказал, что нынешняя бомбежка далеко не случайная. Наконец-то немцы догадались, что именно мы, дезинфекторы и банщики, являемся главным источником силы и могущества наших войск...

— А что, если поразмыслить, так оно так и есть,— вставила тетя Поля.

Мы долго после этого случая в шутку между собой называли свой отряд главной силой нашей армии. Но в каждой шутке, как известно, есть доля истины. Втайне даже от себя мы все верили, а я, например, и сейчас верю в эту самую долю, какой бы она малой ни была...

Наш отряд был создан в самом начале войны на базе небольшого госпиталя, который, в свою очередь, возник из передвижного госпитального отделения. Любопытная это была организация. Она была очень подвижной, точнее, вся ее жизнь проходила в движении от гарнизона к гарнизону. В ее задачу входили профилактические медицинские мероприятия. Это и массовые осмотры, и прививки. Но, случалось, принимали здесь и роды, делали небольшие хирургические операции.

Как раз в передвижном госпитальном отделении я и начинал свою воинскую службу, придя в него вскоре после окончания финской кампании. До этого я был сельским фельдшером. Участок у меня был большой и практически тоже не приходилось сидеть на одном месте. Сам характер работы заставлял быть, что называется, ма-

стером на все руки. В армии, в передвижном госпитале это пригодилось.

И даже в санитарно-эпидемиологическом отряде мои фельдшерские навыки оказались очень кстати.

Создавался отряд очень трудно. На первых порах у нас ни людей, ни нужной техники не было. Да и сам характер работ далеко не всем был ясен. К счастью, командовать этим отрядом было поручено Натану Рафаэлевичу Перельману, человеку очень активному, деловому. Выслушав мой доклад о прибытии в его распоряжение на должность командира взвода, он долго расспрашивал о моем прошлом, затем повел знакомить с людьми и показывать имущество взвода.

Машины были полуторки. Вместо положенных трех было две. Палаток тоже не хватало. Водители Лапин и Откупщиков — из выздоравливающих после ранений. Из нескольких дезинфекторов в наличии только одна девушка. Остальных скоро подоплют, но на специалистов надеяться не приходится, в лучшем случае это будут просто санитарки. Всех придется учить в процессе работы.

Моему взводу, как и всем взводам отряда, придавался взвод охраны. Использовать стрелков не по назначению командир отряда не советовал. Им и своего дела будет хватать. Больше того, сами дезинфекторы должны будут овладеть оружием и способами самозащиты.

— Не будут же нас выбрасывать в тыл к противнику? — задал я вопрос Натану Рафаэлевичу.

— Нет, в тыл не будут, но работать придется в непосредственной близости от передовой. Немецкая разведка любит охотиться за такими, как наше, подразделениями...

Первый наш выезд был под Лугу. Там как раз шли ожесточенные бои. Начсандив, которому я доложил, удивился тому, что есть такое странное подразделение, и, разумеется, обрадовался. Как раз одна часть выходит из боя на отдых и пополнение, вот ей баня очень кстати. Он подсказал, где лучше расположиться, помог людям. Когда к помывке было все готово, он сам приехал к нам посмотреть на нашу работу. Приехали и некоторые другие дивизионные командиры.

А баня получилась хорошая. За день мы пропустили через парилки и душевые около тысячи человек. В знак благодарности начальство дивизии подарило нам еще одну палатку.

Под Стрельной нам посчастливилось подобрать разби-

тую машину, которую Геннадий Лапин в несколько дней восстановил. Надо сказать, что это был замечательный водитель и беспокойной души человек. Все штатные приспособления он переоборудовал на свой лад, да так, что мы за сутки ухитрились мыть до двух тысяч человек.

Как строилась наша работа?

Разворачивались мы обязательно возле какого-либо водоема: речки, пруда или озера. Ставили палатки — полковую, дивизионную и снова полковую. В первой у нас была оборудована дегазационная камера, во второй моечная, в третьей мы выдавали чистое белье. Одна из машин подавала пар в первую и вторую камеры, то есть в дегазационную и моечные палатки, а вторая качала из водоема воду. Третья машина была у нас транспортной.

В дезкамере на специальных плечиках развешивалось более двадцати комплектов одежды. В моечной котел грел воду, и сюда из водоема подавалась и холодная вода.

Поначалу мы не возили с собой чистое белье. Люди после помывки надевали на себя свое же, старое, так как у старшин, как правило, не оказывалось на этот момент чистого комплекта. Потом мы через медотдел фронта добились разрешения и нам стали выдавать односуточную смену чистого белья. Это сразу повысило комфорт обслуживания.

Грязное белье мы отвозили в прачечные, а потом приспособились сами стирать его и чинить. Труда в этом особого не было, так как горячая вода у нас была, была и дезкамера для сушки. Теперь не требовалось нам каждый день ездить в Ленинград и обратно за новой партией белья.

Сама собой родилась и медицинская услуга. Мылись у нас в основном люди, только что вышедшие из боя. У кого-то были небольшие ранения, кто-то приболел, а этот ногу растер или с головной болью мается. Стали прихватывать мы с собой медикаменты, бинты, вату.

И уж совсем мы удивили своих клиентов, когда организовали нечто вроде буфета. Помылись бойцы, переоделись в чистое, выходят из палатки, а тут их ожидает громадный самовар, а на столиках разложены сахар, печенье.

Хозяйство и услуги наши росли, но вот количество машин и обслуживающего персонала оставалось прежним. Что делать? А ничего. Просто люди увеличили свою рабочую нагрузку, а водители наловчились брать не пол-

торы, как полагается по наставлениям, а две и даже три тонны груза на свои машины.

Справедливости ради надо признать, что люди к нам работать шли неохотно. Очень уж непрестижно по тем временам было наше дело. Дезинфекция. Бани на колесах. Разве сравнишь это с тем, чем занимались, скажем, сандружинницы в частях?

Помню, как пришла к нам Маша Степанова. Она поначалу наотрез отказалась остаться во взводе. Я не стал ее удерживать. Попросил только один день поработать, а уж потом идти, куда считает нужным.

Мы тогда направлялись под Невскую Дубровку. Развернулись в небольшой лощине, на берегу какой-то речушки. Со стороны Невы слышен гул боя. Несколько снарядов — шальных или прицельных — досталось и на нашу долю. Вокруг идет обычная боевая жизнь, и мы не выбиваемся, а свободно вписываемся в нее. Вот пришла первая партия солдат. Привел ее капитан с перевязанной рукой. Лицо у него почерневшее от гари и пыли, от усталости он едва держится на ногах. Поздоровавшись, капитан сказал, что его батальон, вернее, то, что осталось от него, сейчас с часок-полтора вздремнет где-нибудь поблизости, а тогда можно будет и душ принять.

Я же предложил ему другой план — вначале принять душ, пока, мол, вода горячая, а уж затем его батальон может и поспать. Даже у нас в палатках можно будет организовать такой отдых.

Договорились. Но тут произошла некоторая заминка. Все ясно: солдаты не захотели раздеваться при наших женщинах. Зову тетю Полю (жаль не помню фамилию).

— Ах, вы мои ласковые, дорогие сыночки,— запричитала-запела она,— да как же вы устали, как намучились! Видно, ни рук, ни ног не чувствуете. А вот теперь помоетесь теплой водой, попаритесь в нашей парилке, и все как рукой снимет...

Воркует наша тетя Поля и тут же помогает одному сапоги стащить, у другого гимнастерку принимает.

И вот уже плещутся бойцы в душевой, вот уже оживают люди. Голоса громче слышны, и смех и веселый гомон возникли.

После мытья капитан вдруг оказался белолицым. Спать всем расхотелось, тем более время их торопит, и батальон, распрощавшись с нами, пошел своей дорогой. А наша новенькая раздумала уходить от нас. После она стала одной из лучших дезинфекторов отряда. Ведь

дарить другим благо — само по себе большое благо и для дарящего...

На всю жизнь каждому из нас заомнилась поездка взвода в Кобону. Там было большое скопление солдат рабочих батальонов. Но мы их быстро пропустили через свои парилки. А в один из дней по своей инициативе решили организовать баню и для эвакуированных из Ленинграда детшек. Весть об этом быстро дошла до большого начальства, и помывка всех эвакуированных была узаконена и стала правилом. Был даже установлен порядок: все, проезжающие через Кобону, должны проходить через санпропускник. Дезинфекторы твердо стояли на страже этого порядка.

Наш отряд расформировали вскоре же после снятия блокады, но санпропускник в городе остался. Меня назначили его начальником. Люди в возрасте наверняка помнят такой адрес: Обводный канал, 23. Ведь в конце войны и некоторое время после нее ни одна транспортно-пассажирская касса не выдавала билетов, если не было на руках справки о прохождении через санобработку.

По-разному воспринимали люди эту необходимость, но дело-то в общем было неплохое. Ведь, несмотря на все трудности, вызванные войной, громадный город уберегся от всякого рода эпидемий. И в этом немалая заслуга санитарно-эпидемиологической службы. Может, и в самом деле немецкие летчики тогда, в сорок четвертом, не в какую-то другую цель, а именно в нас целились?

Рядовая в отставке
А. А. ЮРГИЛЕВИЧ,
бывшая рабочая
прачечного отряда

ХОТЕЛОСЬ БЫТЬ НУЖНОЙ

— Внимание!.. Марш!

Я вскакиваю с земли и, пригнувшись, держа в обеих руках ручки носилок, устремляюсь вперед.

— Отставить! Юргилевич, милая, как вы держите ручки носилок? Так же неудобно для вас и сдерживает бег,— говорит инструктор курсов Красного Креста, где мы вот уже полмесяца занимаемся по четырнадцать часов в сутки.

Инструктор — пожилой врач, очень нервный, но на нас почти не кричит — ему просто нас жалко.

Я хочу ему сказать, что все произошло случайно, но, заметив строгий взгляд старшей нашей группы Анны Ивановны Якушкиной, на полуслове обрываю себя и тут же исподтишка толкаю свою напарницу Катю в бок. Катя прыскает от смеха.

— Что такое? — с неизменной жалостью смотрит на нее инструктор.

Теперь уже не сдерживаясь, Катя дает волю смеху и в редких перерывах между его приступами сообщает, что это она виновата, что это она первая так взяла с земли медицинские носилки, а мне, ее напарнице, мол, ничего другого не оставалось делать, как тоже действовать неправильно.

— Честность — хорошее качество, но что тут смешного?

Инструктору невдомек, что нам по 17—18 лет и что из нас ключом бьет энергия и сила. И после напряженного дня занятий нас хватает на шутки, веселье и вообще на всякие «коники», как говорит старшая группы Якушкина...

Я уже три дня не была дома и не знаю, как там дела у отца. Мысль о нем омрачает настроение. В последнее время папа заметно сдал, все время прихварывает, даже стал плохо видеть. Надо бы забежать к нему, но я стесняюсь отпрашиваться. Помогает случай. В последнее время немцы участвовали воздушные налеты, но их удары все обходили наш район, а тут вдруг дошла очередь и до нас.

Мы как раз сидели в классе, когда объявили воздушную тревогу. По гулу самолетов и по треску зениток догадываемся, что бомбы упадут где-то рядом. Старшая группы на бегу в укрытие объявляет, кто из нас должен приготовиться к оказанию первой медицинской помощи. В числе других называет меня и мою напарницу Катю.

По звукам разрывов я с замиранием сердца отмечаю, что бомбы падают в районе Красноармейских улиц, как раз у моего дома. Поэтому, не дожидаясь сигнала отбоя, вырываюсь из подвала и сломя голову несусь по улице, увлекая за собой и Катю. Носилки мы теперь держим правильно, как учили нас.

Кругом дым и гарь, где-то рядом с характерным шумом-порохом оседают на землю стены домов. Сзади раздаются два гулких взрыва. Мы инстинктивно падаем под основание каменного забора и слышим, как осколки докают над нашими головами по кирпичам.

На бегу я заметила, что удар пришелся в основном по 2-й Красноармейской. Наша 8-я цела и невредима, но там тоже царит суматоха. Люди бегут навстречу к двум разрушенным домам.

Мы с Катей в числе первых влетаем в громадные проемы в стенах и тут же натываемся на людей, лежащих в руинах. Я наклоняюсь над мужчиной и не могу понять, где у него лицо, вся голова — сплошная рана. Руками нащупываю нос, теперь все ясно.

— Бинт! — кричу Кате. Но что с нею? Катя закрывает лицо руками, и видно, что она едва стоит на ногах — вот-вот упадет. Вскликаю, дергаю ее за руку, велю брать раненого за ноги, чтобы уложить на носилки. Но тут

чь-то сильные мужские руки отстраняют меня от носилок.

— Мы сами отнесем в машину, — говорит мужчина, — вы лучше другими ранеными займитесь...

В общежитие курсов мы вернулись часа через три-четыре. Уставшие, морально разбитые. У Кати распухшее от слез лицо. За обедом она отказалась от еды — тошнит. Расспрашивает о моей прежней жизни, завидует, что мне довелось поработать и на заводе, и в типографии, и даже на оборонных работах под Кингисеппом. Там-то я впервые испытала на себе воздушные налеты вражеских самолетов. Было ужасно видеть, как немецкие летчики из пулеметов били по женщинам, пожилым людям, рывшим окопы.

— Ты уже обстрелянная, — говорит Катя, — а я вот крови ужасно боюсь и, видимо, никогда не привыкну к ней.

Подходит Анна Ивановна Якушкина. Спрашивает меня, успела ли я забежать домой. Нет? Тогда могу сейчас сходить.

— Два часа хватит?

Дверь открыла соседка. Обрадовалась мне. Отец лежал на диване, но, услышав голос в коридоре, вышел навстречу, обнял.

С порога я приступила к готовке ему обеда. Удивилась, что макароны, как положила в прошлый раз, так и лежат целыми. «Для тебя берег», — говорит отец.

Пришли все соседи. Разговор идет только о бомбежке. Узнав, что я участвовала в эвакуации раненых, удивляются моей храбрости.

Когда я уходила, соседка в коридоре шепотом спросила меня, слышно ли что-либо о моем брате Игнате, арестованном несколько лет назад. Я отрицательно качаю головой. Она с минуту молчит, потом говорит, что знает, кто написал на него ложный донос. Панарин Марк Дмитриевич. Я столбенею от ужаса. Не может быть, чтобы родственник родственника вот так подло был способен оболгать!

— Может, — говорит соседка. — Панарина теперь повысили по работе. Но, — принимается она меня успокаивать, — такие дела людям даром не проходят. Жизнь обязательно воздаст подлецу...

Слова оказались пророческими. Уже после войны я узнала, что брат реабилитирован, а Панарину, действительно, воздалось...

Числа двенадцатого октября 1941 года на курсах

объявили, что требуются добровольцы работать в передвижном прачечном отряде. Что это такое, мы не знали. Нам объяснили, что отряд военный, то есть мы, как все военнослужащие, будем носить солдатскую форму, примем присягу и, что самое важное, будем обслуживать передовые подразделения. После этого почти вся наша группа записалась в этот отряд. Катя отказалась. Она сказала, что не сможет стирать окровавленную одежду.

Располагался отряд в районе Озерков, ближе к Поклонной горе. Было в нем около сотни девушек. Из командиров помню комиссара Дмитриева, Гинзбурга — он у нас политруком был. Коган заведовал складом. Из девушек до сих пор в памяти имена Вали Ермолаевой, Люси Киселевой, Ани Виноградовой. С Аней Лушкиной мы дружили и до сих пор поддерживаем дружеские связи.

Еще помню веселую девушку — Галю (фамилию забыла). Она была у нас заводилой. В свободную минуту брала гитару и пела песни, которых знала сотни. Самой любимой у нее была озорная песенка «Ах, мама, кот, кот, кот, мама, кот...»

Я тоже любила петь под гитару. Это помогало забывать об усталости. А уставали мы сильно. Уже в первый день прибытия в отряд мы поняли, что это за работа. Не успели расположиться в казарме, как пришло несколько машин с бельем и верхней одеждой, привезенных из какого-то госпиталя. Нас сразу поставили на разборку. Большинство вещей было окровавлено, продырявлено пулями и осколками, разрезано хирургами или сандружинницами еще на поле боя.

Стирка белья, одежды, шерстяных одеял и шинелей производилась в громадных железных барабанах, которые из-за отсутствия тока мы крутили вручную. Работа была тяжелая, изнуряющая. А кроме того, мы сами кололи дрова для кипячения воды, стояли в карауле, внутреннем наряде, гладили, ремонтировали одежду, готовили себе еду, а зимой, когда отказал водопровод, на санках возили воду.

На одни санки ставили два молочных сорокалитровых бидона, наполняли их водой из проруби на озере и везли в отряд. В сильные морозы, пока бывало довезешь воду, она по дороге замерзнет. Надо оттаивать. Это значило — поднимать бидоны на плиту. Многим такая тяжесть была не по силам. А что делать?

Часто, пиля дрова или поднимая вот так бидон с водой, крутя барабан или стоя зимой на улице в карауле, я вспоминала нашего пожилого врача-инструктора на

курсах Красного Креста. Вспоминала его грустное лицо, когда он провожал нас сюда, в этот прачечный отряд. Как всегда, ему было нас жалко. Он догадывался, какие испытания нас ждут. Но вряд ли он предполагал, что мы-то как раз выстоим, не разочаруемся в своем выборе.

Дня через три после прибытия на место нас полностью переодели в военную форму и мы приняли в торжественной обстановке присягу. Перед этим комиссар Дмитриев произнес короткую речь, в которой он сравнивал нас с бойцами переднего края. Мы вначале восприняли это как некоторое ораторское преувеличение, но вот слово взял один из работавших у нас после излечения в госпитале пожилых рабочих. Он рассказал, как радуются солдаты на передовой бане и чистому белью после мытья.

— Это такой праздник, что вам и не передать. А кто этот праздник дарит солдату? Вы, дорогие доченьки, вы дарите эту радость... Я понимаю, как тяжело вам. Но кому нынче на этой проклятой войне легко? — сказал старый воин, и мы даже возгордились немного собой.

У нас было двое рабочих-мужчин. Они были родные братья, вместе получившие ранения. Один и месяца не прожил, умер от ран, а второй работал изо всех сил, однако всю тяжелую работу он переделать не мог и много ее перепало нам.

Самое трудное, конечно, была доставка воды. Она требовалась и для замочки окровавленной одежды, и для стирки, и для полоскания. Кто-то из девушек предложил полоскать прямо в озере, как это испокон веков делается в деревнях. Дело значительно облегчилось. Девушки в высоких резиновых сапогах, стоя в воде, колотили вальками мокрое белье. Немецкие летчики это заметили, и несколько раз над озером пролетали истребители, пытавшиеся, видно, понять, что там происходит. Вначале они нас не трогали, и мы думали, что тем все и обойдется. Не будут же фашисты тратить бомбы на прачек? Однако они рассудили по-своему. На третий или четвертый день нас обстреляли и даже сбросили на озеро бомбы. К счастью, все обошлось благополучно. Но полоскание белья мы перенесли на ночное время.

Интересно, но мы немного даже гордились тем, что немцы посчитали нас объектом, достойным применения бомб и пулеметного огня.

Рабочий процесс стирки одежды и белья состоял из множества операций, не равных по затрате сил. Чтобы никому не было обидно, мы группами ходили как бы по кругу. Сегодня я, скажем, кручу ручку стирального ба-

рабана, завтра пилю дрова для подогрева воды в котлах, потом стою в карауле или дневалю в казарме. Дежурили мы и на кухне, сидели на ремонте и сушке белья, верхней одежды.

Лучшим из всех нарядов была сушка и штопка. В сушилке стояла жара, все отдавало чистотой и белизной. Мы здесь переодевались в легкие халаты и на какое-то время окунались в мирный уют, оставшийся где-то далеко, в мирном времени.

Лица у всех нас обветрились, руки покраснели и распухли от холодной воды. От постоянного недоедания все стали изящными. Силы постепенно таяли. Все тяжелее стали казаться барабаны, топоры, пилы. Раньше бак с водой мы поднимали вдвоем, а теперь и вчетвером едва осиливали. А горы белья, одежды, доставляемые из госпиталей, не убывали, а все возрастали.

Особенно много работы было в периоды перехода на зимнюю или летнюю форму одежды. Правда, мне довелось видеть, как переходили войска с летней на зимнюю форму. Потом так получилось, что меня в полной дистрофии вывезли из Ленинграда. И это получилось случайно. Я хоронила умершего от голода отца и там, дома, дошла до тяжелейшего истощения. Если бы не это обстоятельство, я никогда не ушла бы из отряда.

Ведь был за полмесяца до этого у меня случай, когда стоял вопрос: буду я или не буду работать в отряде. Я тогда буквально умолила командира оставить меня на месте.

В тот день я провинилась: взяла охапку дров, предназначенных для котлов, на обогрев нашей казармы. Комиссар Дмитриев увидел это и в порядке наказания решил отправить меня из отряда. Для меня это показалось хуже расстрела. Но все обошлось. Вступились девчата, комсомольские активисты. И я уж так работала, что тот же Дмитриев по своей инициативе отпустил меня навещать отца. Идти пришлось пешком. Я едва добрела до своей Красноармейской. Отца я застала мертвым. Он скончался за пятнадцать минут до моего прихода. Умер от голода, а макароны так и лежали целыми — он берег их для меня...

Тогда же, занятая хлопотами о похоронах, нечаянно встретила свою напарницу по курсам — Катю. Она командовала отрядом сандружинниц. «А как же боязнь крови?» — спросила я. Катя только махнула рукой. «Вылечилась от этого недостатка. Война вылечила!»

**Подполковник-инженер в отставке
И. П. СМИРНОВ,
бывший командир взвода
88-го отдельного
мостостроительного батальона**

В ЛЕДОВОЙ РАЗВЕДКЕ

На одной из встреч с молодежью мне задали вопрос: пошел бы я вот теперь в ледовую разведку через Ладогу? «Разумеется, я согласился бы, но... в расчете на то, что меня по возрасту не пустили бы», — сказал я. Ребята посмеялись, поняв шутку, и тут же забыли об этом разговоре. Только я сам его не забыл. Еще несколько дней после той беседы задумывался над мотивами своего (да и не только своего) поведения в войну. Во-первых, нашим хотением и нехотением мало кто интересовался. Все больше строилось на приказе. Но вот любопытно, сам приказ, как правило, не расходился с личными желаниями, порывами души. И чем труднее задание, тем с большей охотой его выполняли...

Тут многое шло от юношеской романтики, но главное было в понимании обстановки, в ненависти к врагу.

В ледовую разведку через Ладожское озеро было решено брать только добровольцев. Когда объявили это перед строем роты, то рота вся, в полном составе сделала шаг вперед. А юношей среди нас было мало. В основном наш мостостроительный батальон состоял из людей, имевших ограничения по состоянию здоровья, по возрасту или пришедших после ранений из госпиталей. То есть в юношеской наивности их уже нельзя было обвинить.

Старший военфельдшер нашей второй роты А. С. Жукова со слезами на глазах умоляла командира никого из подразделения не брать. Борис Григорьевич Кастиурин с улыбкой протянул Александре Сергеевне список добровольцев и сказал, чтобы она сама попробовала отговорить кого-то из солдат. А если это не удастся, то ей останется одно — позаботиться о том, чтобы они все в полном здравии дошли до Кубоны. Да еще имели силы, если потребуется, немедленно вернуться обратно...

Милому фельдшеру не удалось решить первую задачу. Больше того, она даже Кирдяпкина вынуждена была отпустить. Того самого Кирдяпкина, у которого была вывернута ступня правой ноги, и он ходил, сильно припадая на нее. Она не могла не отпустить солдата-калеку, так как он сам сильно настаивал на походе, да и другие требовали этого. Кирдяпкин — это же тот же Теркин, с ним, если и погибнешь, то от смеха, но никак не от усталости и уныния.

Да я и сам, видно, здорово тогда обиделся бы, если бы меня по каким-либо причинам не включили в состав разведчиков. Помню, как обрадовался, когда вызвали на совещание в землянку к командиру батальона.

Это было 15 ноября 1941 года, вечером.

Службу в армии я начал в августе 1941 года в должности командира взвода 88-го мостостроительного батальона. Основной костяк его командного состава состоял из инженерно-технических работников конторы «Союздорпроект» и Управления шоссейных дорог. Командиром батальона был назначен бывший начальник этой конторы А. П. Бриков, его заместителем по технической части — опытный инженер-мостовик М. З. Гусинский, комиссаром — И. И. Юевич. Командирами рот были Н. П. Качурин, Б. Г. Кастиурин, Л. Н. Соколов. Взводами командовали М. С. Дмитриев, В. Т. Воробьев, братья Д. Н. и А. Н. Стафеевы, С. И. Ашевский, А. В. Ионин, Ф. И. Кротков и другие. Почти все они до войны работали инженерами-дорожниками Ушоссдора или «Союздорпроекта».

История создания и деятельности батальона была тесно связана с созданием легендарной Дороги жизни.

На станцию Ладожское Озеро наш батальон прибыл в ночь на 10 октября 1941 года. Построились в колонну и вышли на прибрежное шоссе. Дни уже стояли мороз-

ные, шли бодро, быстро. На озере бушевал шторм. Еще издали мы слышали грохочущий шум волн.

Слева от нас высился красно-белый маяк Осиновец, впереди — клокочущая вода, вдаль справа — непрерывные вспышки ракет в районе Шлиссельбурга и Синявина, сзади стеной стоял темный лес, а под ногами лежала узкая полоска шоссе, слегка запорошенная снегом.

Перед этим мы уже прошли пешком от Ленинграда до станции Всеволожская, потом ехали в поезде, и вот снова марш. Люди быстро продрогли на ветру. Никто не знал, куда и зачем идем. Но вот послышалась команда на остановку. Было приказано готовиться к ночлегу: разбивать палатки, делать шалаши, но костров не разводить. Для многих из нас это была первая в жизни ночь, проведенная в лесу, на снегу.

Утром часть людей осталась строить землянки, а остальная масса направилась к маяку на сооружение пирсов.

Вслед за нашим батальоном вскоре стали прибывать и другие строительные части. К середине октября в Осиновце все кипело от развернувшегося здесь строительства.

Немецкие самолеты не давали нам покоя. Бомбы то и дело разрушали сделанное нами, но через некоторое время все вновь восстанавливалось. К вновь возведенным пирсам, несмотря на бомбежки и шторма, непрерывно причаливали суда с продовольствием, а обратным рейсом они увозили оборудование заводов, людей.

Баржи курсировали через Ладогу всю осень, до самого ледостава. И даже когда лед почти затирал суда, моряки ухитрялись пробиться сквозь него и доставить свой бесценный груз на западный берег.

Но вот движение по Ладоге совсем прекратилось. Над Ленинградом, его защитниками нависла угроза голодной смерти. И тогда со всей остротой встал вопрос о создании ледовой трассы через озеро.

13 ноября на основании решения Военного совета фронта начальник тыла генерал Ф. Н. Лагунов издал приказ о немедленном развертывании работ по прокладке автогужевой дороги через Ладогу. Начальником строительства был назначен военный инженер 3-го ранга Б. В. Якубовский. Еще до его прибытия на озеро многие организации занимались разведкой льда, а теперь эта разрозненная деятельность обрела четкую систему и плановость. Все данные разведок сосредоточивались в оперативной группе.

У нас, в 88-м ОМСБ, тоже были свои разведчики, ко-

торые ежедневно выходили на лед. Правда, наши походы пока ограничивались 5—7 километрами в глубь озера. Дальше лед угрожающе трещал и начинал ломаться. Но однажды М. С. Дмитриев со своей группой повстречал рыбаков из деревни Коккорево, которые посоветовали избрать маршрут поисков от деревни Коккорево через банки Астречье и Железница на острова Зеленцы и уже оттуда брать направление на деревню Кобона. Здесь, по их словам, озеро не так глубоко и лед устанавливается рано.

Об этом разговоре Дмитриев доложил Якубовскому, и вот по этому поводу созывается совещание.

Громадная землянка была полна народу. Чувствовалась важность предстоящего разговора.

В ходе обсуждения вопроса вырисовалось и решение, и порядок его осуществления. Возглавить разведку было поручено командиру третьей роты воентехнику 2-го ранга Л. Н. Соколову, комиссаром отряда был назначен политрук 2-й роты В. И. Брук. Вся команда состояла из трех групп по 8—10 солдат в каждой. Командовать этими группами было поручено командирам взводов Дмитриеву, Ашевскому и мне.

Каждая группа имела свое задание. Первая — Дмитриева — разведывала начальный десятикилометровый участок и после этого возвращалась в Коккорево. Ашевский шел от 10-го километра до острова Зеленцы и тоже возвращался. Я же со своей группой должен был достигнуть восточного берега Ладоги. То есть в общей сложности (туда и обратно) пройти 60 километров.

После совещания у командира батальона мы, все командиры, идущие в разведку, остаток ночи провели в землянке командира второй роты Б. Г. Кастюрина. Сюда пришли и наши фельдшеры А. С. Жукова и М. А. Карпушенкова. Вот когда и встал вопрос о комплектовании групп. Разногласия между командирами и медиками устранили сами солдаты своим единодушным желанием участвовать в разведке. Оставалось только отобрать наиболее подходящих.

Теперь-то я не смогу назвать весь состав пошедших в этот поход ребят, но фамилии некоторых прочно засели в памяти. Это — сержанты Замятин, Панкратов, Богородский, красноармейцы Иванов, Бебекин, Виноградов, Удоденко, Кушелев, Завгородний, Ястребов, Кузин, Рябов и другие. И конечно же, наш собственный Теркин — Кирдяпкин.

Несколько слов надо сказать о начальнике нашего отряда разведки Леониде Николаевиче Соколове. Это был

опытный дорожник-изыскатель, отличный организатор дела. Он участвовал в финской кампании и выгодно отличался от всех нас. Соколова любили и солдаты и командиры. Жаль, что ему не суждено было дожить до нашей победы — 11 августа 1942 года он погиб во время одной из сильных бомбежек строящегося пирса.

Весь день 16 ноября ушел на подготовку к выходу. Мы еще и еще раз проверяли экипировку каждого, солдатам дали поспать и сами выбрали время отдохнуть. Соколов же большую часть дня провел в штабе, уточнял маршрут, утрясал хозяйственные вопросы. А кроме того, он съездил в Коккореве и разыскал там двух проводников.

Большую заботу о разведчиках проявили командир и комиссар батальона. Тогда наши люди экипированы были плохо. По приказанию Юревича интенданты едва не из-под земли достали все необходимое. Даже оружие нам выдали. Труднее было с питанием. Мы получали по 300 граммов хлеба, а точнее по 150 граммов хлеба и по 75 граммов сухарей. Продовольственники сверх этого изыскивали нам на каждого по большой селедке.

Наш политрук роты В. И. Брук побеседовал с каждым разведчиком. А вечером у нас собралось совместное собрание коммунистов и комсомольцев, на которое пришел и И. И. Юревич.

Спать легли раньше обычного, но не спалось, и я написал письмо в Саратов, где жили родные. Спрашивал их, не было ли каких вестей от жены. Накануне войны она уехала к своим родным на Смоленщину, там родила мне второго сына, а с началом войны эвакуировалась куда-то на восток, а куда — я не знал.

Разбудил меня Миша Дмитриев.

— Вставай, Иван. Уже без пятнадцати пять. Пора собираться.

Сборы были недолгими. Ровно в 6.00 в маскхалатах, с оружием в руках и гранатами у пояса, с пешнями, санками, вешками, веревками, спасательными кругами Ваганьковским спуском выходим на берег, и тут, к нашему удивлению, нас встречает группа командиров во главе с Б. В. Якубовским и старшим батальонным комиссаром П. С. Глуховым. Они специально пришли, чтобы проводить нас в трудный и очень важный поход. Последние напутствия, рукопожатия — и наконец мы вытягиваемся в колонну по ладожскому льду.

Еще совсем темно. Над озером низкие облака. Дует боковой ветер. У берега лед прочный, но торосистый. Снега почти нет, но идти нетрудно. Впереди идем Соко-

лов, Дмитриев и я. С нами еще два проводника и связной командира Юра Кушелев. За нами первым идет отряд Дмитриева, а еще дальше — основная группа. Замыкает колонну наш комиссар Брук. Идем в колонне по одному, в 3—5 шагах друг от друга, держа направление на банку Железница. Проводникам этот отрезок пути хорошо знаком.

Лед пока прочный — 10—15 сантиметров толщины, а в некоторых местах он почему-то истончается, и тогда спешим быстрее проскочить опасный участок. Идем спешно — группе Дмитриева надо сегодня же вернуться в Коккореве. Его доклада ждут не только в батальоне, но и в Смольном. Это обстоятельство ни на минуту не выходит из головы.

В 3—4 километрах от берега торосов становится меньше, но снижается и толщина льда. Вскоре вдруг ветер усилился, потом понесло снежную крупу. Впереди уже в пяти шагах почти ничего не видно. Соколов приказал остановиться. И тут вдруг ураган стал стихать и совсем прекратился. Снова тронулись вперед.

А небо над нами жило бурной боевой жизнью. Пролетали наши «дугласы», в южной стороне, где-то над Шлиссельбургом, кипел воздушный бой. Должен был над нами пролететь самолет, специально имеющий задание посмотреть на нас сверху, но мы его так и не видели. Немецкие летчики на нас не обращали внимания. Они, видимо, и мысли не допускали, что кто-то в такую погоду и при таком состоянии льда отважится прогуляться по Ладоге.

Первое небольшое ЧП произошло на 8-м километре. Одной ногой провалился под лед Юра Кушелев. Он больше всего опасался, что его отправят назад вместе с группой Дмитриева.

Этот случай заставил всех повисить бдительность. Лед явно становился тоньше и тоньше. И вот уже на горизонте показалась черная полоса. Неужели вода? Кто-то сказал, что это может быть и мираж, а может, просто чистый, то есть бесснежный, лед. Но младший проводник отверг наши успокоительные догадки, сказав, что это все-таки вода. Он вообще не верил в нашу затею. Ладога, по его словам, очень редко замерзает прочным льдом. И то это происходит не раньше начала января, а сейчас только середина ноября.

Передние остановились, стала подходить и вся группа. Соколов велел рассредоточиться, так как лед был совсем ненадежный.

Возникло небольшое совещание. Мнения разделились. Оба рыбака утверждали, что мы поторопились с выходом, надо, мол, возвращаться. Но мы не могли не выполнить приказ и решили обойти стороной эту промоину.

Разработали план действий. Дмитриеву и Ашевскому предстояло обойти воду справа, а мне с моей группой — слева. Сам Соколов решил идти с моей группой. Комиссар отряда Брук вместе с основной массой разведчиков оставался на месте. Через каждые тридцать минут мы обязаны были посылать ему донесения.

Начался самый опасный этап похода. Лед был настолько тонкий, что легко пробивался наконечником лыжной палки. Из отверстий фонтанчиком выбивалась вода.

Идем со всеми предосторожностями. Вдруг замечаем, что кромка льда все дальше и дальше забирает вправо, обходя громадное поле открытой воды. Вот лед совсем сомкнулся. Кричим «ура», но тут же догадываемся, что восторги пока преждевременны. Идти по перемычке льда совсем невозможно. Вносится предложение переправляться лежа на лыжах. Соколов велит провести такой эксперимент мне, как самому легкому по весу.

И вот я, отталкиваясь руками ото льда, качу по ледяному стеклышку. Чуть отстав от меня, упирается Юра Кушелев, а за ним переправляются и все остальные солдаты.

Таким же способом миновали злополучный участок и другие группы. Это был как раз тот 9-й километр, который в процессе всей работы будет много досажать водителям и эксплуатационникам Дороги жизни.

Отсюда, с 9-го километра, первая группа Дмитриева повернула назад, в Коккорево. Ушел с нею и один проводник. Тот, что постарше, остался с нами.

День, не успев разыгаться, снова пошел на убыль. Вскоре совсем стемнело. Ориентировались теперь только по компасу. Помогали и вспышки осветительных ракет на южном берегу озера.

Переход по тонкому льду отнял много времени и сил. Посоветовавшись с комиссаром, командир принял решение на первый привал. Было разрешено съесть селедку. Ту самую, какую выдали сверх нормы. На всю жизнь запомнился этот ужин ночью на голом льду, на десятки километров пустыней простиравшемся в разные стороны. Хотелось спать, но звучит команда: «Встать!» Ночлег было решено устроить на острове Зеленцы.

Путь до этого привала оказался едва ли не самым

утомительным. Несколько раз нам думалось, что мы уже близки к цели, но все оказывалось не то. В одном месте напали на обломки немецкого самолета. Была мысль, что мы сбились с пути. Но вот и остров.

Еще до выхода в поход нас проводники предупреждали, что на Зеленцах есть рыбацкая землянка, что в общем-то хорошо, но может оказаться, что там сидят немцы. И сейчас мы приняли меры предосторожности — вытянулись редкой цепью, оставив позади резервную группу.

Вот уже видны отдельные камни и кустарники на берегу. Вокруг мертвая тишина. И вдруг впереди раздается властный окрик: «Стой, сволочи, иначе всех уложу!» Из-за камня показалась фигура в черном морском бушлате.

Наши тоже начали кричать что-то в ответ. Потом Соколов поднялся и один пошел на голос моряка. Минуты через две они обнимались. Оказалось, что на острове находятся три моряка, присланных для несения сторожевой службы.

Ночь мы провели на острове. В тесной землянке, рассчитанной на 3 человека, мы ухитрились по очереди сидеть по 8 человек. Остальные прятались в маленьком стожке сена.

Здесь, в этой крохотной землянке, Соколов, примостившись в уголке, написал донесение комбату, в котором сообщил, что трасса, можно считать, пройдена, что можно приступать к прокладке дороги.

Рано утром — подъем. Вторая группа возвращается назад, а мы продолжаем путь до Кубоны, оставив свой скудный провиант возвращавшимся. Нас-то, очевидно, не оставят голодными на восточном берегу.

К великому удовольствию нашему, лед дальше пошел более прочный.

К середине дня показался силуэт деревенской церквушки. Первыми нас встретили мальчишки. От них и от черных хат повеяло таким спокойствием, такой мирной благодатью, что у всех на глазах выступили слезы...

Через час мы сидели группами по хатам и ели горячую рассыпчатую картошку. А утром следующего дня, еще затемно, мы по своим же следам возвращались в Коккорево. Недалеко от коккоровского берега повстречали солдат нашего батальона. Оказывается, они, не дожидаясь наших донесений, пошли по нашим следам и прокладывали новую дорогу, связывавшую Ленинград с Большой землей...

В более молодые годы я частенько выезжал зимой на берег Ладоги. Однажды наблюдал такую картинку. Двое юношей было ринулись на лыжах за прибрежные торосы, но их спутницы запротестовали, и ребята тут же вернулись назад. Тогда же я в сотый раз снова задал себе вопрос: а сам бы я теперь рискнул бы перейти Ладогу? Видимо, нет. Впрочем, сложись такие же обстоятельства, какие были в 1941 году, наверняка пошел бы. Да и вот эти юноши наверняка не отстали бы от нас, ветеранов...

Дальнейшее многим читателям хорошо известно. Ледовая дорога, соединившая восточный и западный берега Ладоги, вошла в историю минувшей войны как одна из самых ярчайших ее страниц. Для блокадного Ленинграда она стала поистине Дорогой жизни. Тысячи тонн различных грузов, и прежде всего продовольствия, были перевезены по ней в осажденный город, десятки тысяч мирных жителей проехали по ней в обратном направлении — на Большую землю. И сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, как кадры кинохроники, встают перед глазами нескончаемые колонны автомашин, идущих по хрупкому льду беспокойного даже в зимнее время озера. А тут еще налеты вражеской авиации, частые артобстрелы со стороны Шлиссельбурга, свирепые метели, а весной — оттепели, на метр заливающие лед водой... Разведка трассы была трудной, нас встречали как настоящих героев. Но, если честно, положив руку на сердце, подвиг водителей, возивших грузы по ледовой трассе, стоит на порядок выше того, что довелось сделать нам, разведчикам и строителям. Перед ними любому защитнику Ленинграда не зазорно преклонить колени.

**Капитан в отставке
А. И. ВАСЯНОВИЧ,
бывший начальник
головной мостостроительной
базы**

И ВСТАВАЛИ МОСТЫ

Не помню теперь точную дату, знаю, что произошло это в начале зимы 1943/44 года. Было три часа ночи. Я только что собрался лечь спать, как вдруг раздался телефонный звонок. Дежурный по автодорожному управлению сообщил, что меня срочно вызывает к себе генерал В. Г. Монахов.

Мелькнул, как всегда в таких случаях, вопрос: «Зачем?» Но кто может на него ответить? Тем более по телефону...

Головная мостостроительная база, которой я тогда командовал, располагалась на Охте, а штаб тыла и наше автодорожное управление — во Всеволожске. Вызвав свой «виллис», спешно одеваюсь.

Ночь темная, уже по-зимнему холодная, вот-вот ударят морозы, ляжет снег, начнется третья блокадная зима. Правда, в сравнении с первой мы сейчас куда в лучших условиях. Хотя и узкий коридорчик, связывающий Ленинград с Большой землей, но он есть. Налажена перекачка горючего по трубопроводу через Ладогу, а это же такая экономия транспортных средств!

Да и наше дорожное хозяйство отлажено теперь, как часовой механизм. Не то, что было в сорок первом. Тогда ведь все с нуля начинали.

Нам, дорожникам, в смысле оснащения боевой техникой повезло больше, чем любой другой службе. Почти все, что эвакуировалось из Прибалтики, Псковской и Новгородской областей, осело у нас и за Ладогой.

Перед войной я работал инструктором Ленинградского обкома профсоюзов, обслуживал все военные стройки. В 1939 году в нашей системе произошла некоторая реорганизация. Военные строители, ведавшие строительством аэродромов, были переподчинены военно-строительному управлению Ленинградского военного округа. Их база располагалась в Гатчине. Мне предложили, и я согласился вестись в ней кадрами. Руководил этой организацией майор, а в войну полковник И. А. Хотимский. Это был очень умный, энергичный, хозяйственный человек.

Мы тогда ремонтировали и строили стационарные и временные, то есть полевые аэродромы. Техника и люди, естественно, были разбросаны по десяткам разных мест. Однако Хотимский как-то ухитрился держать все свои подразделения в твердом своем кулаке, добиваться повсеместно дисциплины, порядка, высокой производительности труда.

В первые дни войны член Военного совета по делам тыла Т. Ф. Штыков приказал нам перебазироваться под Лугу. В нашу задачу входило строительство оборонительных сооружений — противотанковых рвов, траншей, блиндажей.

Как раз в это время из западных областей потянулись обозы с разным промышленным и строительным оборудованием, в том числе и с дорожно-строительной техникой. Не вся она доходила до Ленинграда, часто ее, покоренную немецкими бомбами, бросали на обочинах дороги. В той суматохе мало кто обращал на это внимание — и не то приходилось бросать, — но И. А. Хотимский организовал помощь обозникам, а те механизмы и машины, которые оказывались брошенными, своими силами собирал и переправлял оказиями в Ленинград и даже за Ладугу.

Все, что осело в городе, потом было передано моей головной базе. В наших руках оказалась такая техника, с помощью которой можно было в прямом смысле слова горы своротить. Она-то и выручала нас, когда шло сооружение ледовой трассы и шоссежных дорог за Ладогой.

Надо заметить, что автодорожному управлению и с кадрами сильно повезло. И прежде всего тем, что нашим начальником был генерал-майор В. Г. Монахов. Это был один из популярнейших руководителей в штабе Ленин-

Е. П. МИХНО,
командир отдельного
дорожно-строительного
батальона

Г. К. РУМЯНЦЕВ,
начальник отдела
дорожного управления
фронта

А. С. МОЖАЕВ,
командир отдельного
дорожного полка

В. Г. ВЛАДИМИРОВ,
начальник отдела
дорожного управления

градского фронта. Его высокая требовательность счастливо уживалась с высокой интеллигентностью, человеческой обаятельностью. Имея отличнейшее образование, Монахов никого не подавлял своими знаниями. С ним всегда было легко, просто, в его присутствии можно было и хотелось размышлять, спорить, думать над решением стоящих проблем.

Под стать начальнику были и другие работники управления. И в первую очередь такие, как комиссар управления подполковник Е. И. Львов, заместитель начальника полковник Н. Х. Дьяченко. С большим удовольствием всегда вспоминаются инженеры Б. В. Якубовский, В. П. Каньшин, Г. В. Барышников, Н. Г. Мячин, С. Б. Кумыш, В. Г. Владимиров, О. В. Лобанов и другие.

Как известно, наше автодорожное управление в начале войны вобрало в себя целый ряд гражданских специалистов строительных организаций города и области. Процесс такого объединения сам по себе не простой. И надо было быть В. Г. Монаховым, чтобы провести его без малейших осложнений. Гражданские кадры легко влились в нашу систему, быстро освоили наш стиль работы, и уже вскоре было трудно отличить, кто среди нас кадровый военный, а кто призван из запаса.

Да простит читатель мне это небольшое отступление, посвященное генералу В. Г. Монахову, к сожалению, ныне покойному. Он достоин самой светлой памяти о нем...

Вот еду я во Всеволожск, поднятый далеко за полночь, и нет во мне той внутренней напряженности, какую порой испытываешь при вызове начальника. Нет, потому что не будет разгона, если я даже в чем-то и провинился, допустил какую-то ошибку. А будет деловой разговор. Но о чем может быть сегодня этот разговор? Есть, правда, одна догадочка, но за семью печатями она. И все же именно она подогревает надежду, заставляет замирать сердце.

Сейчас-то можно сказать. Мы, защитники Ленинграда, спали и думали только об одном — о возможном наступлении наших войск. Но всякий раз отгоняли эту мысль. Очень уж силен еще враг.

В штабном домике-дачке тепло и уютно. Дежурный предложил немного подождать, так как генерал сейчас занят. На лице майора ни тени намека на причину моего

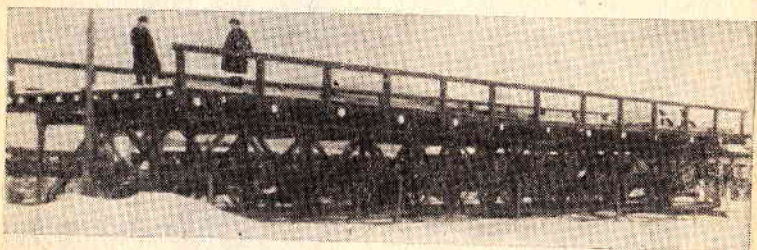
А. В. ДУБОВИК,
командир отдельного
дорожно-эксплуатационного
батальона

Г. В. БАРЫШНИКОВ,
начальник отдела
инженерно-технического
обеспечения
дорожного управления фронта

Н. Г. МЯЧИН,
начальник отдела
дорожного управления
фронта

Сборка разборных конструкций моста

**Ладожская трасса. Санный путь на лошадях.
Зима 1941/42 года**

Л. Ю. ГАЛЬПЕРИН,
командир отдельного
дорожно-эксплуатационного
батальона

В. К. МОСКВИН,
командир отдельного
дорожно-эксплуатационного
батальона

Ф. И. МОРЕЙ и П. И. БОЧКОВ — авторы прибора,
определяющего степень прогиба льда

вызова. Вот только в глазах светлые искорки играют. И уже за это спасибо, легче на душе.

Вошел комиссар подполковник Е. И. Львов, пригласил к себе выпить кружку чаю. Еще один положительный знак. Но на мой прямой вопрос, зачем я понадобился генералу, только плечами пожал.

— А кто сейчас у генерала? — захожу я с другой стороны.

— Каньшин.

Меня словно током передернуло. Львов заметил это и уже не скрывал улыбки.

Ведь В. П. Каньшин занимается у нас проектированием, значит, разговор у генерала идет как раз об этом. То есть о проектировании мостов. Это что-то новенькое! Раньше мы мосты все больше подрывали...

Я снова смотрю на Львова, но он по-прежнему молчит, и только улыбочка на губах играет.

Уже давно ходят слухи, что вот-вот должно что-то начаться. Наезжавшие к нам на базу офицеры из мостостроительных батальонов рассказывали, что у берегов Ладоги много дорожно-строительной техники. Но то все слухи, а вот сейчас чем-то более реальным повеяло.

Входит дежурный и приглашает меня к Монахову. Генерал встает и по своему обыкновению с улыбкой идет навстречу, чтобы пожать руку. Приглашает садиться. Настроение, судя по улыбке, у него хорошее. Каньшин тоже сидит, словно на именинах. Вижу, он наблюдает за моим лицом. Все ясно: хочет уловить мою реакцию на предстоящий разговор.

— Мы, товарищ Васянович, вот тут уже беседовали с товарищем Каньшиним... Хочу заранее предупредить: разговор наш должен остаться пока втайне, — говорит генерал Монахов.

Хорошее начало.

Смысл дальнейшего разговора сводится к тому, что надо всерьез готовить нашу головную базу к большим делам. Отступая, противник наверняка не оставит нам ни одного целого моста через реки. Отсюда вывод: их надо делать заранее...

Радость во мне смешалась с тревогой. Наступление — это же отлично! Но сколько же потребуется мостов и других конструкций, если наступление будет продолжительным и стремительным?

От генерала Монахова мы с Каньшиним вышли под утро. Дежурный сказал, что меня ждет референт члена Военного совета по делам тыла Н. В. Соловьева подпол-

ковник Сапожников. Тот молча с улыбкой протянул мне заранее подготовленные бумаги, в которых Военный совет фронта предписывал всем промышленным предприятиям города, к которым я буду обращаться, всячески помогать и содействовать мне. Это уже совсем серьезно. А главное — оперативно.

Спать в ту ночь не довелось. Вначале провел у себя совещание, затем поехал на Балтийский завод, оттуда на Кировский, затем на «Невгвоздь». Цель этой поездки — размещение заказов на изготовление ферм, свай и других деталей мостов.

Любопытной была реакция руководителей предприятий. Вначале едва не полный отказ — куда, мол, такой объем да за такие короткие сроки! Но, догадавшись что к чему, сразу оживлялись, начинали искать пути решения задач. Думать тут было над чем, так как предприятия были буквально обескровленными. Не хватало рабочей силы, электроэнергии, материалов. Что-то заводчане изыскивали у себя, чем-то помогали мы.

Однажды я вспомнил, что на одной из пригородных станций в самом начале войны было свалено несколько вагонов утильсырья. Послал своих солдат, и уже через день там все было разобрано, сложено в определенном порядке, а потом и перевезено в цеха заводов. На «Невгвоздь» мы завезли несколько машин разнокалиберной проволоки и арматурных стержней. «Откуда такое богатство?» — «Немцы подарили!»

И это, действительно, почти так и было. Наши солдаты по ночам разбивали бетонные плиты подорванных дотов и собирали арматуру для изготовления гвоздей и скоб.

Наши представители все время были в цехах. Я имею в виду и военпредов Н. Ю. Крупянского и Н. М. Молчанова. И не столько для контроля мы там бывали, сколько для моральной поддержки уставших людей.

На много мастера без сострадания нельзя было смотреть. Давало знать о себе все пережитое во время блокады, усталость тоже сказывалась — иногда ведь по 14—16 часов люди не уходили с завода. Подойдешь к такому, поговоришь, сигарку вместе выкуришь или сухарь пополам разделишь, смотришь, человек словно ожил, с новыми силами берется за дело.

У себя на базе мы принялись готовить и оснащать всем необходимым подвижные походные мастерские. Делали большие автофургоны, которые загружали набором запасных болтов, скоб, гвоздей, проволоки и других под-

собных материалов. Были в этих мастерских и кувалды, и токарные станки, и сварочные аппараты. Все это здорово выручало во время наводки мостов.

Фермы в разобранном виде свозились с заводов к нам на территорию базы. Здесь личный состав мостостроительных батальонов тренировался в сборке и разборке конструкций. Занимались солдаты напряженно, каждое действие отрабатывалось до автоматизма, день ото дня сокращая нормативы. Этому очень помогало соревнование, инициаторами которого, как это водится, были коммунисты и комсомольцы.

Надо отметить, что во главе мостостроительных батальонов стояли очень грамотные и толковые люди. Особо среди них выделялись А. П. Бриков, М. З. Гусинский и другие. В ходе оборонительных боев батальоны, которыми они командовали, обеспечили надежную работу прифронтовых дорог. Ремонтные и восстановительные работы часто велись под бомбежками, артобстрелами, в тяжелых погодных условиях.

Сейчас, готовясь к наступлению, строители отработывали и навыки борьбы с вражескими лазутчиками, диверсантами, что, как потом показала жизнь, было далеко не лишним.

Первый мост наши мостостроители возводили в Кингисеппе. Прежний, как доложила инженерная разведка, был взорван так, что ни о каком его восстановлении не могло быть и речи. Генерал Монахов был прав, предупреждая о том, что враг будет цепляться за любую возможность, чтобы хоть как-то задержать наступление наших войск.

Кажется, числа с 8 января мы сидели в полной боевой готовности. В день наступления наших войск приехал к нам генерал Монахов. Он был чисто выбрит, подтянут, спокоен. Поздоровался, расспросил о делах, о настроении людей, потом, посмотрев на часы, объявил тревогу. И в ту же секунду все ожило, загудело, задвигалось.

Еще накануне мы с командиром роты капитаном Несговоровым утрясли все организационные вопросы. Как и решено было, горючего взяли больше, чем было определено планом, мало ли куда потом еще могут нацелить. Так в общем-то и получилось в этот раз.

Колонна у нас образовалась внушительная. Любопытно, что все другие рода войск безоговорочно уступали

нам дорогу. И это, естественно, само по себе поднимало в нас чувство самосознания и ответственности.

Прибыв на место назначения, мы увидели, что генерал Монахов уже здесь и посматривает на часы. Он любил точность, исполнительность и умел, что самое главное, без окриков, разносов добиваться этого.

Мороз тогда стоял что-то около двадцати пяти градусов. Но лед на реке был разрушен, над холодными волнами курился легкий туман. Чуть в стороне виднелся наведенный саперами понтонный мост. Машины нашей базы прошли по нему и расположились на противоположном берегу. Бросилось тогда в глаза огромное поле, сплошь уставленное белыми могильными крестами. Никогда раньше не видел такого громадного солдатского кладбища. Впечатление было жуткое и радостное одновременно — это же могилы врагов наших!

Мост возводили солдаты батальона подполковника М. З. Гусинского. Работали они четко, как на тренировочных занятиях, даже, как мне показалось, еще лучше.

Немцев, видно, поразила та быстрота, с какой был восстановлен мост, так как не раз бросали на него авиацию, пытались расстрелять из дальнобойных орудий, но все это были пустые хлопоты.

Когда все было готово, нас срочно передислоцировали на реку Великую. Туда мы пошли уже с фермами, сделанными на Балтийском заводе. Вот и пригодился запас топлива, который мы предусмотрительно захватили с собой...

Бои на Выборгском направлении были особенно трудными. Ставка торопила события со взятием Выборга, так как от этого зависело дальнейшее участие Финляндии в войне. Напор нашего наступления был высок, но финны за два с лишним года позиционных боев создали мощную оборонительную систему. Умело они использовали и естественные преграды: реки, озера, болота, скалистые горы, возвышенности.

Первой такой существенной преградой была Черная речка. Передовые наши части форсировали ее сравнительно легко, но для ввода танков, самоходных установок нужен был надежный мост. И он был сооружен. В считанные часы над рекой повисли красиво и точно сработанные руками ленинградских рабочих кружева деревянных ферм.

Как всегда, генерал Монахов прибыл к месту работ вместе с инженерной разведкой. Он сам руководил рабо-

той разминеров, следил за подходом транспортных машин, мостостроительной техники. У меня он спросил, где расположили мы филиал своей базы. Наш выбор места ему понравился. Одобрил и назначение старшины Бекетова начальником этого филиала. В расторопности и находчивости у Бекетова в нашем деле не было соперников, и Монахов это знал.

И сейчас старшина несколько раз блеснул своим мастерством. В одном месте сорвало вдруг болты, в другом разошелся шов, и Бекетов везде был тут как тут, словно он уже предвидел появление неполадки. По его команде специалисты походных мастерских или приносили уже готовую деталь, или тут же ее изготавливали.

Финны, как и немцы, пытались с помощью самолетов и артиллерии разбить мост — не удалось. Тогда они бросили в дело мелкие стрелковые подразделения. Я оказался первым, кто столкнулся с ними.

Когда возведение моста подходило уже к концу, генерал Монахов заинтересовался у разведчиков, куда на противоположном берегу расходятся дороги. Те не знали. Тогда генерал предложил мне проскочить на своем «виллисе» по прибрежному району.

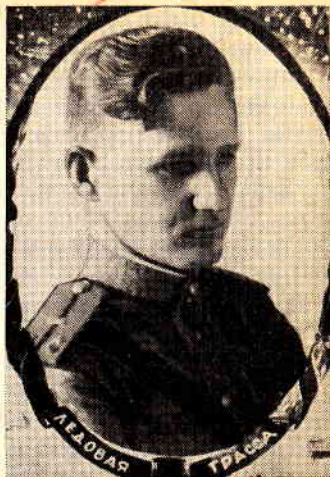
Дав большой круг, я уже возвращался назад и тут же попал в засаду. Спас водитель. Заметив сваленное через дорогу дерево, он крикнул: «Держитесь!» — и на большой скорости мы буквально перепрыгнули через него. Финские стрелки, видно, не ожидали от нас такой прыти, так как сильно запоздали со своими выстрелами.

Подполковник Гусинский тут же послал в разные стороны несколько групп бойцов, которые и рассеяли лязгчиков противника...

Где только не приходилось устанавливать нашим батальонам новые мосты! Когда генерал Монахов ушел от нас в центральный аппарат, он и там не забывал нас, от него частенько приходили к нам заказы. Даже несколько мостов через реку Одер было поручено сделать нам, ленинградским военным мостостроителям. И мы, и ленинградские рабочие с гордостью воспринимали эти заказы. Как сказал начальник одного из цехов Кировского завода Васильев, ленинградцам приятно сознавать, что и их скромным трудом куется победа над врагом.

Я часто вспоминаю о нашей работе во время войны как о ярком примере отсутствия всякого рода ведомственных преград и бюрократических препон. Очень поучителен в этом отношении опыт войны.

Подполковник в отставке
Г. С. СОБОЛЬ,
бывший командир роты
отдельного транспортного
автомобильного батальона

ТРУДНЫЕ РЕЙСЫ

— По машинам! Заводи!

Краем глаза вижу, как побледнело лицо моего водителя, а на верхней губе выступили бисеринки пота. У меня тоже на миг перехватило дыхание.

Зажужжал стартер, и тут же, глухо гроыхнув раз другой, мягко и ровно зарокотал мотор.

— Черт! — радостно ругнулся водитель. — Завелся-таки...

Я тоже вздохнул с облегчением. Машина только что из ремонта и могла подвести, а момент был самый ответственный. По радио объявили о начале войны, и командир нашего 29-го автомобильного полка на общем построении зачитал боевой приказ. И теперь мы спешно выдвигались в район сосредоточения, находившийся в лесу в восьми километрах от Петродворца — постоянного места нашего базирования.

Из района сосредоточения на большой скорости взяли курс на Раквере. Война только начиналась, дороги были еще пусты, и мы длинной колонной шли на большой скорости, строго выдерживая дистанцию.

Я тогда только-только закончил Полтавское автотракторное училище, был зеленым новичком и на все происходящее смотрел сквозь розовые очки, но по поведению старших, и в первую очередь командира полка майора

Жернова, комиссара полка капитана Короткова, командира нашей роты младшего лейтенанта Дмитриева, моих подчиненных красноармейцев Горобца, Сороки и других, участвовавших в финской кампании, улавливал, что события разворачиваются куда более тяжелые, чем можно себе представить.

В Раквере мы были недолго. Поступил приказ перевезти Кировское общевоинское командное училище под Волосово. Мой взвод действовал самостоятельно, в отрыве от полка. Первыми в машины грузились выпускники. Их только что переодели, зачитали приказ о присвоении званий, и теперь буквально с плаца их бросали в бой. По дороге ребята торопили нас и пели боевые песни...

Из-под Волосова взвод перебросили на доставку в Красное Село двух рот ополченцев. Тут произошла некоторая заминка. Людей и оружия много, а машин мало. Кто-то из наших, кажется Семен Матека, тоже бывалый водитель, предложил грузиться и ехать не на скамейках, а стоя. Пушки и спаренные пулеметы подцепили сзади машин. И сразу дело пошло лучше.

Там же, под Красным Селом, мы случайно встретились с маршалом К. Е. Ворошиловым. Он ехал на ЗИС-110. Бросилось в глаза знакомое лицо. Он махнул нам, и вся наша колонна остановилась.

— Вы откуда? — спросил он меня, когда я подбежал с докладом.

Узнав, похвалил за новый способ перевозки людей и велел поторапливаться.

Не успели мы разгрузиться на передовых позициях, как началась бомбежка переднего края. Это было первое мое боевое крещение. Помню, перенес его более или менее стойко. Было хуже, когда мы вдруг увидели, что на смену бомбардировщикам пришли транспортные самолеты и от них большими россыпями стали отделяться парашютисты. Десант был большой, и трудно сказать, как бы повернулось дело у ополченцев, если бы не ударила по парашютистам наша крупнокалиберная артиллерия. Позже рассказывали, будто это Ворошилов вызвал на себя огонь корабельных пушек. Они все вокруг буквально смешали с землей. Спасибо морякам за точность стрельбы. Малейшее отклонение по дальности — нам тоже досталось бы по первое число.

Самыми трудными в первые недели войны были рейсы под Лугу, в район Толмачева. Там в высоком темпе велись оборонительные работы. Тысячи ленинградцев, среди которых много было девушек, женщин, рыли про-

тивотанковые рвы, траншеи, ячейки. Мы возили сюда боеприпасы для артиллерийских батарей. Во втором или третьем рейсе попали под жесточайшую бомбежку. Нас было 25 машин, и все шли с порядочным перегрузом, однако скорость держали большую. Самолеты нас настигли перед самым мостом через какую-то речушку. Это я потом узнал, что мост был через Лугу. Немцы почему-то не пытались его разбомбить. Видно, берегли для себя. Зато весь груз бомб высыпали на нас.

Первая моя мысль была — дать команду покинуть машины, но вдруг заметил, что бывалые водители Семен Матека, Василий Сердюк и другие, на большой скорости перемахнув придорожные кюветы, стали углубляться в стоявший стеной лес. И вот уже через минуту дорога опустела. Я лежал со своим водителем под деревом и ждал с секунды на секунду взрыва наших машин. Ведь мы были загружены снарядами, минами и бутылками с горючей смесью. Как обошлось все, до сих пор понятия не имею!

Зато тем, кто работал на окопах, досталось сильно. Оттуда доносились крики, команды, ругань. Мы было нацелились перескочить по мосту на ту сторону Луги, но нам наперерез выскочили артиллеристы. Их батареи стояли в низине, недалеко от моста. Наши снаряды им были как нельзя кстати.

Разгрузились мы быстро, на едином дыхании, но обратный отъезд задержался из-за нового налета немецкой авиации. Мы-то уже были вырывать на дорогу, но черный, как негр, от гари и пыли командир дивизиона приказал немедленно укрыться в лесу.

Фашисты методично били по батареям, снова по работавшим на окопах, а кроме того три самолета раз за разом пикировали на скрытую от нас лесом дорогу. Там рвались бомбы, стоял непрерывный треск пулеметов. Видно, цель была очень важной, если ей было уделено столько внимания. И каково же было наше удивление, когда оказалось, что самолеты с бомбами и пулеметами гонялись за одинокими всадниками. Десятки раз убитые, прошитые пулями и осколками, они лежали посреди дороги.

В тот раз наш взвод еще один рейс сделал для артиллеристов, а уже поздно вечером по просьбе ополченцев доставили им гранаты и бутылки с горючей жидкостью.

С каждым днем кольцо блокады сужалось, рейсы стали крайне короткими, да и возить почти что нечего было.

Снаряды и патроны теперь строго лимитировались. Мы иногда по нескольку дней стояли без дела. В конце концов наш полк расформировали. Большую часть состава полка послали на Фонтанку, 96, а затем и на Воинова. 40. Здесь формировались автобатальоны для ледовой дороги через Ладогу. Мы все знали, что в городе оставался всего пятидневный запас продуктов, и поэтому очень спешили со сколачиванием подразделений. Принимали мы в основном водителей из таксопарков. Многие из них были в возрасте, но бодрились.

Меня вначале назначили политруком роты, затем, как пришли пятитонные ЯГи, меня снова перекинули на взвод. Машины были хорошие, но их было мало — всего 15—17 штук, — а кроме того, они не подошли для Ладоги из-за своей тяжести. Их передали куда-то в другое место.

Прежних моих водителей сильно раскидало по батальонам и ротам. Многие добровольно ушли в танковые войска, но вскоре пришел приказ, запрещающий шоферов передавать в другие рода войск.

В ноябре 1941 года, когда мы были уже в Коккореве, меня назначили командиром роты. Мне удалось собрать часть своих «старичков». Шапиро, Горобец, Царенко, Матеко, Сердюк и другие стали как бы костяком роты. Шапиро был назначен секретарем партийной организации, а сержант Миша Ляпкало — комсоргом. Выбор оказался в обоих случаях удачным.

Шапиро был автомехаником. Это помогало ему видеть каждого, на каждого влиять. А обстановка на первых порах в коллективе, надо заметить, сложилась далеко не лучшая. Вновь призванные из автопарков были не равноценны и по мастерству, и по отношению к делу. Нашлись такие, кто симулировал болезни, поломки машин. А некоторые, пользуясь общей неразберихой, где-то отсиживались. Диспетчеры были, но они не справлялись со своими обязанностями. Шапиро первым подключился в помощь им. Он же выступил инициатором ремонта машин прямо на трассе.

Под стать парторгу был и секретарь комсомольской организации. Михаил Ляпкало был командиром отделения водителей. Отличный знаток техники, он показывал пример мужества, стойкости, честного отношения к делу. Он еще в финскую кампанию воевал, комсомольскую работу любил и выполнял ее не столько по необходимости, сколько по призванию. На фотографиях фронтовых лет во многих местах видны щиты наглядной агитации. В

большинстве своем это дело его рук и рук комсомольских активистов.

Когда лед на ледовой трассе основательно окреп и водители хорошо поднаторели в своем деле, вдруг некоторые шоферы стали подцеплять к своим машинам санные прицепы. Идея эта, честно сказать, висела, как говорится, в воздухе, однако первым в нашей роте санный прицеп срубил и приладил к машине Ляпкало. За ним потянулись и другие. Помогал всем наш лучший плотник Литвинов. В его руках топор играл и цел.

С Ляпкало был однажды такой случай. Возвращаясь с восточного берега с грузом, он попал в сильнейшую пургу. Должен был прибыть в четыре часа дня, но вот уже шесть, восемь часов вечера, а его все нет. На такие случаи у нас существовала группа поиска. Нашли его уже утром. Его снесло далеко к немецким позициям на южном берегу озера. Он сидел и, наливая бензин в кассу, грелся у такого вот костра. Притащили его на буксире, определили в медпалатку, а потом в роте состоялся митинг, на котором отметили мужество водителя: и себя, и машину с грузом спас.

Командовал нашим 390-м автобатальоном участник испанских событий майор А. А. Кальван. Очень шумный был человек. Мог иногда и пистолет для подтверждения своих слов выхватить, однако по натуре своей был добрым, заботливым. Очень чуток был на всякое новшество, интересную инициативу. Это водители нашего батальона, разумеется, не без участия командира майора Кальвана и нашего замечательного батальонного парторга капитана Ф. Раймуева в январе 1942 года написали письмо А. А. Жданову, в котором обязались стать многорейсовиками. И стали ими. В сутки такие шоферы, как М. Твердохлеб, В. Сердюк, С. Матека, Ф. Емельянов, М. Чикин, В. Тишков, А. Бойкин, М. Яковлев, С. Петров и З. Попов, делали по два-три, а иногда и по четыре рейса. У них появились на трассе последователи, на них стали равняться.

Нелегко давались рекорды. Порой у такого ударника совсем не оставалось времени на сон. Тогда мы, офицеры батальона, и в первую очередь партийные активисты, из своего состава создали подменную бригаду. Когда водители совсем выбьются из сил, мы сами садились за баранки. Выезжали обычно в 22—23 часа ночи в Кобону и к пяти утра возвращались. На 15 машинах доставляли 45 и более тонн. Это был значительный вклад в общую копилку.

**Передовое отделение 1-й роты
во главе с секретарем комсомольской организации М. В. ЛЯПКАЛО
(верхний ряд, третий справа)**

**Вручение грамоты водителю 1-й роты 390-го ОАТБ
Михайлу ЧИКИНУ**

Об` удачах, достижениях писалось в газетах, сообщалось на политинформациях, в боевых листках. Потом на кабинах стали рисовать звездочки.

Порыв в работе водителей, водивших машины по Дороге жизни, был настолько высок, что мы не знали, как удержат автомехаников на своих местах. Одно время в роте диспетчером служил Григорий Михайлович Каменев. Дело он свое знал и блестяще его вел, но однажды запротестовал против использования его на канцелярском стуле, запросился в шоферы. А возраст у него был уже солидный. Как ни уговаривали мы его остаться на прежнем месте — не уговорили. Ушел на трассу, стал водителем.

Нельзя не сказать здесь и о нашем зампотехе батальона капитане Василевском. Ходил он в кожаной тужурке с высоко засученными рукавами, так как почти не вылезал из-под капотов. Работал он без устали. Но главным его достоинством было умение доставать необходимые запчасти, детали, что в блокадную пору было самым счастливым даром. Однажды он привез из Ленинграда 7 двигателей М-1, которые были на 10 лошадиных сил сильнее обычных.

Работать водителем на Дороге жизни было очень трудно. По сути дела не проходило дня, чтобы кто-то не провалился под лед, кто-то не оказывался в труднейшей ситуации. Случалось, обмораживались, впадали в нервные расстройства от переутомления. Но я не помню ни одного случая, чтобы кто-то спасовал перед трудностями, попытался уйти из батальона. Даже на фронт не просились. На Ладоге было посложнее, чем на передовой. К тому же — это знал каждый — именно здесь, на ледовой трассе, решалась судьба Ленинграда, его жителей, его защитников.

После войны мы часто собирались вместе, да и сейчас, хоть нас остается все меньше и меньше, перезваниваемся, переписываемся, интересуемся здоровьем, настроением, семейными делами. И всем нам сняты фронтовые дороги, трудные рейсы войны.

Рядовой в отставке
В. И. СЕРДЮК,
бывший шофер
390-го автобатальона

НЕТ У ДОРОГИ КОНЦА

Тяжело груженная машина с пробуксовками, но тянет и тянет в гору. За первым поворотом начинается спуск, и вот я на широком поле, на противоположном краю которого видны густые цепи немецкой пехоты, идущие в атаку. Я спешу к своим, залегшим в обороне, но дорога такая, хоть плачь. Мне уже машут руками: мол, быстрее, родной! Но машина садится по самый кузов в грязь, тогда я хватаю ящики с патронами и бегу к своим. Пот заливает глаза, сердце колотится так, что вот-вот выскочит наружу. И тут просыпаюсь.

— Опять воевал? — спрашивает встревоженно жена.

— Опять.

— В полынью на Ладоге угодил?

— Нет, патроны вез своим, а дорога такая...

Некоторое время лежим молча. Потом моя Александра Васильевна советует мне — в который раз! — сходить к врачу. А что к нему ходить? Был я у своего, заикался насчет снов, так он только рукой махнул. «Сколько времени, — спрашивает, — воевал?» — «Всю финскую, — отвечаю. — И Отечественную от звонка до звонка. По одной Ладоге 252 дня прогонял». Доктор расспросил еще о том, сколько лет я за рулем, удивился, что с самого тридцать седьмого года не выпускаю из рук баранку, что сорок лет на одном месте (на Красногвардейской автобазе) про-

работал, позавидовал постоянству и сказал наконец, что от воспоминаний лекарств у него нет, что солдат на всю жизнь приговорен быть солдатом. А помнить прошлое — это даже хорошо. И еще мимоходом заметил, что жене моей повезло.

Когда я передал эти слова Александре Васильевне, она улыбнулась хитровато и ответила, что женщины во все века лучше науки знали, за кого им выходить замуж. Красавцами они только любят, а руку и сердце отдают постоянным.

— Да, но чужая душа, говорят, потемки.

— И в потемках кое-что рассмотреть можно, если хорошо приглядеться. Ведь ты, признайся, из-за меня поперся тогда по старой трассе? Это когда почти трое суток пропал, застигнутый бураном?

Было дело. Было. Это был самый трудный рейс во всей моей шоферской службе. Правда, и многие другие даже теперь вспоминаются с дрожью по спине. В финскую, когда боеприпасы на передовую подвозил, каждая ездка казалась последней. Самыми страшными были поездки со снайперами. А в Отечественную досаждала авиация. До сих пор в памяти рейсы под Лугу. Пока до места доедешь, два-три раза угодишь под бомбежку или артобстрел. Самолеты просто гонялись за каждой машиной. Трудность состояла в том, что на лесной дороге, зажатой стенами деревьев, было никак не развернуться, не сыграть маневром. Но лес был и нашей защитой.

Однако уже в первом рейсе через Ладогу, когда только осваивалась ледовая трасса, стало ясно, что все предыдущее по своей опасности одной этой езде в подметки не годится. Как сейчас помню этот день.

23 ноября 1941 года. 10 часов вечера. Погода с самого утра выдалась ветреная, холодная. К тому же дверцы кабин раскрыты настежь. Это на случай, если лед под колесами провалится. И в полушубках прохладно. А может, это от внутренней дрожи? К тому же мы все уставшие в те дни были. Как перебазировались с Воинова, 40, где формировалась наша 17-я автобригада, в Коккореве, так несколько дней занимались своим устройством, то есть рыли землянки. А земля к этому времени была уже мерзлой, долбить пришлось кирками, ломками...

Выехали мы шестью машинами. На лед выбрались и сразу почувствовали, что Ладога «дышит». Лед под колесами слегка пружинит, а иногда начинает трескаться. Даже сквозь гул моторов слышны протяжные прострелы. Как только остановишься, сразу под колесами образуются

лунки, заполненные водой. Командир взвода лейтенант Климентий Мацкевич приказывает идти без остановок, выдерживая дистанцию двадцать пять — тридцать метров. Ближе нельзя — лед не выдержит, а дальше — легко потерять впереди идущего из виду. Кругом ведь темень такая, хоть глаз коли. Правда, на севере небо посветлее, чем вокруг, но там пугает черная полоса неприкрытой льдом воды. Видны даже силуэты барж. На юге светлячками взлетают в небо осветительные ракеты. Там немцы. А что, если они пронюхали про этот наш рейс? Достаточно двух-трех артиллерийских залпов, и вся наша затея с переправой в Кобону тут же провалится и в прямом, и в переносном смысле.

Идем колонной час, другой, третий... Фары узкими щелочками высвечивают впереди пяточок льда. Уж лучше бы совсем не было света — не видел бы, как паутиной разбегаются по этому пяточку стрелки трещин. Было страшно. Страшно от сознания своего бессилия перед его превосходительством случаем. Со снайпером или летчиком я еще как-то мог бороться, а здесь, на тонком льду, мне остается сидеть и ждать милости или немилости от судьбы. На открытые дверцы надежды было мало. Закончившие от холода и уставшие, истощенные голодом, скованные напряжением ожидания самого худшего, мы тогда, в первом своем рейсе, вряд ли были способны на активное самосохранение.

Что же в таком случае держало в нас хоть какое-то присутствие духа? Может, тупая покорность обстоятельствам? Ничего подобного! Чего-чего, а вот равнодушного отношения ко всему происходящему вокруг я ни в ком не встречал. Лично во мне в том рейсе было нечто вроде злого отчаяния. Перед глазами, как живые, стояли лица крайне истощенных ленинградцев, в особенности детишек. Если не дать им день-два той и без того предельно малой пайки хлеба, какую люди получали, значит, обречь их на голодную смерть. А вот судьба этой пайки в наших руках, в моих в том числе. То есть ощущение было такое: и впереди страшно, но и позади ничего хорошего нет. Из двух зол движение вперед, то есть через трещавший лед, через 30 километров ожидания собственной гибели, — наименьшее.

В Кобоне нас поразило обилие продуктов, сложенных в штабеля. Обиднее всего было то, что мы больше шести мешков на одну машину погрузить не могли. Лед еще не позволял. Некоторые из нас тайком от злости и отчаяния даже плакали.

Не легче оказались и последующие рейсы. Немцы, узнав о существовании ледовой трассы, бросили на ее разрушение самолеты, артиллерию. Делали даже попытки напасть на дорогу по льду силами пехотных рот. Но хуже всего мешала погода. То поднимались метели, то разыгрывались шторма, от которых лед начинал тороситься, расходиться трещинами.

Однажды в сильный ветер у нас произошел такой случай. Обычно следы дороги хорошо видны на снегу, а тут весь лед настолько очистился, что был похож на поверхность зеркала. Глазу зацепиться не за что. Чтобы сориентироваться, наш командир взвода лейтенант Мацкевич остановил колонну, вылез из кабины и решил пройти пешком вперед. Но его тут же сбило ветром с ног и понесло по зеркальной поверхности льда. Лейтенант пытается подняться на ноги, но из этого ничего не получается. Ветер еще сильнее продолжает нести его в сторону Шлиссельбурга. Мы вначале смеялись над ситуацией, а потом поняли, что дело серьезное. А чем помочь командиру? Любой из нас, только отойди от машины, сразу же окажется в таком положении, как и Мацкевич. Тогда я включаю скорость и несусь по кругу наперерез скользящему лейтенанту. Он в заднее колесо мне угодил. Поднялся, а идти от усталости не может. Помогаю ему добраться до кабины и терпеливо выслушиваю его матерщину в мой адрес. А костерит он меня за то, что я несся очертя голову, не думая, что могу угодить в полынью...

Полыньи были нашим бичом на Ладоге. Потом, когда дорога вошла в силу, были созданы специальные команды, которые делали и устанавливали мостки через трещины, ограждали опасные места знаками ограждения. Очень бдительно за состоянием дороги следили пришедшие на дорогу в 1942 году регулировщицы.

Вообще, надо сказать, что Дороге жизни придавалось большое значение, а отсюда шло и внимание к ней. Начальник тыла фронта генерал Ф. Н. Лагунов первый на своей «эмке» проехал по линии будущей трассы. А члена Военного совета В. Н. Соловьева мы едва не через день видели у себя.

Командовали нами опытные командиры, многие из которых прошли финскую кампанию. А такие, как майор А. А. Кальван, даже в Испании воевали. Хорошо работали у нас партийная и комсомольская организации. Мы участвовали в соревновании, боролись за увеличение числа рейсов. Проявляя сами активность, мы, коммунисты и комсомольцы, требовали этого и от всех водителей.

И. А. ЛАПШИН,
командир 17-й
автотранспортной бригады

Ю. А. КАРАГОДСКИЙ,
директор 1-го Ленинградского
авторемонтного завода,
начальник авторемонтного
отряда на Дороге жизни

А. Л. ПЕЙСАХ,
комиссар 850-го
автобатальона

Б. Е. БОРОВСКИЙ,
начальник отдела
АВТУ фронта

М. П. САПРОНЕНКОВ,
начальник технической части
17-й автотранспортной бригады

М. Д. ПОПОВ,
заместитель начальника
АВТУ фронта

**С. А. ИОФИН, начальник диспетчерской группы
17-й автотранспортной бригады**

Изготовление санных прицепов на Ладого

Помню, как-то на первых порах, когда мы все еще плохо знали друг друга, я обратил внимание на то, что вот уже два или три дня не вижу нигде одного из шоферов, который чем-то приметился мне поначалу. Сказал об этом своему другу Максиму Твердохлебу. Стали вместе искать того товарища. Все бесполезно. Тогда мы решили заскочить на машинах в ближайшую деревушку Лаврово. Смотрим, в одном из сарайчиков борт машины видно. Заходим в хату, а тот наш «приятель» сидит на лавке, одетый по-домашнему. Увидев нас, побледнел. Это же — расстрел. У нас уже были такие случаи. Молит нас пожалеть его детей. Пожалели. Он вскоре в самом деле стал одним из лучших водителей на трассе.

Со временем мы совсем освоились на ледовой дороге, даже известную лихость стали себе позволять. Впрочем, лихость не от прихоти шла, а все от того же сознания важности дела, какое делали. Вот так и угодил я однажды в самый настоящий буран, да еще на опустевшей к тому времени трассе.

В тот день еще с утра потягивал подозрительный ветерок. Метеорологи предупреждали, чтобы мы были поосторожней. То есть не очень растягивались в колоннах, внимательнее следили за вешками, не увлекались скоростью.

Я в тот день делал второй рейс. В Кобону проскочил удачно, быстро загрузился — и назад. И вдруг перед самым выездом на лед уперся радиатором в закрытый шлагбаум. Часовой сказал, что дорогу закрыли, новая трасса чуть южнее проходит. Тогда это часто делалось. Давали старой дороге «отдохнуть». Да и в целях безопасности от воздушных и артиллерийских налетов это была действенная мера.

Мне бы повернуть и покатить бы по новой трассе, а я почему-то уперся и стал уговаривать часового пустить по старой. Мол, я ее очень хорошо знаю и ничего со мною не случится. Как теперь догадываюсь, была у меня надежда, что моя Сашенька все еще на своем посту стоит...

Часовой оказался покладистым. Они на нас ведь как на героев смотрели, завидовали.

Вот и качу я по старой колее и замечаю, что видимость с каждой минутой падает. Это бы ничего — колесами мы научились чувствовать дорогу. Но сами колеса все чаще пробуксовывать стали. Только вылез из одного заноса, как попал в другой, потом в третий. Обессилев, сел в кабину передохнуть и вдруг слышу — что-то стук-

нуло в радиатор. Мать честная! Лошадиные морды перед ветровым стеклом маячат. Это конный обоз на меня напоролся. Дышлом радиатор моей машины сбили. Все. Откатался! Начальник обоза велит мне ехать с ними. Но я не могу.

— Машину спасешь ли, а вот сам пропадешь, парень! — кричал он мне в ухо.

Я попытался поправить радиатор — бесполезное оказалось дело. Закрылся в кабине, но минут через двадцать, чувствую, коченею. Вышел, пробежался вокруг машины. Так теплее, но сколько можно бегать? Достал совковую лопату, налил в нее немного бензина, положил кусочек ветоши, поджег — получился небольшой костерик. В котелке сварил на нем мучную похлебку. Все вроде хорошо, но через некоторое время потянуло в сон. А это же явная гибель. Что делать? Остался один выход — ходить. Стал делать круги вокруг машины, с каждым кругом увеличивая радиус.

В одном месте случайно наткнулся на давно брошенную машину, видно, расстрелянную с самолета. Она уже была почти вся демонтирована. Но кое-что осталось. Стал откручивать эти остатки. В автохозяйстве все пригодится.

Отверну одну какую-то деталь, тащу к своей машине. Потом другую так же. И так десятки, сотни ходок на двухсотметровом отрезке. Счет времени совсем потерял. Голова кругом идет от усталости и бессонницы. Боюсь даже остановиться — сразу же прихватит сон.

Почти трое суток вот так боролся с пургой. Когда наконец метель утихла и стало светлее, оказалось, что я в полкилометре от зенитной точки стою. Тут меня отыскал тракторист, прокладывавший в наносах трассу. Он страшно удивился, увидев меня живым. Оказалось, кое-кому на этой дороге больше, чем мне, не повезло.

Тракторист доложил обо мне на берегу, и оттуда вскорее прикатил на своей машине водитель нашей роты Дробясо. Вдвоем мы перегрузили мешки с моей машины в его, а потом он на буксире потащил меня в Коккореево. Командир роты отправил меня спать в свою землянку. Кажется, я больше суток проспал. А когда открыл глаза, пришел наш доктор капитан Кузнецов. Он велел мне срочно идти в госпиталь. Я быстро оделся и — к своей машине. Через час снова был в рейсе. Не мог же я допустить, чтобы мой соперник по соревнованию Максим Твердохлеб обошел меня в количестве рейсов.

К тому же и Сашу свою вот уже четверо суток не видел. Она тоже наверняка беспокоится...

Молодость и на войне брала свое.

Впрочем, как теперь думается, дело было не только в молодости, а еще и в нашем оптимизме. Как ни страшна, как ни ужасна была война, мы ни на минуту не теряли веру в свою победу. Откуда она, в чем брала свои истоки — об этом сейчас много говорят и пишут. Не буду повторять прописные истины, скажу только: сидело во мне какое-то такое чувство, которое в любой обстановке, какой бы трудной она ни была, подсказывало, что все будет нормально, только надо подсобратиться с силами, поднажать. И мы собирались, поднажимали и в конечном счете из любых трудностей выходили победителями. Даже из ледяных купелей вылезали не сломленные духом. А когда ты чувствуешь в себе крепость, когда веришь в победу, то, само собой, и мысли о невестах, женах и будущих детях приходят...

Несколько лет назад у нас с женой, с бывшей регулировщицей на Ладоге, один совершенно будний день вдруг обернулся праздником. Старший сын наш, Анатолий, объявил, что он решил стать шофером. Как он сказал, по примеру отца решил избрать эту профессию.

Что ж, охотно уступаю ему свою дорогу и радуюсь тому, что у нее еще долго-долго не будет конца...

Полковник в отставке
А. С. ГУТОВ,
бывший начальник
службы снабжения горючим
на Дороге жизни

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Этот заголовок требует небольшого уточнения. В наше время люди чаще всего борются с огнем, против огня. Но в данном случае речь пойдет о службе снабжения войск фронта горючим, трансформирующимся в двигателях в тот огонь, который движет технику и за который приходилось бороться, так как горючее во время войны, особенно в условиях ленинградской блокады, было не менее ценно, чем хлеб. В определенном смысле эти два понятия — хлеб и бензин — были буквально неразделимы. Без горючего теряла свое значение Дорога жизни. Без него мертвели танки и самолеты, умолкали орудия и пулеметы. Отсюда весь смысл и вся важность той работы, какую выполняли в годы войны люди службы горюче-смазочных материалов.

Служба эта — самая молодая из всех других военных служб. Решение о ее формировании в нашей армии было принято в 1936 году, а практическое осуществление этого решения завершилось только в 1937 году.

Но, как всякое вновь рожденное дитя, она оказалась в центре внимания и всяческих забот, что способствовало ее быстрому росту.

В 1937 году отдел снабжения горючим в Ленинградском военном округе состоял всего из восьми человек: пятеро военнослужащих и трое вольнонаемных. Склад

горючего был всего один — на станции Медведево. Однако уже к 1940 году таких складов стало 28. Емкость резервуарного парка достигла небывалой до этого величины — 38 тысяч тонн. Число работников в отделе выросло до 35 человек.

К началу войны все резервуары складов были «под пробки» заполнены горючим, маслами, смазками. Кроме того, несколько тысяч тонн горюче-смазочных материалов хранилось на гражданских нефтебазах.

В нашем отделе, в котором я работал с первого дня его создания, был сделан расчет, по которому выходило, что эти запасы позволят обеспечить боевые действия фронта в течение одного месяца. Война подтвердила правильность наших выводов. Все перебои с доставкой горючего с Большой земли полностью перекрывались нашими запасами.

А перебои становились все более частыми и ощутимыми.

Во второй половине августа вражеская авиация полностью блокировала железнодорожный перегон Ленинград — Волховстрой. Практически с этого момента прекратилась подача горючего в город. Иными словами, для гэсэмщиков блокада началась значительно раньше, чем для всех остальных на Ленинградском фронте.

В отделе начались усиленные поиски выхода. В конце августа на станцию Новый Быт была направлена авторота в составе пятидесяти автоцистерн. Вместе с ротой выехали помощник начальника отдела капитан М. Кожевников и командир 17-го отдельного батальона подвоза горючего капитан Лопатин.

Ставка на эту роту была большая, но немцы, выйдя к Неве, отрезали ей пути возвращения назад. Кожевников и Лопатин были переключены на организацию перевозок горючего водным путем через Ладогу. И они справились со своей невероятно трудной задачей. Дело в том, что ни пристань, ни железнодорожная станция Гостинополье, где должна была вестись закачка горючего, ни тем более пристань в Осиновце, куда предстояло его доставить, не были приспособлены для этих работ. К тому же все время мешала вражеская авиация. Однако вскоре пришло сообщение, что одна из четырех барж с бензином Б-78 уже разгрузилась в Осиновце. Правда, саму баржу потом разбило о скалы штормом, но остальные три продолжали доставлять бесценный груз на западный берег Ладоги.

Когда немцы вплотную приблизились к Гостинополью, перекачивающую станцию перенесли в Волховстрой. Ра-

бота здесь шла круглосуточно, но зима тоже спешила. В одну из ноябрьских ночей две баржи с общим грузом в полторы тысячи тонн оказались замурованными льдами в шлюзе Волховской ГЭС. Но, как говорится, нет худа без добра. С началом работы ледовой трассы именно это горючее помогло обеспечить бесперебойную работу автобатарьонов, доставлявших через Ладогу продовольствие, боеприпасы, эвакуировавших из города семьи ленинградцев.

В начале декабря 1941 года на фронте сложилось тяжелое положение с авиационным бензином. Нечем было заправлять даже те самолеты, которые охраняли Дорогу жизни.

В отделе снабжения вспомнили о тех двух баржах (впрочем, о них и не забывали), которые оказались в ледовом плену в шлюзе Волховской ГЭС. Вот хотя бы часть того бензина сюда, на западный берег Ладоги! Однако близок локоток, да зуб короткий. Автоцистерны по льду еще рано пускать. А транспортных, более легких, машин у нас не было. Все, что имелось, ушло для перевозки продовольствия по Дороге жизни. Я высказал предложение создать колонны из неисправных ГАЗ-АА, предварительно, конечно, отремонтировав их. Идея в отделе понравилась, и, как водится в таких случаях, мне же поручили ее осуществить.

Тогда долго не раскачивались. Уже на другой день я был в Полюстрове, куда съезжались водители и стаскивались отовсюду неисправные полуторки. Механики и сами водители работали круглосуточно. И вот колонна в пути. Загрузились на том берегу Ладоги без помех, но когда стали втягиваться в главную улицу Новой Ладоги, нас вдруг остановила транспортная комендатура. Интендант 2-го ранга И. С. Львов, ведавший обеспечением ледовой дороги горючим, потребовал вернуть бензин назад.

Я пошел к начальнику перевозок генералу А. Н. Шилову. Выслушав меня, тот велел сдать все бочки, заполненные бензином, на хранение на склад ГСМ, а всю колонну машин подать к Гостиному двору под загрузку мукой. Оказывается, Военный совет принял решение весь наличный транспорт бросить на перевозку хлеба. Это был самый катастрофический момент, когда в блокадном Ленинграде запасов продовольствия было всего на несколько дней.

Так я и мои помощники, водители, на некоторое время переквалифицировались в продовольственников. Дело было святое, и мы работали наравне со всеми, порой целыми сутками не выходя из кабин машин.

Когда положение с завозом продуктов несколько улучшилось, нам отдали наши бочки с бензином и мы прямым сообщением доставили их на ближайшие аэродромы.

К середине декабря лед уже настолько окреп, что свободно выдерживал и бензовозы. Параллельно продовольственной трассе на Ладоге появилась новая трасса, по которой пошли горюче-смазочные материалы. Вот где пригодился опыт водителей, прошедших школу на перевозке продуктов. Они в числе первых освоили эту дорогу.

Во время блокады работниками нашей службы, учеными разных лабораторий, да и просто водителями машин велись постоянные поиски запасов горючего на складах, в брошенных цистернах, на забытых нефтескладах. А кроме того, изыскивались и заменители топлива, различные его смеси.

Особенно изощрялись шоферы. Уже в первые дни блокады они исхитрялись ездить на смеси бензина с лигроином или керосином. Тогда же, осенью 1941 года, два ленинградских воентехника, обслуживавших заградительные аэростаты, разработали способ использования водорода в качестве горючего. Обидно, что это перспективное открытие начисто было у нас забыто, а теперь это считается достижением японских инженеров.

В одной из ленинградских лабораторий на базе низкосортных бензинов было создано топливо, пригодное даже для самолетных двигателей. Все эти смеси, заменители тогда у нас назывались «компотами». Мне довелось руководить созданием совершенно невероятного даже по нынешним временам одного из таких «компотов».

Это было зимой 1941 года. В войсках создалось критическое положение из-за нехватки автомобильного горючего. То есть какие-то запасы его были, но очень малые. И вот тогда кто-то предложил смешать бензин с пихтовым маслом, которое бесполезным грузом лежало в емкостях Охтинского химкомбината.

Проверить эту идею, а если она окажется стоящей, осуществить ее начальник отдела полковник В. Я. Синицын поручил мне. Когда я заикнулся было о лаборатор-

ном анализе, он только досадливо отмахнулся от моих слов.

— В данном случае вы собой представляете и ученого, и лаборанта, и практика, и приемную комиссию, — сказал он. — Поезжайте на склад в Удельное и там вместе с капитаном Абдулхаевым на месте все и прокрутите.

А когда мы — группа офицеров отдела — уезжали, он предупредил, что результаты эксперимента немедленно докладывать самому начальнику тыла генералу Ф. Н. Лагунову.

Я и понятия не имел раньше о пихтовом масле. А когда его стали доставлять на склад, поразился. Страшно неприятный, ядовитый запах. Сама жидкость похожа на лапшу — столько в ней пихтовых иголок и даже ветвей. Мы ими потом все фильтры забили. При работе с ним люди больше часу не выдерживали, падали в обморок от отравления. Но это, как говорится, мелочи. Главное, в чистом виде в двигателях оно, это масло, не работало. Но в смеси с бензином вроде пошло.

Генерал едва ли не через каждые десять — двадцать минут звонил. Требовал, чтобы мы добились такой смеси, в которой бензина было как можно меньше. Когда я доложил, что дальше половины на половину дело не идет, ругался на чем свет стоит, но затем вдруг уже миролюбивым тоном спросил:

— А хоть пятьдесят на пятьдесят идет? Ну и это подарок. Давайте мешайте...

Масла оказалось около двухсот тонн. Прибавка к нашим запасам горючего была хорошая. Правда, давать такой «компот» на Дорогу жизни и для машин передней линии мы не решились. Использовали его для внутренних нужд.

За все время эта смесь только один раз подвела меня.

Как-то позвонили В. Я. Синицыну из одного госпиталя и сказали, что встала и не может завести двигателя целая колонна автобусов, занятая эвакуацией раненых.

— Твой «компот» — сам и разбирайся, — сказал мне начальник.

Сердце, конечно, екнуло, так как Лагунов пригрозил санкциями военного времени, если смесь подведет.

Приехал на место, обошел несколько раз колонну автобусов вокруг. И вдруг бросилось в глаза, что длина бензопроводной трубки от бака к двигателю гораздо больше,

чем у полуторок, которые работают на «компоте» безотказно. Прогрели эти трубки, и моторы завелись.

Больше рекламаций не поступало.

Трудно найти книгу, рассказывающую о блокадном Ленинграде, в которой так или иначе не упоминался бы бензопровод по дну Ладоги. И вряд ли имело бы смысл здесь повторять уже известное. Но вот беда, во многих статьях, очерках допускается путаница в названии автора идеи создания этого бензопровода. Многие приписывают ее себе. Большой ошибке в этом, может быть, и нет, так как идея, как говорится, висела в воздухе. И все же, справедливости ради, надо восстановить истину.

Все началось с солдатского письма. Его автора я не помню. Но, как помнится, в статье одного из работников тыла, полковника В. Долеско, упоминается фамилия рядового Васильева. Не ручаюсь за ее точность, но твердо знаю, что письмо такое было, так как я лично сам держал его в руках. Оно вначале пришло в приемную А. А. Жданова, оттуда его передали начальнику тыла, а затем в наш отдел.

Полковник В. Я. Сеницын передал мне солдатский треугольник и велел дать заключение по существу вопроса.

В письме автор сообщал, что до войны он работал на одном из ленинградских заводов и хорошо помнит, как много было у них резиновых шлангов, которые, если их соединить, могли бы стать отличным бензопроводом по дну Ладоги. Я принес это письмо грамотнейшему работнику нашего отдела — воентехнику 1-го ранга Д. Г. Архипову и попросил сделать необходимые расчеты. Тот сделал. Вывод был отрицательный. Шланги, о которых шла речь, не могли выдержать нагрузку, какая возникнет во время перекачки горючего.

— Совсем другое дело, если использовать для этой затеи металлические четырехдюймовые трубы, — с улыбкой заметил Архипов.

— Так сделай и на них расчеты.

— А я уже их сделал. — Он подал мне еще один лист бумаги.

Оба эти расчета я отнес полковнику Сеницыну.

Больше об этом проекте с декабря 1941 года по конец апреля 1942 года я ничего не слышал. В этот период командование фронта делало ставку на прорыв блокады на Любанском направлении, и, видимо, поэтому все, что

касалось других проблем, отошло на задний план. Когда же план прорыва не удался, вновь всплыла идея создания бензопровода. 24 апреля 1942 года было подписано постановление ГКО, обязывающее «Главнефтестрой» проложить по дну Ладоги бензопровод. Срок определялся жесткий — до 20 июня 1942 года.

Было срочно сформировано Управление особого строительства № 6, начальником которого был назначен М. И. Недужко, главным инженером — А. С. Фалькевич, инженером проекта — Д. Я. Шинберг.

Несмотря на крайне сжатые сроки и на многие трудности, какие возникли по ходу дела, задание ГКО было выполнено. 19 июня 1942 года бензопровод включился в работу. Он полностью высвободил все наши три автобатальона, перевозивших топливо для автотракторного парка. Авиабензин и дизельное топливо мы по-прежнему возили баржами и автоцистернами.

О строительстве топливопровода фашисты, судя по всему, не догадывались, а когда узнали, то было уже поздно — нитка труб лежала на дне озера.

Бензопровод активно использовался и после снятия блокады. Эксплуатировали его грамотные и самоотверженные люди. Им приходилось бороться с наводнениями, со всевозможными повреждениями, прорывами, однако, несмотря на это, нормы перекачки все время росли. В конечном итоге они значительно превысили проектные расчеты. В одни сутки перекачивалось от 350 до 400 тонн горючего.

А все началось, повторяю, с простого солдатского письма.

В начале января 1942 года я был назначен начальником отделения снабжения горючим на автомобильную дорогу Ленинградского фронта (ВАД), то есть на Дорогу жизни. К этому моменту ледовая трасса вошла в свою полную силу. На ней одновременно работало более 4 тысяч автомобилей. Даже с вычетом неисправных оставшееся число машин ежедневно требовало 70—80 тонн бензина. А транспорты с Большой земли с горючим поступали нерегулярно, и запасов никаких создать не удавалось. Руководству дороги все время приходилось ломать голову, как обеспечить машины бензином. Шли даже на то, что отцепляли от целевых маршрутов цистерны с авиабензином и использовали его для автомобилей.

Военный совет задним числом прощал нам это само-

управство, так как хлеб для Ленинграда был важнее всего.

Немецкие летчики специально устраивали охоту на наше горючее. Не успеем мы поставить под слив цистерны, как они появляются над головой. Единственное спасение в этих случаях была оперативность в работе. Правда, еще зенитчики и летчики хорошо помогали. Они или совсем отгоняли непрошенных гостей, или не давали произвести прицельное бомбометание. Но во всех случаях мы больше надеялись на скорость разгрузки. Работали даже во время бомбежки. За бензин, повторяю, люди боролись с той же самоотверженностью, как и за хлеб.

Особенно памятен мне один февральский день 1942 года. Наше отделение располагалось на станции Жихарево. Здесь тогда было нечто вроде перевалочного пункта. Станция всегда была забита проходящими транспортом. Не помню теперь почему, но эшелоны в тот день не шли на Ленинград. Вполне возможно, что где-то был поврежден путь. А тут как раз пришел большой транспорт с горючим. Представитель штаба фронта полковник Левченко приказал немедленно слить бензин и отправить его в город автотранспортом. Для этого мы выделили целый батальон машин. Работали всю ночь. Под утро я вернулся к себе в землянку, и вдруг — налет бомбардировщиков. Удар пришелся по цистернам, к нашему счастью, уже пустым. Мы их прямо горящими вытащили из тупика и сбросили под откос.

Не успели мы разделаться с одной задачей, как возникла новая. В другом нашем тупике немецкие самолеты подожгли две цистерны с бензином, принадлежавшие тылу 8-й армии. Обе емкости стояли в середине эшелона, их надо было отцепить, но на станции в этот момент не было паровоза. И тут я обратил внимание на трактор, тащивший пушку. Выбежал наперерез, артиллеристы быстро сообразили, что надо делать. С помощью трактора мы стали растаскивать состав. Благодаря быстрым действиям нам удалось спасти другое имущество и одну из цистерн с бензином, которую тут же слили в автоемкости.

Обычно подожженный бензин не удается спасти. Но бывали случаи, когда наши гэсэмщики шли и на такие подвиги.

Однажды мы только приступили к сливу бензина из двух цистерн, как откуда ни возьмись налетели «мессершмитты». На бреющем полете они буквально изрешетили обе емкости. Мне позвонил политрук склада Д. Иваро-

вич. Спрашивает, что делать. Приказываю свищи забивать деревянными пробками, а на дыхательный клапан одной из цистерн, откуда уже бил столб огня, попытаться натянуть брезент.

Через пять — десять минут я сам был на месте. Картина предстала ужасная. Все вокруг пылало жаром, огонь бушевал вовсю. Людей обсыпали снегом, и они вновь и вновь бросались в самое пекло. Одни забивали пулевые отверстия, другие с помощью тросов и трактора заводили брезент на гудящий синим огнем дыхательный клапан. Была большая угроза взрыва. И тем не менее никто и мысли не допускал оставить место битвы. У многих были опалены лица, а с рук лоскутьями слезла кожа, но об ожогах вспомнили, когда пожар был затушен.

Из 75 тонн мы потеряли тогда не больше двадцати. Оставшиеся 55 тонн обеспечили почти суточную заправку автопарка Дороги жизни. А это же сотни, тысячи тонн продовольствия и боеприпасов для фронта, для сражающегося Ленинграда. Иных критериев оценки своего труда мы в то время не знали. И о подвигах не думали. То есть не рассматривали свои дела как героические. Это была обычная работа, которую ты должен выполнить, даже если платой за успех будет твоя собственная жизнь.

**Полковник-инженер в отставке
В. А. ИЕРУСАЛИМСКИЙ,
бывший начальник
отдела ГСМ 67-й армии**

БЕНЗИН ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Зимой 1943 года, то есть накануне операции по окончательному снятию блокады Ленинграда, я служил в управлении тыла 67-й армии, тогда еще в должности старшего помощника начальника отдела снабжения горючим. С войсками этой армии, еще ранее прославившей себя в легендарной операции «Искра», мне довелось пройти большой и трудный путь от Ленинграда до балтийских берегов в Латвии. Шли мы через Гатчину, Лугу, Псков, Валгу, Валмиеру, Ригу, Елгаву, Тукумс и Лиепаю.

Горючего в ходе наступления требовалось много, а доставка его была затруднена почти полным отсутствием железных дорог. То есть сами дороги были, но немцы за время войны местами их разрушили, а местами переделали, сузив ширину колеи. Перешивка рельсов требовала времени и времени, а войска в своем наступательном порыве не могли ждать. Вся нагрузка по снабжению их горючим легла на автомобильный транспорт.

В тот период наши снабженцы внесли много нового в систему обеспечения войск всем необходимым, в том числе и горючим. Я не буду вдаваться в специальные стороны этих новшеств. Скажу только, что мы тогда широко использовали выброску головных отделений армейских складов вплоть до линии дивизионных пунктов, а порой и того дальше — прямо в войска.

Так, в период Псковской операции в июле 1944 года головное отделение ПАСГ-1085 дислоцировалось в 8—10 километрах от дивизионных обменных пунктов. Так же мы действовали и при взятии Изборска, а затем и Тарту. Людям, мало-мальски сведущим в этом деле, понятна будет смелость подобных действий.

Вообще мы все тогда работали с полной отдачей сил, проявляли творческую инициативу и находчивость.

Хочу рассказать о двух фронтовых случаях, в какой-то степени характеризующих и нашу работу в тот период, и отношение людей к выполнению своих обязанностей. Да не воспримется как нескромность тот факт, что в обоих эпизодах речь пойдет обо мне самом и моих ближайших помощниках. На нашем месте могли быть любые из коллег, и все происходило бы так, как оно и произошло.

Первая история связана с переброской горючего на автомашинах на большое расстояние в крайне ограниченный срок.

Было это в Латвии. Наш отдел базировался на заброшенной в лесу мызе Страупе. Однажды ночью меня срочно вызвали к телефону. Звонил командующий армией генерал-лейтенант В. З. Романовский. Человек он был волевой, решительный, мы все хорошо знали его крутой нрав, но именно за это уважали его, видя в твердости характера залог смелых действий нашей армии.

Без лишних слов генерал приказал к 12 часам следующего дня доставить две цистерны авиабензина на берег Тыш-озера для заправки недавно прибывших туда десантных автомобилей-«амфибий».

Как раз шла подготовка к Рижской операции, и я, естественно, хорошо понимал всю важность поставленной командующим задачи.

— Немедленно распоряжусь, товарищ генерал! — сказал я.

— Никаких «распоряжусь»! — резко отрезал командующий. — Бензин доставьте лично. Ровно в двенадцать ноль-ноль жду вашего доклада на КП.

Я измерил расстояние по карте. Ровно 120 километров. Дорога никому из нас не была знакома. Ни с топографами, ни с оперативным отделом связаться не удалось, и помощи ниоткуда ждать не приходилось.

Выехали, не мешкая. Ночь была темной, дорога — вкопец разбитой прошедшими войсками. Вся надежда на выносливость наших безотказных тружеников войны ЗИС-5.

Первые 30 километров проехали без особых приключений.

чений. Местность здесь водителям была знакомой, и асфальтовое покрытие не везде было разбитым. Потом начались остановки перед развилками. Как в той известной сказке о витязе, раздумывавшем, куда направить стопы: вправо поедешь — коня потеряешь, влево — сам голову сложишь...

В Прибалтике с ее хуторной системой было много тупиковых дорог. Мы раза два попадали в такие ловушки — выезжали к мызам, одиноко стоявшим в глухом лесу. Но вскоре водители научились отличать боковые пути от основных.

Большим бедствием были переправы через речушки. В одном месте едва не застряли, но на наше счастье поблизости оказались артиллеристы. Потом наловчились выбираться из илистых бродов с помощью длинных тросов. Первая машина идет, а вторая стоит и ждет результата переправы. Если та застряла, она тащит ее назад. Если же прошла, то она и второй поможет выбраться на противоположный берег.

В двух-трех местах мы не рискнули переправляться вброд, а поискали объезды, на что, естественно, тоже потребовалось время, которого у нас и без того было в обрез.

Случались казусы и с ориентированием. Карта, какая у нас была, оказалась устаревшей, она порой еще больше запутывала нас.

Утром над нами низко прошли два «мессершмитта». Или у них не было боеприпасов, или, посчитав две наши машины недостаточно ценной мишенью, они не открывали огня.

Последние километры пути шли вдоль берега озера. С одной стороны высилась стена соснового леса, а с другой тянулась неширокая полоса пологого песчаного берега. Местность, видно, просматривалась немецкими артиллерийскими наблюдателями, и в одном месте нас обстреляли из пушек. Вначале мы, приткнув машины к деревьям, укрылись в воронках, а потом поняли, что двигаться куда безопаснее: с прицельным огнем у немцев дело почему-то не клеилось. Да и время поджимало.

Любопытно было бы понаблюдать за тем, как две тяжело груженные машины, маневрируя скоростью и направлением движения, мечутся между столбами разрывов. Мы то неслись на бешеной скорости, то вдруг тормозили, интуицией угадывая очередное решение врага. И снаряды то ложились сзади, то стеной вставали султаны огня и дыма впереди.

Жаль, что не помнятся теперь фамилии водителей. Это были шоферы-виртуозы. Но больше, чем мастерство, поражало их хладнокровие. Я и теперь не могу точно сказать, что тут играло большую роль: отбор людей или их закалка в ходе боевых действий. Очевидно, то и другое. Мы не каждого шофера сажали на бензовозы. Кроме профессионального мастерства учитывали и психологическую устойчивость. Очень уж рискованная была эта должность.

Мой водитель был из ленинградских таксистов. Как мне показалось тогда, ему даже нравились вот такие переделки, в какую мы попали на берегу озера. Позже он рассказывал, что не раз раньше ставил себе задачу отпроситься на более легкую службу, так как по здоровью после ранения имел право на это. Но всякий раз сам же оттягивал разговор с командиром. С одной стороны, жить хочется, а с другой — никак не мог представить себя в роли, скажем, водовоза. Совесть не позволяла прятаться в тень, когда идет такая война.

Проскочили мы тогда опасный участок дороги. То есть вырвались из зоны вражеского огня. Но тут, как говорится, из огня да в полымя угодили. Дальше пошел песок, и мы все чаще и чаще начали буксовать. А вскоре одна, а затем и другая машины сели по самый кузов в песок. Ни туда, ни сюда. И ехать-то осталось всего ничего, но, вижу, самим не выбраться, нужна помощь. Только где ее взять? Какое-то шестое чувство подсказывает, что не может быть, чтобы в лесу не было воинской части, хоть в нем и стоит первозданная тишина.

Пробираюсь наугад сквозь чащу. И с такой решительностью пробираюсь, будто точно знаю, куда надо идти. И надо же, как в сказке, натыкаюсь на дорогу, а рядом с нею — пост. Это контрольно-пропускной пункт какого-то стрелкового полка. Через минуту я в штабной землянке. Командир слушает и не слушает меня. Он сам в каске, и все вокруг в полной боевой готовности, ждут сигнала на начало наступления. Вполне понятно, в такой ситуации не до чужих проблем — своих хватает.

Прошу соединить меня с КП командующего. Это производит впечатление. Но по-настоящему лед тронулся только после моего разговора с командующим. Генерал В. З. Романовский, чувствовалось, с нетерпением ждал моего доклада. Вначале он, узнав, что я звоню еще с пути, вспылил. Я не перебивал его гневную тираду, от которой в другое время меня бы в дрожь бросило, а тут после всего перенесенного в пути я словно зарядился

спокойствием и уверенностью в себе. Выдержав паузу, я едва ли не самым будничным голосом докладываю, что в моем распоряжении, если учитывать полученный мною приказ, осталось ровно сорок минут. Ровно в двенадцать ноль-ноль я доложу о выполнении задания.

В трубке с минуту стояла тишина. Потом генерал Романовский с еще большей будничностью, чем говорил я, вдруг сказал:

— Хорошо. Жду доклада, а теперь дай-ка трубку командиру полка.

Не знаю, что он сказал подполковнику, но отношение ко мне в землянке изменилось на все сто восемьдесят градусов. Все завертелось, закружилось вокруг наших машин. Откуда только взялись тягачи, лебедки, да и людей набежало столько, что они, казалось, могли бы нас на руках вынести.

Помню, я тогда всю дорогу и долго после выполнения задания думал над тем, почему нашими двумя цистернами бензина занимался сам командующий армии. Сам собой напрашивался вывод, что задание мы выполняли далеко не простое и очень ответственное. Но истинную цену его мы узнали несколько позже, уже после взятия нашими войсками Риги.

Как известно, в этой операции особенно большую роль сыграли десантники, ударившие по немцам со стороны Тыш-озера. Так вот они, эти десантники, переправились на противоположный берег на машинах-«амфибиях», направленных как раз тем бензином, что мы доставили с таким трудом в кратчайший срок двумя машинами.

Второй не менее памятный для меня эпизод произошел вскоре после взятия нашими войсками города Риги.

Наша 67-я армия к тому времени уже вошла в состав 2-го Прибалтийского фронта. Шла усиленная подготовка к новой наступательной операции, имевшей своей целью окончательный разгром вражеской группировки «Север». В силу разных неблагоприятных причин подготовка эта шла медленно и растянулась на целых четыре месяца. Особенно трудно обстояло дело с созданием необходимого запаса горючего. Сказывалось все то же отсутствие железнодорожных путей. Наши склады застряли на станции Ропажы, и нам никак не удавалось их оттуда вытянуть.

Занимаясь решением этой задачи, мы у себя в отделе параллельно искали горючее, оставленное немцами. На-

дежды на успех было мало, но в такой ситуации, в какой мы находились, нам и один шанс из ста показался бы подарком. Прежде всего мы обследовали все, что можно обследовать, в самой Риге. У нас с моим старшим помощником капитаном-инженером А. В. Коломийцем за год совместной работы отладилась целая система действий. Главным нашим принципом был «принцип расторопности». При каждой новой передислокации вперед мы, опережая даже трофейщиков, производили «ревизию» всех запасов горючего, оставленного противником.

В Риге мы первым делом ринулись на крупнейшую нефтебазу города «Дагвиела».

Картина, открывшаяся нашему взору, была унылой. База оказалась полностью заброшенной. Вся территорию занесло большим слоем песка, покрытого колючей травой. Огромные цистерны зияли черными дырами, сквозь которые тысячи тонн горючего ушли в землю еще в самом начале войны. Вокруг ни души. Нам ничего не оставалось, как сесть в машину и убраться восвояси. Однако нет. У нас с Коломийцем был еще один принцип в поисковом деле, позаимствованный у Козьмы Пруткова, — «Не верь глазам своим». Разделившись у ворот, мы начали обход территории нефтебазы. Коломиец с шофером «эмки» сержантом А. Сахаровым направились к емкостям, а я — к складским помещениям.

Осмотрев все углы и закоулки, направляюсь тоже к емкостям, а навстречу мне идут мои помощники и с ними еще какой-то мужчина идет. Он-то откуда взялся? В руках у него, вижу, бидон, лопата и что-то вроде черпака.

— Вот, — сказал Коломиец, — гражданин этот добывает бензин из песка. Роет ямки, а потом из них черпает бензин...

Мужчина подал мне бидончик. Точно — пахнет бензином. Из рассказа «добытчика» мы выяснили, что окрестные жители всю войну втайне от немцев промышляли здесь бензин для бытовых нужд.

Обойдя территорию базы, мы обнаружили много хорошо замаскированных небольших колодцев, на дне которых поблескивало горючее. Все ясно. Вылитый на землю бензин никуда не девался, а остался в песке. Нашу догадку через день-два подтвердили приглашенные из Ленинграда геологи. По их мнению, которое потом подтвердилось, бензин лег на близкий слой грунтовых вод.

— Однако нюх у вас, не хуже, чем у геологов, — шутили они.

Весть о нашей находке быстро дошла до командующего армией. Уже утром следующего дня от него поступил приказ организовать добычу бензина. В помощь нам были приданы две роты армейской полевой базы.

Техника добычи была простой. В определенном порядке отрывались колодцы размером четыре на четыре метра и глубиной до пяти метров. Горючее начинало постепенно накапливаться на дне этих колодцев, откуда оно через каждые 15—30 минут вычерпывалось специально изготовленными черпаками. Откачка шла круглосуточно. Потом мы применили и насосы.

Наш «нефтепромысел» действовал в течение всего времени, пока 67-я армия находилась в Риге, то есть с октября 1944-го по февраль 1945 года. Среднесуточная добыча составляла 4—5 тонн. Качество бензина было высоким.

Надо сказать, что добыча горючего из песка была далеко не безопасной, но тут на страже безопасности солдат встал очень грамотный и находчивый инженер — мой помощник капитан А. В. Коломиец.

Сам этот случай показателен с точки зрения деловой реакции командования на инициативу снизу. Не успел я доложить о своей находке начальнику тыла армии полковнику М. С. Стрельцову, как тут же были приняты все меры для немедленной организации добычи бензина. Скажут, война подталкивала, заставляла четко работать все звенья армейского механизма. Верно, конечно. Война не любит волокитчиков. Но верно и другое: их, этих самых волокитчиков, просто не держали на ответственных должностях. Оценка и подбор кадров шли от главного — от наличия или отсутствия в человеке высокой деловитости, активности, творческой инициативы.

Генерал-майор в отставке
Г. Г. МИРОШНИЧЕНКО,
бывший начальник
отдела ВОСО 67-й армии

БОИ НА ДОРОГАХ

Война меня застала в Уральском военном округе, но уже через три дня наша 22-я армия, в которой я был начальником технического отделения военных сообщений (ВОСО), была в Великих Луках. Штаб стоял в лесу, ждали имущество, идущее в десятках эшелонов из Свердловска. Все разбросано, все разобцено. Передовые части уже ведут бои, требуются боеприпасы, и они есть, эшелоны подходят и подходят, но выгружать некому и не на что. Автомашины пришли без водителей. А немецкая авиация не ждет, когда мы увяжем свои неувязки. Самолеты ни на минуту не оставляют нас в покое. Бомбят дороги, штаб, скопившиеся на станциях эшелоны...

28 июня с утра меня вызвал начальник ВОСО военный инженер 1-го ранга Борис Николаевич Горяинов. Нужно срочно выехать в Великие Луки, разыскать там 76-миллиметровые выстрелы для артиллеристов, которые подъедут туда со своими людьми и транспортом.

— Понятия не имею, где стоят вагоны со снарядами для вас, — сказал комендант.

И я его понимал. Великие Луки — большая станция: 5 парков и в каждом более 15 путей. И почти все это забито эшелонами. Одни гружены орудиями, танками, автомашинами, тут же санитарные поезда. На станции маршевое пополнение, беженцы...

Комендант выделил мне в помощники старшего лейтенанта Лунева, с которым мы сравнительно быстро нашли нужные вагоны, но тут вдруг начался авиационный налет. Большая группа истребителей на бреющем полете расстреливала из пулеметов все это громадное скопление вагонов с грузами и людьми. Вспыхнули цистерны с горючим, огонь перекинулся на соседние вагоны, люди бросились в разные стороны, а самолеты возвращаются и делают новый заход, за ним еще и еще раз. Гремят зенитные орудия, трещат счетверенные пулеметы...

Лунев — уже опытный в таких делах человек. Он бросается под колеса вагонов, увлекая и меня за собой. Потом мы как по команде вскакиваем и бежим к паровозу, но он пуст.

— Отцепляй вагоны, а я сам поведу паровоз, — сказал я Луневу. — И за стрелками следи.

Паровоз послушно тронулся с места, и тут я увидел паровозную бригаду.

— Мы сами, — сказал машинист, — командуйте, куда надо.

Самолеты еще кружат над станцией, а мы уже растаскиваем вагоны и подаем свой груз на крайний путь. И тут же словно из-под земли появились на своих машинах артиллеристы.

— Ладно, — крикнул мне Лунев, — теперь я вам не нужен, побегу за пожарными и санитарами, что-то они осторожничают...

Почти полвека прошло с того дня, ставшего для меня днем боевого крещения в минувшей войне.

Нельзя сказать, что я был новичком в военном деле. Мне, когда я еще учился в Военно-транспортной академии, довелось участвовать в финской кампании. То есть я считал себя стреляным воробьем. Но то, что я увидел, пережил в Великих Луках, ни в какое сравнение не идет со всем моим предыдущим опытом. Пришла мысль о необычности начавшейся войны, ее опасности и жестокости. Тогда же подумалось о характерных особенностях нашей службы ВОСО, и прежде всего о главной из них — большой масштабности решаемых ею задач. У нас счет идет на тысячи, десятки тысяч километров, тонн, вагонов, и вместе с тем сквозь эти громадные числа легко просматривается один солдат, забота о конкретном человеке.

Масштабность заложена уже в круге наших обязанностей. Военные сообщения призваны обеспечить одиночно следующих солдат и воинские команды местами в вагонах, на самолетах и кораблях. И не только местами,

но и горячей пищей. Наша служба производит эшелонные перевозки частей и соединений, их бытовое, политическое и медико-санитарное обеспечение в пути следования. На ней лежит и переброска материально-технических средств снабжения войск при выполнении ими служебной, учебной и боевой деятельности. А сюда входят продовольствие, вещевое имущество, боеприпасы и вооружение, различные виды боевой и автотракторной техники, горюче-смазочных материалов и других видов снабжения.

Сейчас известны цифры количества разных грузов, перевезенных службой ВОСО в годы войны. Но я хочу привести здесь данные только по одному Ленинградскому фронту и только касающиеся начального периода войны. Из тыла страны в первые месяцы боев в Ленинград поступило 44 657 вагонов с разными грузами. Только по внутрифронтному плану грузооборот составил 15 648 вагонов.

Это очень внушительные цифры. Их масштабность станет более ощутима, если представить, что в сутки на станциях Ленузла в тот период грузилось более 320 и выгружалось около 900 вагонов.

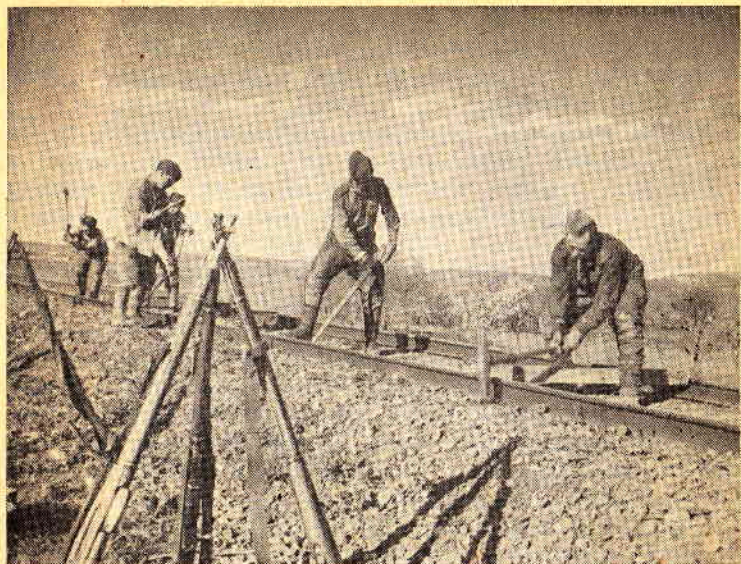
Теперь легко вообразить и размеры усилий противника, направленных на срыв наших железнодорожных перевозок.

В июле и августе 1941 года на одном Псковском направлении немцы совершили более 50 крупных налетов и бомбежек. На Дновском их было 60, на Новгородском — 47. Больше всего досталось перегону Бологое — Ленинград. На него было обрушено более 130 авиаударов. Только в сентябре и только на станции Ленузла немцы более 60 раз бросали бомбы.

Так как среди транспортов едва не одна треть была гружена боеприпасами, ГСМ, то нетрудно вообразить размеры разрушений, причиняемых такими налетами и бомбежками.

29 марта 1942 года от прямого попадания снаряда в вагоны с боеприпасами на станции Ржевка Ленинградского узла произошли такие мощные взрывы, что и от самой станции, и от эшелонов, стоявших на ней, и от путей мало что уцелело.

Памятны мне еще несколько подобных взрывов, какие случались на участке вновь построенной железнодорожной ветки, связывавшей Ленинград с магистралями страны, — Шлиссельбург — Поляны. Здесь не раз приходилось делать обходные ветки путей.

**Восстановление железнодорожного пути.
Ленинградский фронт, 1942 год**

Действие на войне, как известно, вызывает и соответствующее противодействие. Как ни мощны были усилия врага, ему не удалось полностью парализовать железнодорожные перевозки на Ленинградском фронте. Даже в блокаду, на тех участках, какие не были заняты немцами, шло интенсивное движение.

Участники боев на Ораниенбаумском плацдарме хорошо знают, какую громадную роль сыграл их изолированный участок железной дороги в снабжении войск всем необходимым и в особенности в замене частей 8-й армии частями 2-й ударной армии, а также моряками КБФ.

От станции Ленинград-Финляндский войска и грузы перевозились до станции Лисий Нос по железной дороге, затем они с перевалочных баз перевозились по Финскому заливу в Кронштадт и Ораниенбаум и далее по изолированному участку железной дороги до станции снабжения Лебяжье и выгрузочной станции Калище (50 километров).

Руководство перевозками на этом участке до января 1942 года осуществляли начальник военных сообщений 8-й армии, и затем начальник ВОСО Приморской опера-

тивной группы подполковник С. В. Хвачев. Вся работа велась оставшимися там железнодорожниками, в распоряжении которых было 2 паровоза и 96 вагонов (47 крытых и 49 платформ).

Выполнение этих перевозок было очень сложным. Не так просто обеспечить скрытность движения поезда, в особенности в непосредственной близости к переднему краю. Восовцы находили способы маскировать транспорты, создавали ложные дымы на второстепенных участках. Это помогало, но ненадолго. Противник в конце концов догадывался, что к чему, и продолжал охотиться за нашими эшелонами. Вот тогда-то офицер военных сообщений майор-инженер Г. А. Коп и отдел ВОСО 55-й армии предложили для внутриармейских перевозок и работы на головных участках вместо паровозов использовать мотовозы, которые до войны применялись на заводских подъездных путях и внутри Ленузла. Командование фронта одобрило это предложение.

Специальным решением мотовозы были изъяты у их прежних владельцев и переданы в распоряжение ВОСО 55-й армии. Водителями их стали переученные на новый вид техники шоферы. Уже с октября 1941 года мотовозы доставляли военные грузы в районы рубежей обороны: на станции Обухово, Славянка, Колпино, платформы Красноборская, Рыбацкое, Ижоры, Саперная (55-я армия). Для 8-й армии — на станции Островки и Нева. Для Невской оперативной группы (67-я армия) — на станции Дунай, Шлиссельбург, Невская Дубровка (правый берег Невы).

На станцию Островки даже печеный хлеб в зимнее время привозился в вагонах, специально оборудованных для этого стеллажами.

Замена паровозов мотовозами обеспечила меньшую уязвимость перевозок, а главное, сократился расход ГСМ на каждую тонну доставлявшихся грузов.

На более опасных участках мотовозы оборудовались таким образом, чтобы обеспечить большую безопасность водителей. Использовались даже паровозы от бронепоездов.

И все же это не спасало железнодорожников от больших потерь.

Особенно трудным был головной участок 67-й армии, проходивший вдоль переднего края обороны по правому берегу Невы (Дунай — Невская Дубровка). Он во многих местах простреливался артиллерией и даже пулеметным огнем противника с левого берега. Здесь доставка грузов

производилась обычно ночью мотовозными летучками и путевыми вагонетками. Во всех случаях на обратном пути железнодорожники брали раненых, больных.

Для поддержания путей в исправном состоянии и быстрой ликвидации последствий артобстрелов, бомбежек на головных участках армий находились путевые подразделения эксплуатационных рот. На участках 55-й армии, например, действовала рота, которой умело командовал старший лейтенант Перевозчиков.

Большой масштаб решаемых задач несомненно накладывал отпечаток на характеры и поведение работников ВОСО.

Вспоминая свое боевое крещение на станции Великие Луки, я часто задумываюсь вот над такой деталью. Мы со старшим лейтенантом Луневым, кажется, ни на секунду не теряли присутствия духа в той в общем-то страшной обстановке. Нам несколько раз приходилось в процессе маневрирования проезжать мимо горящих вагонов с боеприпасами. Дрогнул наш машинист. Я сказал, что в таком случае сам поведу паровоз. Тогда пожилой человек решительно взялся за реверс, и больше у нас не было на эту тему разговоров и препирательств. В чем тут дело? В нашей особой храбрости?

Думается, что, скорее всего, в сознании громадных размеров беды и своей ответственности за ее предотвращение. Я-то хоть со своим составом выехал на крайний путь, то есть в сторону от главного очага пожара, а Лунев, напротив, бросился туда, в самое пекло. И не один бросился, а потащив за собою пожарных, путейцев, санитаров.

В числе павших на Ленинградском фронте очень много воевод. Во время бомбежки немцами станции Гатчина погибли офицер Управления начальника передвижения войск на Октябрьской дороге майор Михальский, а на станции Павловск-1 — старший лейтенант Ф. Н. Сторожено.

При артобстреле на станции Ижоры погиб помощник военного коменданта станции снабжения 55-й армии старший лейтенант А. Б. Мозалюк. Среди трупов после взрыва 29 марта 1942 года на станции Ржевка были найдены и тела офицеров военной комендатуры воентехника 2-го ранга Большакова, старшего лейтенанта Ионина, лейтенантов Тихонова и Тимофеева.

В гибели всех этих людей не было случайности. Все они старались что-то сделать для спасения имущества, руководили тушением пожаров, выносом раненых.

П. К. АРТЕМЬЕВ,
диспетчер
распределительной станции

Все хорошо знают, что после окружения немцами Ленинграда какое-то время одной из главных артерий, питавших город и войска, был воздушный мост через Ладогу. Военные перевозки осуществлялись 70 самолетами типа ЛИ-2 и полком бомбардировщиков ТБ-3. Однако мало кому известно, что всей организацией работы этого «воздушного моста» руководил заместитель начальника военных сообщений Ленфронта полковник-инженер (ныне генерал-майор в отставке) Я. И. Щепенников. Работая во взаимодействии с представителями других служб штаба и тыла фронта, он сумел так поставить дело, что загрузка самолетов занимала всего 5—7 минут. Это снижало потери самолетов на земле, обеспечивало большую оборачиваемость экипажей.

Часто в самых трудных обстоятельствах армейские службы военных сообщений брали на себя не только обеспечение воинских перевозок, но и осуществление руководства движением поездов на головных участках.

Таких примеров можно было бы привести много. Однако самым ярким в работе железнодорожных войск 9-й железнодорожной бригады и спецформирований НКПС на Ленинградском фронте несомненно было строительство железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляны и ее эксплуатация. 7 февраля 1943 года в 10 часов 30 минут после семнадцатимесячного перерыва в Ленинград прибыл первый поезд с Большой земли, доставивший продовольствие. С этого дня поток грузов для города и его защитников изо дня в день возрастал.

Но как не просто было построить эту линию через Синявинские болота и под сплошным обстрелом врага, так не просто было ее и охранять, и пользоваться ею, и ремонтировать ее. Участок пути от станции Левобережная до станции Междуречье проходил в 3—4 километрах от линии обороны наших войск и в основном по открытой местности. Только в марте 1943 года противник совершил 41 авиационный налет и 20 артиллерийских обстрелов на этот небольшой клочок пути. Была разработана специальная инструкция «О порядке пропуска поездов по угрожающему участку». Она предписывала движение производить только в темное время суток, пропускать впереди поездов контрольные дрезины, сопровождать составы офицерами военных сообщений. Были созданы специальные команды для быстрого восстановления пути.

Эти и другие меры позволили нам обеспечить высокую пропускную способность этой железнодорожной линии. На Ленинград в сутки, точнее за одну ночь, проходило в среднем 29 поездов. Только за февраль—апрель 1943 года было доставлено 13 590 вагонов различных грузов.

В заключение хочу сказать самые теплые слова благодарности всем работникам ВОСО фронта, 67-й армии и полевых военных комендатур, и прежде всего таким товарищам, как Б. И. Бельяминов, А. Е. Уманский, И. Я. Чернюгов, И. И. Немиро, С. В. Сергеев, С. М. Сергеев, В. В. Матвеев, А. Н. Холобаев, В. К. Стародубцев, П. К. Артемьев, И. И. Куракин, И. Т. Клейменов, В. Г. Лазаревич, Д. Я. Макаревич, Г. С. Глинин, Б. П. Картусов, П. П. Максименко, Г. С. Лядинский, Г. И. Дармодехин, В. Н. Соловьев, В. В. Федоров, М. С. Карамышев, Г. А. Горяков, А. А. Журавлев, Г. С. Коврига, а также своим непосредственным помощникам М. М. Чебеневу, Г. А. Килимнику, М. М. Филиппову, Г. А. Копу, А. Б. Лебедеву, К. Т. Петренко, Б. А. Григоровичу, И. Ф. Литвинову, А. М. Потапову и другим.

Нельзя не назвать в этом перечне имен и многих офицеров Управления начальника передвижения войск Октябрьской железной дороги — Н. Н. Горышина, В. В. Иевреинова, А. Я. Гмыро, П. М. Гладких, Крылова, Ильина и других. Все это очень разные люди, но в одном — в мужестве, стойкости, в способности мыслить и действовать масштабно — они были очень схожи между собой. В этом была их сила, источник победы над коварным врагом.

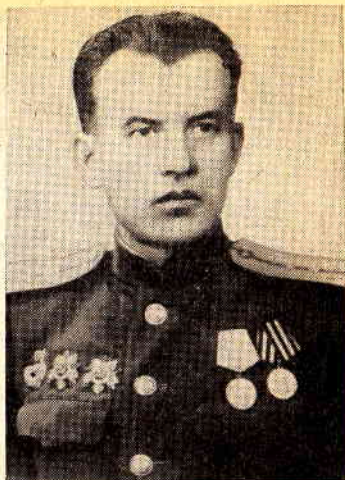
И еще несколько строк в порядке дополнения.

Перечитав написанное, я испытал большую неудовлетворенность. Как ни старался, а очерк получился не более чем бледная тень по отношению к действительности. Сколько недосказанного, да и просто упущенного! Во время войны железнодорожники не только ведь перевозили грузы, строили дороги, спасали поезда от бомбежек и пожаров. Мне самому на первых порах пришлось участвовать в разрушении десятков километров железнодорожных путей. Это когда наши войска отступали. Поверьте мне, нет ничего неприятнее, чем уничтожение дела рук своих же.

Были в железнодорожных войсках и свои разведчики, которые действовали в тылу врага. Очень трудное и опасное дело, которое, несмотря на неготовность наших людей к нему, как правило, исполнялось отлично, а зачастую даже с профессиональным блеском. Уже после войны я встречался с ветеранами войны, которые специализировались на взрывах станций, пирсов, пакгаузов, складов в тылу врага. Записаны у меня рассказы о том, как наши воеводы вместе с поездными бригадами, а зачастую заменив их, выводили груженые горючим, боеприпасами, ранеными эшелоны из-под носа врага или уже с занятых им станций. И самое любопытное состоит в том, что делалось это порой не по приказу, а по собственной инициативе наших воинов-железнодорожников.

Правда, в один очерк тут вряд ли все это можно уместить. Как-то на встрече с молодежью было высказано мнение — написать о действиях ленинградских железнодорожных войск во время войны отдельную книгу. Мне кажется, мысль стоящая, ее надо бы осуществить...

**Подполковник в отставке
И. П. КОННОВ,
бывший комиссар батареи**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ...

Третий час ночи, а разговорам нет конца. Я, бывший комиссар батареи 1097-го пушечного артиллерийского полка резерва главного командования, и мой гость, приехавший в Ленинград из Уфы, инвалид войны, а в прошлом разведчик батареи рядовой Иван Андрианович Долгов, сидим у меня дома и вспоминаем далекую теперь зиму 1942 года. Именно тогда, в феврале, на станции Буздяк Башкирской АССР формировался наш полк.

У Ивана Андриановича хорошая память. Он помнит командира полка подполковника Быченко, комиссара Сверкунова, нашего парторга Андрея Петровича Кожему, командира батареи лейтенанта Семена Федосеевича Петрикова, командира взвода управления лейтенанта Сергея Николаевича Дударева, командира огневого взвода младшего лейтенанта Володькина, старшин Леонова, Сасько, своих сослуживцев связиста Ивана Самсонова, радиста Владимира Ларина, заряжающего Фуата Махмутова, наводчиков Харькова и Эринберга, разносчика почты рядового Смирнова.

Конечно же, Смирнов был разведчиком, но он проворнее всех носил почту, и его сделали постоянным разносчиком газет и писем, и теперь при встречах его только в этой роли и вспоминают. А главное, его все помнят. Почтальон на фронте — заметная фигура. Как, впрочем,

Встреча ветеранов 1097-го пушечного артиллерийского полка в апреле 1985 года на месте его формирования
(станция Буздяк, Башкирская АССР)

и повар, и старшина, то есть все, кто так или иначе проявляет заботу о людях.

— Помните наше первое построение после того, как выдали нам обмундирование? — спрашивает меня Долгов. — Вы еще разгон старшине сделали за плохо подогнанную одежду.

— Не помню. Особенно разгон старшине. Леонов был лучший старшина в полку. Он раньше других экипировал нашу батарею. Не случайно командир полка вскоре же забрал его к себе на хозяйственную работу.

— Верно. К нам из других батарей ребята ходили смотреть, как мы живем, на чем спим, что едим. У нас все было лучше. Леонов, действительно, был замечательный хозяин. Но с одеждой тогда какая-то заминка произошла. А вы как комиссар нагоняй ему дали, велели всем подогнать обмундирование по росту.

Я так и не вспомнил этого эпизода. Время тогда было трудное. Формирование подразделений шло ускоренным темпом. Надо было не только одеть людей, снабдить всем положенным, организовать партийно-политическую работу, сколотить актив коммунистов, комсомольцев, но прежде всего требовалось обеспечить быстрое обучение людей артиллерийскому делу. Крутиться приходилось всем и в полную силу. Естественно, что какие-то моменты просто не отложились в памяти. Тем более что я еще на курсах при Курском политическом училище, да и потом в повседневной своей комиссарской практике четко усвоил важнейшее для политработника правило: быт и боеготовность подразделения — неразделимые вещи. И внимание во все мелочи жизни людей батареи было делом естественным для меня, поэтому они, эти мелочи, не застряли в моей памяти.

А вот солдат их запомнил. Людям вообще свойственно помнить все, что касалось их. Очень хорошо в памяти Долгова отложился эпизод с выбором первой боевой позиции перед началом операции «Искра». Все командиры батарей вместе с командиром полка уехали на рекогносцировку местности, и огневую позицию пришлось выбирать мне. И я поставил пушки на самом верху каменного утеса, утюгом вдававшегося в реку Назия. Подполковник Быченко едва не расстрелял меня за это. Но именно я оказался прав. Снаряды противника падали вокруг, но не на сам утес. А вокруг была вода, она удерживала разлет осколков. Две другие батареи тогда понесли большие потери, а мы — нет.

— А помните, как вы под деревней Некшино заста-

Ветераны у здания детского сада —
бывшей казармы полка

вили нас деревья пилить и делать срубы для укрытия пушек и расчетов? — спрашивал меня Иван Андрианович.

— Помню, — отвечал я. — Мы делали тогда два сруба: внешний и внутренний, а между ними засыпали землю.

— Если бы вы знали, как костерили мы вас тогда, — смеется мой гость. — Все отдыхают, а мы бревна таскаем, землю перекидываем...

— Но зато...

— Конечно, потом, когда артиллерийские дуэли начались, мы все это оценили. А командир полка наши домики назвал деревней Коннова... Еще я баню в лесу помню.

— За нее мне от Фуата Мансуровича уже влетело.

— Тогда или сейчас?

— Сейчас. В прошлом году он приезжал, и мы с ним вот так же сидели.

— Но баня-то хорошая была. Вот только снег под ногами мешал мыться, — рассмеялся Долгов.

— Из-за этого Фуат и кипятился сейчас, через сорок пять лет...

Случай этот был в некотором роде уникальным. Мы тогда, после прорыва блокады, передислоцировались под Новгород. Пока вели бои и потом в пути было просто некогда следить за чистотой личного состава. И что толку было следить, если на одном месте и трех-четырех часов подряд не сидели. И неожиданно старшина Петр Сасько

(он сменил Леонова) докладывает мне, что есть опасение завшиветь. А докладывает не где-нибудь, а на марше. Мы уже вторые сутки ползем по лесным раскисшим дорогам. Около полуночи нам разрешают остановиться на привал. Раскинуть плащ-палатки можно, но костров зажигать нельзя.

Пока идет суматоха, я решил обследовать окрестности. А вдруг в какой-то из частей, оккупировавших этот лес, есть баня. Подхожу к перекрестку, читаю на указателях фамилии командиров: «Хозяйство Смирнова», «Хозяйство Матилашвили». И просто: «Иванов». Не знаю почему, но иду именно к Иванову. Вот и небольшая полянка, по кромке которой темнеют конусы палаток. Из одной пробивается точка света. Захожу. Сидит майор. Медик. Что-то пишет. Оказалось, что это командир медсанбата. С порога прошу его помочь. Майор с минуту смотрит на меня и вдруг буднично так говорит:

— Хорошо. Приводите людей. Сейчас дам команду, мои люди организуют вам душ... Только, чур, белье получите после сдачи своего, грязного...

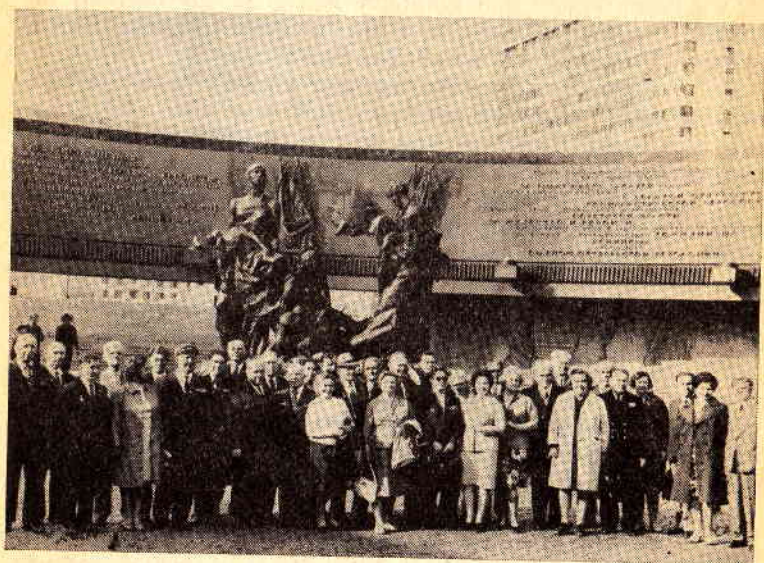
Я тогда считал себя солидным человеком, однако в этом случае бежал как мальчишка, не помня себя от радости. И все солдаты, с кем пришлось встретиться после войны, помнят эту баню среди ночи в лесу.

— Слушай,— шутил тогда наш комбат старший лейтенант Семен Федосеевич Петриков,— у тебя что, слово заветное есть? Надо же, как по щучьему велению, в глухом лесу, среди ночи возникла баня!

Да и вообще наши политработники, партийные и комсомольские секретари во время войны очень много внимания уделяли солдатам, удовлетворению их нужд и запросов. Нас и учили этому, и спрашивали много за то, как люди накормлены, обеспечены всем довольствием, живут, учатся, отдыхают.

Тот же Иван Андрианович Долгов вспоминает, как во всех ситуациях боя, даже в момент артиллерийской дуэли расчеты получали обед, письма. А Фуату Мансуровичу Махмутову, например, на всю жизнь запомнилось, как не нравился ему хвойный настой, какой у нас каждый день выдавался солдатам от цинги. И многие другие не терпели его, однако пили, так как старшина Петр Сасько стоял рядом с поваром и разрешал выдачу порции каши только после того, как солдат выпьет этот настой.

На старшин нам везло. Всего ничего был у нас Леонов. До войны он был хозяйственником на каком-то

Встречи ветеранов

большом предприятии. Эта хозяйская струнка ему пригодилась и в армии. Не было случая, чтобы он что-то недополучил на складе или получил не то, что надо, не такого размера или качества, кого-то в чем-то обделил. Разворотливостью он обладал уникальной, но любили его не столько за это, сколько за заботливость о людях.

Как ни подгоняли мы обмундирование по ростовкам, не на всех оно вначале выглядело образцово. Леонов нашел среди самих бойцов специалистов портняжного дела, и уже вскоре батарея выгодно отличалась от других подразделений ладно сидящей на каждой одежде.

Формировались мы с февраля до начала мая. То есть в самое неблагоприятное время года. То дождь, то снег, то мороз, то слякоть. Леонов первым оборудовал сушилку и для одежды, и для обуви. Его стараниями у нас были и своя сапожная мастерская для ремонта обуви, и свой парикмахер. Мы не знали перебоев в принятии пищи, в снабжении табаком, мылом и другими видами довольствия.

Мы все очень переживали, когда Леонова забрали от нас, но и его преемник Петр Сасько оказался не хуже. Он многое перенял у старшего, более опытного товарища. А главное — заботливое отношение к людям не изменилось.

На своем военном веку я много видел старшин — этих, я бы сказал, самых главных хозяйственников армии. Почему главных? А хотя бы потому, что их больше, чем всех остальных. И если в полку идет разделение хозяйственников на разные направления: один ведает продовольствием, другой — вещевым имуществом, третий — обеспечением оружием, боеприпасами, то старшина выступает один во всех этих ипостасях. Кроме того, он ближе всех стоит кличному составу, к рядовым войнам. И от его характера, то есть от того, добр он или не добр, чуток или не чуток к людям, зависит качество его работы, настроение в коллективе. Старшиной надо родиться.

Не каждому дано исполнять эту беспокойную и трудную должность. Подбору старшин у нас в полку придавалось большое значение. Может, именно поэтому нам везло на них.

Петр Сасько проявил себя едва ли не в первые дни работы в новой для него должности. Уже после прорыва нашими войсками линии фронта противника у реки Назия в ходе сильной артиллерийской перепалки он исхитрился кормить людей горячей пищей, обеспечивать бата-

рею боеприпасами и даже доставлять почту. Походная кухня, прежде чем попасть к нам на позиции, большой участок пути должна пройти по открытой местности в непосредственной близости от вражеских траншей. И если водитель и повар не решались испытывать судьбу, то Сасько сам брался за доставку обеда, мобилизуя специально назначаемых для этого подносчиков пищи.

В числе последних часто бывали тот же Иван Долгов, Иван Елисеев, Владимир Ларин, которого, кстати сказать, ранило как раз при доставке пищи на наблюдательный пункт.

Однажды при переправе через реку Шарья случилось так, что неисправный трактор с орудием на долгое время перекрыл движение. Наша батарея ушла вперед, а второй эшелон полка остался на другом берегу. И опять Сасько нашел выход, как обеспечить артиллеристов обедом.

Это Сасько силой заставлял солдат, сержантов пить хвойный настой. Потом по его инициативе, как только появились первые побеги травы, был организован сбор лебеды, из которой повара варили зеленые щи. Однажды он заглянул в нашу с командиром палатку с котелком в руках.

— Это вам, — сказал он, протягивая котелок, в котором была клюква.

— Откуда у вас такое богатство? — спросил Сасько командир батареи Петриков.

Опять же оказалось, что старшина организовал ее сбор для восполнения витаминной недостачи в нашей пище.

Как-то при отрывке траншей солдаты наткнулись на яму, в которой в ящике с зерном была спрятана швейная машинка. Сасько ее тут же приспособил для ремонта солдатской одежды. На ней же тачали сапоги из брезента и кожаных чехлов с немецких орудий.

Доброта старшины сочеталась с высокой требовательностью. Он постоянно следил за соблюдением солдатами формы одежды, пресекал малейшую неряшливость, небрежное отношение к обмундированию, обуви и другому имуществу батареи.

Не всем это нравилось тогда, но именно эту требовательность солдаты, вернее, бывшие солдаты, по достоинству оценивают сейчас.

— Как я злился, когда Сасько заставлял нас пить хвойный настой или собирать и есть во щах лебеду, — рассказывал мне при встрече Фуат Мансурович Махму-

тов. — И как благодарил его потом, после войны, за заботу о нас, о нашем здоровье.

— Мне кажется, что мало пишут у нас о старшинах, — заметил потом в такой же беседе со мной Иван Андрианович Долгов. — И о политработниках, а ведь это самые близкие солдату люди.

Я согласился с ним. Солдату нет смысла говорить неправду.

Потом разговор зашел о той большой роли, какую ветераны войны играют в воспитании молодежи. Иван Андрианович Долгов сказал, что в поселке Буздяк до сих пор помнят встречу жителей с бывшими воинами сформированного здесь в 1942 году 1097-го пушечного артиллерийского полка.

Да, встреча была интересной. Произошла она по инициативе пионеров и школьников буздякской средней школы № 2 — членов клуба «Поиск» — накануне 40-летия Великой Победы.

Помню, как взволновало меня письмо ребят, просивших помочь им организовать встречу с ветеранами. По горячим следам я написал письма сослуживцам, а некоторым просто позвонил.

И вот уже пришли ответы с согласием участвовать в празднике.

Около 40 человек, бывших бойцов полка, съехались тогда в поселок.

Среди них были полковник в отставке Сергей Николаевич Дударев — бывший командир 8-й батареи, ныне преподаватель МГУ; бывший командир 3-й батареи Александр Николаевич Чистяков, ныне профессор Ленинградского технологического института имени Ленсовета; подполковник в отставке Анатолий Терентьевич Шосталь — в годы войны боец орудийного расчета; бывший связист штаба Галим Суфиянович Саубанов, заслуженный учитель РСФСР, директор средней школы № 2 города Уфы; бывший разведчик Иван Андреевич Смирнов — наш старший почтальон.

Из разных уголков Башкирии приехали Янгир Арасланов, Талгат Бикбулатов, Минигази Газиев, Галинур Гареев, Иван Елисейев, Араслан Ергизов, Мигран Иркабаев, Николай Кудряшов, Закуан Мухамедзянов, Николай Михайлов, Мирхозян Низамов, Иван Самсонов, Ильяс Сагитов, Минибай Хамидуллин, Катибян Хафизов, Михаил Хватков и Владимир Шонгуров.

Василий Иванович Кучеравлюк приехал из Хмельницка, Владимир Кузьмич Ларин — из Москвы, Николай

Моисеевич Фоменко — из Городовиковска Калмыцкой АССР...

Атмосфера встречи была праздничной. Школьникам и жителям поселка было приятно встретиться с нами, а нам — с ними.

Некоторых из пожилых людей мы узнавали. Им тоже припоминались наши лица. Секретарь Буздякского районного комитета партии Клара Нуриевна Гизитдинова вспоминала, как они, в то время малыши, бегали вокруг казармы. В разговорах, в выступлениях на митинге оживали картины прошлого. Следопыты, много лет ведущие поиск, признавались нам, что вот только сейчас, во время встречи с нами, они поняли размеры и величие подвига, свершенного советскими воинами во время Великой Отечественной войны. И поисковая работа обрела для них еще больший смысл.

Я до сих пор не теряю связей с пионерами Буздяка. Многие из ребят уже закончили школу, передали традицию ведения поиска младшим. Нам приятно было узнать, что многие из буздякских выпускников школ идут учиться в военные училища, активно готовятся к службе в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота.

— Вот-вот, — подтвердил Иван Андрианович Долгов, слушая мой рассказ, — таких встреч надо бы побольше, чтобы школьники побольше знали правды о войне, о воинском труде. Мы за мир — это понятно, но и возможность вражеской агрессии сбрасывать со счета пока нельзя. А кто лучше всех может донести людям всю правду о прошлом, чтобы оградить их и от наших прежних ошибок, как не мы, ветераны?

И я согласился с ним.

СОДЕРЖАНИЕ

П. И. НОВОСЕЛОВ	
На главном рубеже	12
А. И. ВЕРЕВИТИН	
Люди высокого долга	25
И. П. МИРОНОВ	
Сквозь трудный год	37
Е. П. СТЕЛЬМАХ	
Тяжелый хлеб	46
А. Ф. АСТАШКИН	
По большому счету	64
В. С. БРЕХОВ	
По заданию Смольного	75
В. И. БЕЛОЗЕРОВ	
В тесном контакте	84
Ф. Б. ПОТАПОВ	
Человеческий фактор	97
Я. И. РАБИНОВИЧ	
По собственному почину	107
Т. С. КВЯТКОВСКАЯ	
По велению совести	116
Н. К. ЕГОРОВСКИЙ	
Везли мы на фронт тепло	125
И. А. ПРОКОПЕНКО	
Что могут девушки?	133
А. Н. БАЛАНДИНА-ШКОЛЯРОВА	
Между двух огней	143
И. И. КРАСНОПЕЕВ	
Скальпелем и автоматом	151
В. И. КОНОНОВ	
Сутки на «пяточке»	167
П. В. БЛИНОВ	
В Партизанском крае	179
Т. И. КАЛМЫКОВА	
В твоих руках жизнь	188
Н. П. КРЫЛОВ	
Бодрость дарящие	199
А. А. ЮРГИЛЕВИЧ	
Хотелось быть пужной	206

И. И. СМЕРНОВ	
В ледовой разведке	212
А. И. ВАСЯНОВИЧ	
И вставали мосты	221
Г. С. СОБОЛЬ	
Трудные рейсы	233
В. И. СЕРДЮК	
Нет у дороги конца	240
А. С. ГУТОРОВ	
Борьба за огонь	250
В. А. ИЕРУСАЛИМСКИЙ	
Бензин из-под земли	259
Г. Г. МИРОШНИЧЕНКО	
Бои на дорогах	266
И. П. КОННОВ	
Бойцы вспоминают...	275

С думой о солдате/Сост. И. П. Коннов. — Л.:
С11 Лениздат, 1989. — 287 с., ил.
ISBN 5-289-00331-2

В книгу вошли материалы, авторами которых являются те, кто работал в блокадном Ленинграде в тыловых учреждениях фронта, армий, дивизий, полков. Ветераны рассказывают о том, как осуществлялось снабжение войск и населения города продовольствием, обмундированием, боеприпасами, горючим. Книга повествует также о самоотверженном труде работниц пошивочных и сапожных мастерских, воинво дорожных подразделений.

Рассчитана на массового читателя.

С $\frac{1305010000-150}{M171(03)-89}$ 87-89

63.3(2)722.78

С ДУМОЙ О СОЛДАТЕ

Составитель Иван Петрович Коннов

Заведующий редакцией *А. В. Коротнян*

Художник *Д. К. Тигое*

Художественный редактор *В. А. Баканов*

Технический редактор *Н. Н. Дмитриева*

Корректор *Н. П. Кукушкина*

ИБ № 4806

Сдано в набор 27.09.88. Подписано к печати 08.02.89. М-18036. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага Газетная. Гарн. об. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 15,61. Тираж 15 000 экз. Заказ № 649.
Цена 1 р. 10 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

1 р. 10 к.

сообщал, что уломал местного военкома и тот помог ему уехать на фронт. Через Вологду много проходило стрелковых частей, и пристроиться к ним не составляло труда.

Примерно через месяц я получил от Володи письмо. Писал он, что уже понюхал пороху, что на передовой опаснее, но не труднее, чем наша шоферская работа. Он даже отдохнул немного, поправился, в следующем письме пришлет фотокарточку.

Только не было следующего письма. Уже после войны я узнал, что Биневский погиб. До сих пор хорошо помню его: здоровый, крепкий, немного простодушный, но в своих решениях твердый. Вот такими, как он, и ковалась наша Победа над злейшим врагом.

Не скажу, что во время войны и сейчас, оглядываясь на свое прошлое, я мог бы упрекнуть себя в трусости или в недостатке усердия в своем шоферском деле. Не было случая, чтобы не выполнил какого-то задания. Напротив, часто ухитрялся сделать быстрее и лучше, чем приказывало начальство. Сам себе я дал зарок — работать и за себя, и за Биневского. Он и после войны был для меня примером честности и добросовестности во всем. Кажется, мне удалось в своей некороткой жизни быть достойным его памяти... И тем не менее... тем не менее, чувствую, особенно в бессонные ночи, как гложет душу какая-то вина моя перед ним, погибшим. Как-то поговорил на эту тему с одним из старых сослуживцев. Оказывается, не только у меня постанывает сердце при мысли о погибших. А где тут выход? Он, думается, в непрерывности нашей памяти о них. Да, в памяти...